

ФГОС
ИННОВАЦИОННАЯ ШКОЛА

Г.С. Меркин

Литература

**Учебник для 6 класса
общеобразовательных
организаций**

**В двух частях
Часть I**

8-е издание

Рекомендовано Министерством просвещения
Российской Федерации

Экспертное заключение № 004570

от 19.12.2016 г. (научная экспертиза)

Экспертное заключение № 004577

от 19.12.2016 г. (педагогическая экспертиза)

Экспертное заключение № 03/16-0224

от 26.12.2016 г. (общественная экспертиза)

Соответствует Федеральному
государственному образовательному стандарту

Москва
«Русское слово»
2019

УДК 373.167.1:82*06(075.3)

ББК 83.я721

М52

Автор — Г.С. Меркин, доктор педагогических наук, профессор

**В создании учебно-методического комплекса принимали участие
сотрудники Литературного института им. А.М. Горького
(ректор — доктор филологических наук, профессор А.Н. Варламов):**

*И.И. Бولычев, А.Н. Варламов, А.В. Василевский, С.Ф. Дмитренко,
Е.В. Дьячкова, Г.Ю. Завгородняя, Л.А. Карпушкина, А.В. Королёв,
Б.А. Леонов, В.П. Смирнов, М.Ю. Стояновский, С.Р. Федакин*

Меркин Г.С.

М52 Литература: учебник для 6 класса общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 1 / Г.С. Меркин. — 8-е изд. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2019. — 336 с.: ил. — (ФГОС. Инновационная школа).

ISBN 978-5-533-00838-9 (ч. 1)

ISBN 978-5-533-00840-2

Учебник соответствует программе по литературе для 5—9 классов (автор-составитель Г.С. Меркин). Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно, содержит хрестоматийные тексты.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту, Примерной основной образовательной программе основного общего образования и Концепции преподавания русского языка и литературы; входит в систему учебников «Инновационная школа» (5—8 классы, автор Г.С. Меркин; 9 класс, авторы С.А. Зинин, В.И. Сахаров, В.А. Чалмаев).

Учебник предназначен для общеобразовательных организаций.

Дополнительные электронные материалы к учебнику размещены на сайте издательства «Русское слово» — русское-слово.рф.

УДК 373.167.1:82*06(075.3)

ББК 83.я721

ISBN 978-5-533-00838-9 (ч. 1)

ISBN 978-5-533-00840-2

© Г.С. Меркин, 2012, 2019

© ООО «Русское слово — учебник», 2012, 2019

О ЛИТЕРАТУРЕ, ПИСАТЕЛЕ И ЧИТАТЕЛЕ

В 5 классе мы говорили в основном о книге. Конечно, разговор о ней будет продолжен и в 6 классе, но размышлять мы будем не только об отдельно взятой книге или произведении, а о литературе в целом.

Литература — вид искусства, отличительной чертой которого является создание художественных образов при помощи слова, языка.

Прежде всего предлагаем вам вчитаться в строки о литературе, писателе и читателе самих художников слова: они об этом знают куда лучше других и высказывают свои мысли образно и ярко.

О литературе

«Художественная литература, — писал литературовед и прозаик Ю.Н. Тынянов, — отличается от истории не “выдумкой”, а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них».

Русский литературный критик В.Г. Белинский утверждал: «Литература есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни». Что значит «сознание народа»? Это сумма его представлений о жизни и окружающем мире, его нравственные оценки, это летопись народа, которая одновременно является «цветом и плодом его духовной жизни», потому что из века в век через книги передаются бесконечные богатства накопленного опыта. Литература позволяет не только вызвать в человеке духовную жажду, но и утолить её. А.С. Пушкин писал о тех, кто умеет сопереживать литературным героям, умеет чувствовать красоту поэзии и понимать авторский замысел:

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел¹...

Литература не подвержена смерти, она её не признаёт.
Вот как эта мысль звучит в стихах А.А. Ахматовой:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти всё готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

Английский философ-гуманист Ф. Бэкон ещё в XVII веке писал: «Произведение истинного поэта — бессмертно; доказательством тому служат творения Гомера, которые сохранились в течение с лишком 2500 лет; из них не утратилось ни одной буквы, ни одного слова, тогда как в течение того же времени разрушилось или было стёрто с лица земли бесчисленное множество дворцов, храмов, замков и даже целых городов...»

Литература, по мнению русского писателя А.Н. Толстого, «выполняет работу памяти; она выбирает из потока времени наиболее яркое, волнующее, значительное и запечатлевает его в кристаллах книг». Литература ведёт читателя в будущее даже тогда, когда темой художественного произведения являются события «старинны глубокой». Об этом говорили многие русские и зарубежные литераторы. Так, писатель XIX века С.Т. Аксаков утверждал, что «поэт лучше нас, рядовых людей, прозревает будущее».

Процесс творчества у каждого протекает по-своему, но, наверное, каждый из пишущих переживал в некоторой мере то состояние, которое воссоздал А.С. Пушкин:

¹ Удел — доля, участь, судьба.

Х

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем.
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

ХІ

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут.
И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге.
Минута — и стихи свободно потекут...

Предметом литературы может быть всё, потому что в жизни человека и человечества есть это «всё». Об этом ёмко сказал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Литература — это сокращённая вселенная». Для неё нет запретных сюжетов, тем, слов. Главное, чтобы они были выстраданы и уместны. А источник поэтического вдохновения можно найти в самых обыденных вещах — нужно только уметь смотреть на мир как на чудо. А.А. Ахматова написала об этом в замечательном стихотворении:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дёгтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

Высока и значительна цель литературы. М. Горький так формулировал её: «Цель литературы — помогать человеку понимать самого себя, поднять его веру в себя и развить в нём стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать всё для того, чтобы люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты...»

Оставаясь собой, пытаюсь выразить потаённую мысль по-своему, не отдавая её никому, настоящий художник, по утверждению А.Т. Твардовского, стремится,

С тропы своей ни в чём не сосупая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

При этом «сознание нужности, необходимости именно этого произведения, — считал А.Т. Твардовский, — очень важная вещь. Без неё нельзя творить. Если нет внутренней необходимости высказаться, то чудес не бывает — читатель просто не заинтересуется написанным». И в стихах поэта звучит та же мысль:

С меня довольно было б чуда,
И велика была бы честь
То слово вынуть из-под спуда,
Что нужно всем, как пить и есть.

В чём сила литературы, секрет её воздействия на читателя?

Литература, настоящая, художественная, сообщает нечто главное о жизни — через все специальности, увлечения, интересы, времена, — затрагивает *душу*. Поэтому она и не подвержена забвению, за это её читают

и будут читать. Это знали ещё древние: «Ars longa — vita brevis» («Жизнь коротка — искусство долговечно»). Не зря три тысячи лет назад надпись над входом в библиотеку Рамзеса II гласила: «Душевное лекарство».

Вопросы и задания

1. Подготовьте тезисы основных положений статьи «О литературе».
2. Как вы понимаете смысл надписи, висевшей над входом в библиотеку египетского фараона Рамзеса II?
3. Литература — вид искусства. В чём её отличия от других искусств: живописи, музыки, архитектуры? И что роднит литературу с другими видами искусства?
- 4*¹. Можно ли применительно к одному произведению употребить слово «литература»? Уместно ли об отдельно взятом художественном произведении сказать: *хорошая литература* или, наоборот, *плохая литература*? Постарайтесь дать развёрнутый и аргументированный ответ.

О писателе

Немецкий философ XIX века Л. Фейербах утверждал, что «настоящие писатели — совесть человечества». Почему? Потому что они свою задачу, как правило, видят в утверждении добрых чувств, высоких нравственных принципов. При этом писатель не учит — он не наставник и не воспитатель. Читатель учится сам. Писатель видит свою задачу лишь в том, чтобы изображать жизнь такой, какая она, по его мне-

¹ Здесь и далее знаком * отмечены вопросы и задания повышенной сложности.

нию, есть. Все права на выводы, заключения, формирование отношения к изображённому он отдаёт читателю. Вот какой образ писателя создал поэт О. Хайям:

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Всё ещё не зачислен в разряд мастеров.

Такой в творчестве видела себя М.И. Цветаева:

Я — страница твоему перу.
Всё приму. Я белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей¹...

Старший современник А.С. Пушкина К.Н. Батюшков призывал писателей к гармонии между жизнью и сочинительством: «Живи, как пиешь, и пиши, как живёшь: иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы». А.А. Блок был убеждён: «Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла, — для того ли, чтобы родиться для новых созданий, или для того, чтобы умереть, — только оно может стать великим. Кто прозорлив хоть немного, должен знать, что в трудный писательский путь нельзя пускаться налегке, а нужно иметь хоть в зачатке “Во Имя”, которое бы освещало путь и питало творчество».

Писатель пропускает изображаемое через своё сознание и свою душу. На этом настаивал Н.В. Гоголь: «Всё извлечённое из внешнего мира художник заключает сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремляет его одной согласной торжественной песней».

¹ *Сторицей* (устар., книжн.) — во много раз больше, с избытком, многократно.

Созвучны гоголевским мысли М.Ю. Лермонтова:

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот,
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт.

О том же говорил в поэтических строчках С.А. Есенин:

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

По мнению английского писателя У.С. Моэма, «писатель не сочувствует. Он чувствует за других».

Главной задачей писателя является «прозрение» правды о предмете изображения. Прочитайте об этом строки некоторых художников слова.

Дж.Г. Байрон:

...Высшее достоинство поэта —
Суметь изгнать и клевету и лесть
И мир изобразить таким, как есть!

Е.А. Баратынский:

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец её! Тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.

«Цель художника, — утверждал Л.Н. Толстой, — заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не иссякающих всех её проявлениях».

1. Как вы считаете, писатель — это профессия? Каким вы представляете себе труд писателя?
2. Добрые чувства... Как вы понимаете это словосочетание? Продолжите предложение: *Добрые чувства — это любовь, сострадание...*
3. Вы согласны с мыслью о том, что «писатель не учит»? Аргументируйте свой ответ.
4. Что значит «...иметь хоть в зачатке “Во Имя”» и почему слово «Имя» написано А. Блоком с заглавной буквы?
5. Как вы понимаете выражение «сжечь себя дотла», применённое к писателю?
6. Писатель, литератор, сочинитель, прозаик, поэт, драматург. Это синонимы?

О читателе

Зачем человеку читать? Многие люди размышляют над этим. Немецкий писатель И.В. Гёте писал: «Нет такой книги, из которой человек не мог бы научиться чему-нибудь хорошему», — и сразу же, в следующей фразе, противоречил сам себе: «Слишком много читают посредственных книг и теряют на них время, и больше ничего из этого не выходит». Но дальше Гёте сам же и разрешает это противоречие, говоря: «Добрые люди и не подозревают, каких трудов и времени стоит научиться читать. Я сам на это употребил 80 лет и всё же не могу сказать, что вполне достиг цели».

Так для чего читать? Чтобы узнавать душу писателя, постигать его образ, представлять себе его личность? Конечно. Ведь быть собеседником Гомера и Горация, Пушкина и Гоголя, Л. Толстого и Ж. Верна, мно-

гих-многих других авторов, беседовать с ними один на один, без посредников, напрямую, потому что в момент чтения писатель и читатель равны — уже само по себе великое счастье. Но только ли это является целью чтения?

Мы часто употребляем словосочетание «настоящий читатель». Кто он? И каков он?

Русский философ XX века И.А. Ильин писал об этом: «Настоящий читатель отдаёт книге своё свободное внимание, все свои душевные способности и своё умение вызывать в себе ту верную духовную установку, которая необходима для понимания этой книги. Настоящее чтение не сводится к бегству напечатанных слов через сознание; оно требует сосредоточенного внимания и твёрдого желания верно услышать голос автора».

Вот мысли о настоящем читателе поэта и переводчика С.Я. Маршака: «Поговорим о читателе. О нём говорят редко и мало. А между тем читатель — лицо незаменимое. Без него все произведения — всего лишь немая и мёртвая грудa бумаги.

Отдельные читатели могут иной раз ошибочно судить о книгах, но за Читателем в большом, собирательном значении этого слова — и притом на протяжении более или менее продолжительного периода времени — всегда остаётся последнее слово в оценке литературного произведения. <...>

Время идёт, одно поколение сменяет другое, и каждое из них по-своему оценивает дошедшее до него литературное наследство. И если прозаик или поэт сохраняют своё значение и вес в течение веков, то это объясняется не тем, что они были однажды зачислены в ряды гениев и классиков или увековечены воздвигнутыми в их честь монументами, а тем, что и новые поколения признают их ценными и нужными для жизни.

А бывают случаи, когда книга, мирно лежащая у нас на полке, постепенно и незаметно теряет своё обаяние. Она как бы уничтожается, сливаясь с другими, ей подобными.

Решает судьбу книги живой человек, читатель.

Все струны, которыми владеет автор, находятся в сердцах у читателей. Иных струн у автора нет. И в зависимости от качества игры на этих струнах они отзываются в душах людей то глухо, то звонко, то громко, то тихо. <...>

Читатель перестаёт быть только читателем. Он становится участником всего, что пережил и перечувствовал поэт. <...>

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова».

О настоящем читателе размышлял писатель Ч.Т. Айтматов: «Настоящий читатель — это человек, который, беря книгу в руки... открывает себя, величайший дар природы в себе — талант сопереживания, талант человечности. И если это порой случается, значит, книга сделала своё дело — стала мыслью, чувством, мечтами и поступками других людей. Значит, в чём-то она сможет — их усилиями, их волей — изменить народ, жизнь, мир к лучшему».

Кроме того, читать надо, чтобы узнавать жизнь, постигать прошлое, осмысливать настоящее и смотреть в будущее. Читая, говорил поэт И.А. Бродский, ты узнаёшь прошлое «со скоростью переворачиваемой страницы». И ещё читать необходимо потому, что будущее человечества намечено не политиками, а художниками, и другого будущего, кроме того, что указано искусством, у человечества нет.

Но самое главное — литература рассказывает нам о нас самих. Художественная литература — это наша биография, написанная ещё до нашего рождения. Читайте внимательно, и вы найдёте в ней вопросы, которые волнуют вас; проблемы, которые у вас возникают; боль, которую вы иногда испытываете; радость, что даёт вам надежды; духовные силы, что помогут по-настоящему жить и чувствовать. Не только вы открываете книгу, но и книга открывает вас.

Завершат наш разговор стихи А.С. Пушкина, которые уже звучали вначале:

IX

<...> Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиёт,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...

Вопросы и задания

1. Какое противоречие заключено в рассуждениях И.В. Гёте и разрешимо ли оно?
2. Почему восьмидесятилетнего «обучения чтению», по мнению Гёте, оказалось недостаточно, чтобы достичь цели?
3. Есть ли созвучные положения в рассуждениях о читателе И. Ильина, С. Маршака и Ч. Айтматова?
- 4*. Приведите из художественной литературы примеры, подтверждающие мысль о том, что читатель узнаёт историю человечества «со скоростью переворачиваемой страницы».

1. Познакомьтесь с другими высказываниями писателей о литературе и чтении (в электронных материалах к учебнику). Подготовьте устное размышление о настоящем читателе. Начните его следующим образом: «Я думаю, что настоящий читатель — это...»
2. Перед вами — строки У. Шекспира о литературе, о творчестве. Какие мысли возникли у вас при их чтении? Сформулируйте и запишите их.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметёт моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

Из мифологии

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Человек с древнейших времён пытался понять, как возник мир, в котором он живёт, какие силы управляют этим миром. На первоначальных этапах истории человечества он обращался к помощи фантазии, воображения.

Древний человек был тесно связан с природой; видимый мир для него был цельным, неделимым. Вселенную наши далёкие предшественники представляли себе творением могучих стихийных сил. Стихия могла быть и благосклонной, и губительной, и равнодушной, и непонятно-таинственной. Весь мир в представлении древнего человека был неким космически родственным, семейным единством, охватывающим небо, землю, море, подземную глубину, потомков и предков. Эти представления древние люди отражали в *мифах*.

Слово «миф» греческого происхождения, его переводят как «сказание». Мифы повествуют о богах и героях, которые участвовали в создании природного и культурного мира. Совокупность легенд и сказаний о богах и героях составляет *мифологию*.

Постепенно, с развитием представлений о мире миф перестаёт быть объяснением природных и социальных явлений, а становится частью исторического прошлого народа — так возникают произведения устного народного творчества (предания и легенды) с мифологическим сюжетом.

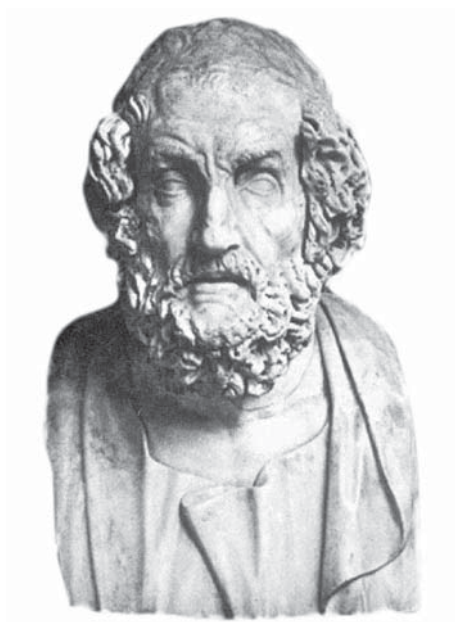
В Древней Греции своеобразными хранителями легенд и преданий были бродячие певцы — *аэды*. Они переходили от поселения к поселению, останавливались в домах племенных вождей и произносили, аккомпанируя себе на кифаре¹, песни и гимны в честь богов, покровителей данного племени, и героев, которые, согласно легендам, были предками вождей племени.

Такие песни явились началом собственно литературы и обозначались понятием «эпос»². У каждого народа слагался свой эпос. Карело-финская «Калевала» рассказывает о сотворении земли и неба, о рождении и приключениях главного героя Вяйнямёйнена. Старофранцузская поэма «Песнь о Роланде» повествует о гибели храброго воина в неравном бою. В древнегерманской «Песни о Нибелунгах» ведётся рассказ о женитьбе драконоборца Зигфрида на принцессе Кримхильде, о коварном убийстве Зигфрида и о мести его жены, Кримхильды, за смерть мужа.

Наиболее популярными в Древней Греции стали сотканые из легенд поэмы слепого певца Гомера «Илиада» и «Одиссея». Герои поэм Гомера были очень известны и любимы во всей Греции. Стихи Гомера передавались из уст в уста, от поколения к поколению. За-

¹ *Кифара* — струнный музыкальный инструмент древних греков.

² Позже этим словом стали называть не только героические повествования о прошлом, содержащие целостную картину народной жизни и мира, но и особый род литературы (наряду с лирикой и драмой).

Гомер. Античная скульптура

писаны они были в Афинах лишь в VI веке до нашей эры.

В эпосе находили отклик переживание и осмысление народом больших исторических событий. Одним из таких событий стала Троянская война, о которой повествуется в поэме «Илиада».

Гомера принято считать родоначальником европейского эпоса. Его творения «Илиада» и «Одиссея» стали для искусства последующих эпох образцом художественного совершенства.

■ Прочитайте сведения о Гомере, данные в «Краткой литературной энциклопедии»:

«Гомер — легендарный поэт Древней Греции, который считался в древности и в позднее время автором эпических поэм “Илиада” и “Одиссея”, а также некоторых мелких произведений (“Гомеровские гимны”, ко-

В.А. Жуковский.
Гравюра Т. Райта.
1835 г.

Н.И. Гнедич.
Художник М. Вишневецкий.
1839 г.

мическая поэма “Маргит” и др.). Античные биографии изображают Гомера странствующим певцом. За честь называться родиной Гомера спорили, по преданиям, семь городов (Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос, Афины). Время жизни Гомера античные источники определяют по-разному — от 12 до 7 века до н.э. Вся совокупность проблем, связанных с изучением личности и сочинений Гомера, известна в литературоведении под названием “гомеровский вопрос”».

Поиску сохранившихся свидетельств о Гомере посвятил часть своей жизни немецкий археолог Гёнрих Шлиман (1822—1890). Он задался целью открыть вещественные доказательства, связанные с жизнью и творчеством Гомера, и начал заниматься археологией.

В 1870—1886 годах он производил раскопки Трои, Микен, Орхомена, Тиринфа и на островах Итака и Крит. Его раскопки дали богатейший материал для формирования представлений об эгейской культуре.

Троянские сокровища, спасённые во время Второй мировой войны от нацистов, долгое время хранились в России.

В России одними из первых переводчиков Гомера были поэты Николай Иванович Гнедич (1784—1833) и Василий Андреевич Жуковский (1783—1852).

В 1816 году Н. Гнедич написал поэму «Рождение Гомера», которую он рассматривал как часть большого замысла, связанного с переводом гомеровской «Илиады» и осмыслением гомеровского вопроса для предполагаемого развёрнутого комментария к поэме Гомера.

Вот начальные строки «Рождения Гомера»:

С тех дней, как в Трое жизнь могучего Пелида
Убийцей прервана пред брачным алтарём,
Прошли века; но скорбь глубокую о нём
Хранила в сердце мать, бессмертная Фетида.
«Героев подвиги во гробе не умрут;
Как холмы, гробы их бессмертьем процветут.
Поэзия — глагол святого вдохновенья;
Доколе на земле могуществен и свят,
Героям смерти нет, нет подвигам забвенья:
Из вековых гробов певцы их воскресят»...

В 1829 году Н. Гнедич издал полный перевод «Илиады», над которым работал более 20 лет. Перевод получил признание: А.С. Пушкин оценил труд поэта как совершение подвига. «Русская Илиада перед нами», — писал он. Критик В.Г. Белинский, приветствуя «Илиаду» Н. Гнедича, говорил: «Перевод “Илиады” — эпоха в нашей литературе, и придёт время, когда “Илиада”

Гнедича будет настольною книгою всякого образованного человека».

В 1842 году перевод «Одиссеи» Гомера начал В.А. Жуковский.

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил... —

так начинается гомеровская поэма в переводе В.А. Жуковского, которого А.С. Пушкин назвал «гением перевода». В.А. Жуковский не знал древнегреческого языка, и специально для него в Германии был выполнен особого типа подстрочник¹. И тем не менее «Одиссея» в переводе В.А. Жуковского была признана венцом переводческой деятельности поэта.

К трудам Гнедича и Жуковского неоднократно обращался Пушкин, написавший о русских переводах Гомера:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской
Старца великого тень чую смущённой душой. речи,

Живое слово

Подготовьте небольшое сообщение о Троянской войне и о произведениях литературы и искусства, в которых нашло отражение это событие.

¹ *Подстрóчник* — буквальный, подстрочный перевод иностранного текста.

Троянцы везут коня в город.
Художник Д.Б. Тьеполо. Около 1760 г.

Краткие сведения о сюжете и героях

Поэма Гомера «Одиссея» описывает возвращение на родину после Троянской войны царя маленького острова Итаки Одиссея. События самой войны послужили сюжетом первой гомеровской поэмы, «Илиады»; однако в ней отражено лишь несколько эпизодов так называемого Троянского цикла. Человек античного мира хорошо знал сказания этого цикла, и упоминания о тех или иных событиях, рассыпанные по тексту гомеровских поэм, были ему понятны.

Последовательность событий в сказаниях Троянского цикла такова:

Эрида, богиня раздора, обиженная тем, что её, единственную из богов, не пригласили на свадьбу царя мирмидонян Пелея и морской богини Фетиды, подбрасывает пирующим золотое яблоко с надписью «прекраснейшей». На это звание претендуют богини Афина, Афродита

и Гера. В судьи выбирают Париса (Александра), сына царя малоазийского города Трои Приама. Афродита обещает дать Парису в жёны Елену, дочь Зевса и Леды, прекраснейшую из женщин, и Парис присуждает яблоко ей. После этого он отправляется в Спарту и с помощью Афродиты увозит Елену от мужа, спартанского царя Менелая.

Менелай и его брат, царь Микен Агамемнон, собирают огромное войско, которое десять лет осаждает Трою. Главными героями Троянской войны со стороны греков были: сын Пелея и Фетиды Ахиллес, Одиссей, царь Пилоса старец Нестор, единокровные братья Аяксы, аргосский царь Диомед. Главным защитником Трои был старший сын Приама Гектор, на десятом году войны убитый Ахиллесом. Вскоре после этого Парис стрелой убил Ахиллеса.

Грекам не удалось силой взять Трою, и по совету Одиссея они сделали вид, что отплыли домой, оставив на берегу огромного деревянного коня, в котором была устроена засада. Троянцы внесли коня в город, и Троя была взята. Из основных героев войны лишь Нестор и Менелай благополучно вернулись домой; Агамемнон, вернувшись, был убит женой и её любовником; старший Аякс покончил с собой ещё под Троей, оскорблённый тем, что доспехи Ахиллеса отдали Одиссею, а не ему; младший Аякс погибает в море.

Возвращению Одиссея после десятилетнего странствия и посвящена эта поэма Гомера.

ОДИССЕЙ НА ОСТРОВЕ ЦИКЛОПОВ¹. ПОЛИФЕМ

После долгого плаванья прибыл я с моими спутниками к земле свирепых циклопов, не знающих законов. Не занимаются они земледелием, но, несмотря на это, земля всё даёт им в изобилии. Не сразу пристали мы

¹ *Цикло́пы* (киклопы) — одноглазые великаны, населявшие, как считают комментаторы Гомера, Сицилию.

к их земле. До нас доносились голоса циклопов и бление их стад. На следующее утро решил я плыть на своём корабле к земле циклопов, чтобы узнать, что это за народ. Быстро переплыли мы неширокий пролив и пристали к берегу. У самого моря увидели мы пещеру, заросшую лавровыми деревьями и огороженную оградой из громадных камней. Взял я с собой двенадцать надёжных товарищей, захватил мех с вином и пошёл в пещеру циклопа. Как узнали мы после, этот циклоп был страшно свиреп, он жил отдельно от других и одиноко пас свои стада. Не похож он был, как и все циклопы, на людей. Это был великан, обладал он чудовищной силой и имел только один глаз во лбу. Когда мы вошли к нему в пещеру, его не было дома. В пещере циклопа в корзинах лежало множество сыров, в вёдрах и чашах стояла простокваша. В пещере были ограды для ягнят и козлят. Спутники мои стали уговаривать меня, захватив лучших ягнят и козлят и взяв сыров, бежать на корабль, но я, к несчастью, не послушал их. Мне хотелось посмотреть на самого циклопа. Наконец пришёл циклоп. Бросил он огромную вязанку дров на землю у входа в пещеру. Увидев циклопа, в страхе забились мы в самый тёмный угол пещеры.

Циклоп же загнал в пещеру своё стадо, завалил скалой вход в неё и стал доить коз и овец. Подоив их, он развёл огонь, чтобы приготовить себе пищу. Тут увидел он нас и грубо спросил громовым голосом:

— Кто вы такие? Откуда пришли?

— Все мы греки, — ответил я циклопу, — плывём изпод Трои. Нас занесло сюда бурей. Мы умоляем тебя принять нас дружелюбно, как гостей. Ведь ты знаешь, что карает Зевс того, кто обижает странников и не оказывает им гостеприимства.

— Видно, что издалека пришёл ты сюда, чужеземец, — свирепо крикнул мне циклоп, — коль думаешь, что бо-

Циклоп Полифем.
Скульптура.
Рим. III в. н.э.

Одиссей. Фрагмент статуи
«Ослепление Полифема».
Рим. III в. до н.э.

юсь я твоих богов! Какое дело мне до Зевса! Не боюсь я гнева Зевса! Не намерен я щадить вас! Делать буду я то, что захочу! Скажи, где твои корабли?

Понял я, зачем спрашивает меня циклоп о моём корабле, и ответил ему:

— Бурей разбило мой корабль о прибрежные утёсы, лишь я со своими спутниками спасся.

Ничего не ответил мне циклоп. Быстро схватил он своими громадными руками двух моих спутников, ударил их о землю и убил. Затем он сварил их и съел. В неописуемый ужас пришли мы и стали молить Зевса о спасении. Циклоп же, окончив свой ужасный ужин, спокойно растянулся на земле и заснул. Я хотел убить его, обнажил уже меч, но, взглянув на громадную ска-

лу, которой завален был вход, понял, что так не спастись нам. Наступило утро. Снова циклоп убил двух моих спутников. Съев их, выгнал он стадо из пещеры, а вход завалил скалой. Долго придумывал я средство, как спастись, наконец придумал. В пещере нашёл я громадное бревно, похожее на мачту. Циклоп, наверное, хотел из него сделать себе дубину. Отрубил я мечом конец бревна, заострил его, обжёг на углях и спрятал. Вечером вернулся со стадом циклоп. Опять убил он двух моих спутников и, окончив свой отвратительный ужин, хотел лечь спать. Но я подошёл к нему и предложил чашу вина. Выпил вино циклоп и сказал мне:

— Налей мне ещё да скажи, как зовут тебя, я хочу приготовить тебе подарок.

Налил я циклопу вторую чашу, он потребовал третью, налил я и третью. Подавая её, сказал я циклопу:

— Ты хочешь знать моё имя? Меня зовут Никто.

— Ну, слушай же, Никто, тебя съем я последним, это будет моим подарком тебе, — так ответил мне со смехом циклоп. Выпил он третью чашу, охмелел, повалился на землю и заснул.

Тогда дал я знак товарищам, схватили мы заострённый конец бревна, разожгли его на костре и выжгли им глаз циклопу. Заревел он от страшной боли, вырвал из глаза дымящийся кол и стал звать на помощь других циклопов. Сбежались они и стали спрашивать:

— Что случилось с тобой, Полифем? Кто обидел тебя? Зачем ты разбудил нас?

Им отвечал, дико взревев, Полифем:

— Меня не силой, а хитростью губит Никто!

Рассердились циклопы и крикнули Полифему:

— Если никто тебя не обидел, то незачем так реветь! Если же ты заболел, то такова воля Зевса, а её никто не изменит.

С этими словами удалились циклопы.

Настало утро. С громкими стонами отодвинул от входа скалу Полифем и стал выпускать в поле стадо, ощупывая руками спину каждой овцы и каждой козы. Тогда я связал по три барана и под среднего привязал по одному из своих товарищей. Сам же я, вцепившись руками в густую шерсть громадного барана, любимца Полифема, повис под ним. Прошли бараны с привязанными под ними моими спутниками мимо Полифема. Последним шёл баран, под которым висел я. Остановил его Полифем, стал ласкать и жаловаться на свою беду, на то, что обидел его дерзкий Никто. Наконец пропустил он и этого барана. Так спаслись мы от верной гибели. Скорее погнали мы стадо Полифема к кораблю, где ждали нас товарищи. Не дал я товарищам оплакивать погибших. Быстро вошли мы на корабль, захватив овец Полифема, и отплыли от берега. Когда отплыли мы на такое расстояние, на которое слышен голос человека, я громко крикнул циклопу:

— Слушай, циклоп! Своей жестокостью ты сам навлёк на себя кару Зевса. Больше не будешь ты убивать и пожирать несчастных странников.

Услышал меня циклоп, в ярости поднял он утёс и бросил его в море. Чуть не раздробил носа корабля утёс. Но шестом оттолкнул я корабль, снова поплыли мы в море. Отплыв, я крикнул Полифему:

— Знай, Полифем, что тебя ослепил Одиссей, царь Итаки!

Завыл от злости дикий циклоп и громко воскликнул:

— Сбылось пророчество, данное мне прорицателем! Я думал, что Одиссей — грозный великан, а не такой ничтожный червяк, как ты!

Стал молить Полифем отца своего Посейдона, чтобы покарал он меня за то, что лишил я его зрения. Схватил он утёс ещё больше первого и бросил в море. Упал утёс за кормой корабля. Громадная волна подхватила

Одиссей спасается от Полифема.
Скульптура. Рим. IV в. до н.э.

мой корабль и бросила далеко в море. Так спаслись мы. Счастливо достигли мы острова, где ждали нас остальные корабли. Там принесли мы богатые жертвы богам. На следующий день отправились мы в дальнейший путь по безбрежному морю, скорбя о погибших товарищах.

Пересказ Н.А. Куна

Вопросы и задания

1. Какой эпизод показался вам самым занимательным? Почему?
2. Каким вы представили себе Полифема? Устно опишите его.
3. Одиссея называли «хитроумным». Как вы думаете, почему? Какие качества характера помогли герою избежать смертельной опасности на острове циклопов?

ГОМЕР

ОДИССЕЯ. ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ (Фрагмент)¹

Охая тяжко и корчась от боли, обшарил руками
Стены циклоп, отодвинул от входа скалу, в середине
Входа в пещеру уселся и руки расставил, надеясь
Тех из нас изловить, кто б со стадом уйти попытался.
Вот каким дураком в своих меня мыслях считал он!
Я же обдумывал, как бы всего это лучше устроить,
Чтоб избавленье от смерти найти как товарищам
милым,
Так и себе; тут и планов и хитростей ткал я немало.
Дело ведь шло о душе. Беда надвигалась близко.
Вот наилучшим какое решение мне показалось.
Было немало баранов кругом, густорунных и жирных,
Очень больших и прекрасных, с фиалково-тёмною
шерстью.
Их потихоньку связал я искусно сплетённой лозой,
Взяв из охапки её, где спал великан нечестивый.
По три барана связал я; товарища нёс под собою
Средний; другие же оба его со сторон прикрывали.
Трое баранов несли товарища каждого. Я же...
Был в этом стаде баран, меж всех остальных
наилучший.
За спину взявшись его, соскользнул я барану под
брюхо
И на руках там повис и, в чудесную шерсть его крепко
Пальцами впившись, висел, отважным исполненный
духом.
Тяжко вздыхая, прихода божественной Эос мы ждали.
Рано рождённая вышла из тьмы розоперстая Эос.
Стал на пастбище он козлов выгонять и баранов.

¹ В электронных материалах к учебнику вы можете найти запись выразительного чтения этого фрагмента.

Матки ж в закутах, ещё не доенные, громко блеяли, —
Вздулося вымя у них. Хозяин, терзаемый злою
Болью, ощупывал сверху у всех пробежавших баранов
Пышноволнистые спины. Совсем он, глупец,
не заметил,
Что привязано было под грудью баранов шерстистых.
Самым последним баран мой наружу пошёл,
отягчённый

Шерстью густою и мною, исполнившим замысел
хитрый.

Спину ощупав его, сказал Полифем многомогущий:
— Ты ли, любимец мой милый? Последним сегодня
пещеру
Ты покидаешь; обычно не сзади других ты выходишь:
Первым из всех, величаво шагая, вступаешь на луг ты,
Нежно цветущий, и первым к теченьям реки

подбегаешь;
Первым с пастбища также спешешь и домой
возвратиться
Вечером. Нынче ж — последний меж всеми.

Иль ждёшь ты, тоскуя,
Глаза хозяйского? Злой человек его начисто выжег,
С помощью спутников жалких, мне чувства вином
отуманив.

Имя злодею — Никто. И смерти ему не избегнуть! — <...>
Я недалеко от входа в пещеру и внешней ограды
Первым на ноги стал и, товарищей всех отвязавши,
С ними поспешно погнал тонконогое жирное стадо
Длинным обходным путём, пока мы судна не достигли.
Радостно встретили нас товарищи милые наши, —
Тех, кто смерти избег; о погибших же плакали горько.
Плакать, однако, я им не позволил, мигнувши бровями,
Но повелел поскорей, погрузив тонкорунное стадо
Всё целиком на корабль, пуститься солёною влагой.

Перевод В.В. Вересаева

Вопросы и задания

1. Найдите соответствующий фрагмент в пересказе Н.А. Куна. Сравните прозаический пересказ и поэтический перевод гомеровской поэмы.
- 2*. Перевод Вересаева — стихотворный. Писатель старался приблизить звучание строк к античному стиху, стремился передать художественное своеобразие гомеровского текста. Одна из его особенностей — использование *эпитетов*, образованных из нескольких слов. Например: розоперстая Эос. Эпитет, относящийся к богине утренней зари, составлен из двух слов: розовые персты́ (пальцы). Найдите в приведённом фрагменте все примеры употребления подобных эпитетов. Такие эпитеты называются *сложными*.

 Эпи́тет — образное определение предмета или явления, выраженное преимущественно именем прилагательным. В роли сложного эпитета выступает прилагательное, которое состоит из двух-трёх корней.

3. Что говорит о себе Одиссей? Как эти слова дополняют ваше представление о характере героя?
4. Как вы понимаете слова «Дело ведь шло о душе»?

Для вас, любознательные

В 5 классе вы впервые встретились с таким понятием, как «миф», изучили несколько мифов Древней Греции, познакомились с античными богами. Без знания мифов невозможно постичь древнюю культуру и историю страны, её обычаи и представления людей о мире и жизни, ведь в своей основе миф глубоко наци-

Похищение Европы. Художник В.А. Серов. 1910 г.

онален — связан с психологией и системой ценностей народа, с климатом и ландшафтом страны.

Кроме того, мифы помогают понять мировое искусство, ведь они с давних времён и по сей день являются источником вдохновения для писателей, музыкантов и художников, которые используют мифологические образы, сюжеты и мотивы для создания собственных оригинальных творений. Вам, наверное, встречалось выражение «по мотивам», когда речь шла не о музыке, а вообще о каком-либо произведении, в основе которого — другое произведение (мифологическое, религиозное, литературное).

Мотив в произведении искусства — часть темы или устойчивый элемент сюжета.

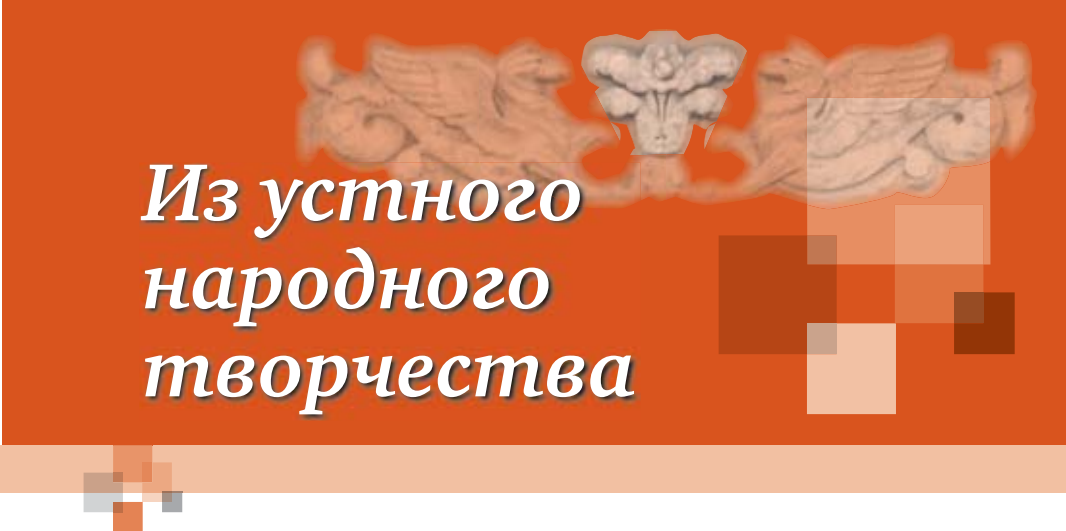
Любой сюжет — переплетение мотивов, тесно связанных между собой. Эта связь помогает глубже понять главную тему произведения. Например, одна из евангельских притч повествует о возвращении блудного сына. К этому сюжету неоднократно обращались многие художники и писатели. Он воссоздан на полотне великого голландского живописца Рембрандта «Возвращение блудного сына». В повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» также присутствует этот мотив. Мифологический эпизод похищения Европы Зевсом в образе быка отразился в известных картинах Клода Лоррена и Валентина Серова «Похищение Европы»; сюжет о скульпторе Пигмалионе, влюбившемся в собственное творение — прекрасную статую Галатеи, — использован в комедии английского драматурга Бернарда Шоу «Пигмалион». Эти и многие другие произведения невозможно глубоко понять, не зная источника происхождения того, что в них изображено.

Музыку на мотивы античных мифов сочиняли русские композиторы: Н.А. Римский-Корсаков (1844—1908) — «Из Гомера»; С.И. Танеев (1856—1915) — опера «Орестея»; А.Н. Скрябин (1871—1915) — «Прометей».

После уроков

Подготовьте сообщение по теме «Мифологический герой (или сюжет) в искусстве разных эпох». Подберите иллюстративный материал, составьте компьютерную презентацию.

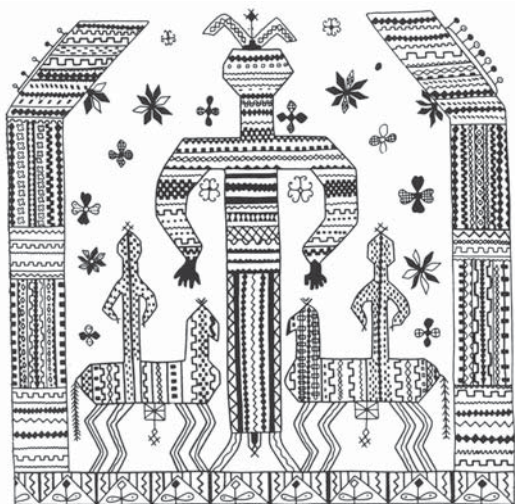
Из устного народного творчества

Мифология славян известна нам только по отрывочным упоминаниям в величайшем памятнике древнерусской литературы — «Слове о полку Игореве», в летописях, в произведениях устного народного творчества. Тем не менее она вошла в новый христианский быт некоторыми обычаями, например сожжением соломенного чучела Костромы, плясками возле костра и прыжками через него. Эти обряды нашли отражение в ряде художественных произведений. Мифологические эпизоды присутствуют в «Руслане и Людмиле» А.С. Пушкина, «Снегурочке» А.Н. Островского и т.д.

Славянская мифология перешла в народный эпос, возникший позже и вобравший в себя исторический опыт народа. Формы этого эпоса хорошо известны. Это былины, предания и легенды.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Важные исторические события, какие-то знаменательные факты из жизни сохранялись в памяти народа, передавались из поколения в поколение. Иногда собы-

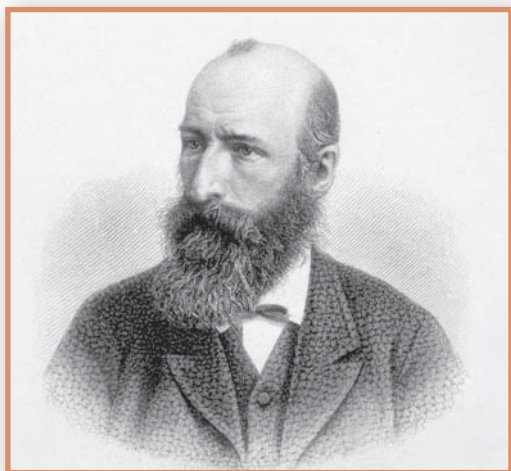

Северная русская вышивка
по мотивам славянской мифологии

тия эти касались известных людей, нередко — людей простых, но совершивших нечто невероятное. Из этого и складывается история народа. И если бы не предания, не семейная и коллективная память, многое было бы утеряно безвозвратно, прервалась бы «времен связующая нить».

У каждой деревни, посёлка, небольшого городка, края есть своя история, свои знаменитые жители, свои удивительные события. Рассказы о них, передаваясь из уст в уста, от поколения к поколению, обрастают различными домыслами и вымыслами, но не теряют внутренней правды. Эта правда — историческая память — самое важное, что характерно для предания.

Предания сообщают нам об освоении того или иного края или о подвиге какого-либо героя; о знаменитом роде или известном человеке. В них, как правило, нет хроники событий, а есть нравственная оценка происходящего.

А.Н. Афанасьев. Гравюра. XIX в.

Предание — прозаическое произведение устного народного творчества о важных событиях, считающихся достоверными. Различают предания исторические (например, о Жанне д'Арк, Иване Грозном) и топонимические¹ (например, о происхождении городов).

Легенда — фольклорный прозаический жанр, в основе которого лежит рассказ о каком-либо замечательном событии или выдающихся поступках людей. В отличие от предания, в легенде всегда присутствует чудо.

Одним из первых в России начал изучение славянской мифологии Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871); он был страстным собирателем произведений устного народного творчества, легенд и преданий русского народа. В 1866—1869 годах он выпустил сборник «Народные русские сказки», в который вошло около 600 текстов, а в 1859 году — сборник «Народные русские легенды». В эту книгу в числе прочих вошла легенда «Солдат и смерть».

¹ *Топоним* — название географического объекта.

Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься на родину с родными повидаться. Сначала было король не пускал его, но потом согласился, наделил его златом-серебром и отпустил его на все четыре стороны.

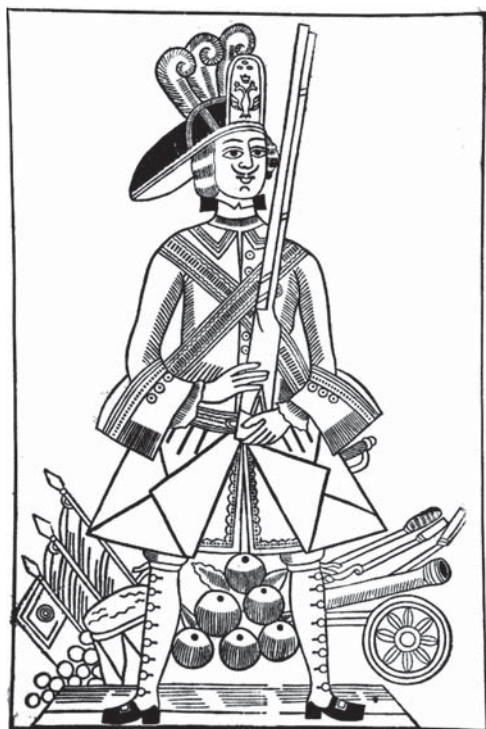
Вот получил солдат отставку и пошёл с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему:

— Неужели на протинах не поднесёшь, а прежде ведь мы хорошо жили?

Вот солдат и начал подносить своим товарищам; подносил-подносил — глядь, а денег-то осталось у него только пять пятаков.

Вот идёт наш солдат. Близко ли, далёко ли, видит: стоит в сторонке кабачок; зашёл солдат в кабачок, на копейку выпил, на грош закусил и пошёл далее. Прошёл немного, встретила ему старуха и стала милостыню просить; солдат и подал ей пятак. Прошёл опять немного, смотрит, а та же старуха опять идёт навстречу и просит милостыню; солдат подал другой пятак, а сам дивуется: как это старуха опять очутилась впереди? Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню; солдат и третий пятак подал. Прошёл опять с версту. Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню. Разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила к его ногам котомку и скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел да и говорит:

¹ В электронных материалах есть запись выразительного чтения этой легенды.

Русский солдат. Лубок¹. Середина XVIII в.

— Куда мне с этой дрянью? У меня и своей довольно!

И хотел было уж бросить — вдруг, откуда ни возьмись, явились перед ним, как из-под земли, два молодца и говорят ему:

— Что вам угодно?

Солдат удивился и ничего не мог им сказать, а потом закричал:

— Что вам от меня надобно?

Один из них подошёл поближе к служивому и говорит:

¹ *Лубок* — картинки, печатаемые с деревянных досок, на которых выгравировано изображение. Подробнее с этим видом искусства вы познакомитесь в 7 классе.

— Мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай.

Солдат думал, что всё это ему грезится, протёр глаза, решился попробовать да и говорит:

— Если ты говоришь правду, то я приказываю тебе, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска и трубка с табаком!

Не успел солдат ещё и кончить, а уж всё и явилось, как будто с неба упало. Выпил солдат, закусил, повалялся на койку и закурил трубку.

Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой, и, когда явился молодец (служитель котомочки), солдат и говорит ему:

— А долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак?

— Сколько угодно, — сказал молодец.

— Ну так убери всё, — сказал солдат и пошёл дальше.

Вот шёл он после этого, близко ли, далёко ли, и пришёл к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом. А барин в этом доме не жил, а жил в другом — в хорошем-то доме черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать:

— Где барин живёт?

А мужики и говорят:

— Да что тебе в нашем барине?

— Да ночевать бы надо попроситься!

— Ну, — говорят мужики, — только поди, так он уж отправит тебя чертям на обед!

— Ничего, — говорит солдат, — и с чертями раздеться можно. А скажите, где барин-то живёт?

Мужики показали ему барский дом, и солдат пошёл к нему и стал у него ночевать проситься. Барин и говорит:

— Пустить-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня там не тихо!

— Ничего, — говорит солдат.

Вот барин и повёл солдата в хороший дом, а как привёл, солдат махнул своей волшебной сумочкой и, когда явился молодец, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось всё. Барин хоть и богат был, а такой закуски никогда ещё у него не бывало! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку. Кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел убрать всё, а молодец говорит:

— Я не могу убрать — не всё на столе.

Солдат посмотрел да и говорит:

— Ты, барин, для чего ложку взял?

— Я не брал, — говорит барин.

Солдат обыскал барина, отдал ложку лакею, а сам и начал благодарить барина за ночлег, да так его изрядно помял, что барин со злости запер на замок все двери. Солдат запер все окна и двери из других покоев, закрестил их и стал чертей дожидаться.

Около полуночи слышит, что кто-то у дверей пищит. Подождал ещё солдат немного, и вдруг набралось столько нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай! Один кричит:

— Напирай, напирай!

А другой кричит:

— Да куда напирать, коли крестов наставлено!..

Солдат слушал, слушал, а у самого волосы дыбом встают, даром что не трусливого десятка был. Наконец и закричал:

— Да что вам тут от меня надо, босоногие?

— Пусти! — кричат ему из-за двери черти.

— Да на что я вас пущу сюда?

— Да так, пусти!

Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гирями, взял мешок, вытряхнул гири да и говорит:

— А что, много ли вас, босоногих, войдёт ко мне в мешок?

— Все войдём, — говорят ему из-за двери черти.

Солдат наделал на мешке крестов углём, приотворил немного двери да и говорит:

— Ну-ка, я посмотрю: правду ли вы говорили, что все войдёте?

Черти все до одного залезли в мешок, солдат завязал его, перекрестил, взял двадцатифунтовую гирю да и давай по мешку бить. Бьёт, бьёт да и пощупает: мягко ли? Вот видит солдат, что наконец мягко стало, отворил окно, развязал мешок да и вытряхнул чертей вон. Смотрит, а черти все изуродованы, и никто с места не двигается.

Вот солдат как крикнет:

— А вы что тут, босоногие, разлеглись? Другой бани, что ли, дожидаетесь, а?

Черти все кое-как разбежались, а солдат и кричит им вдогонку:

— Ещё придёте сюда, так я вам не то ещё задам!

Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришёл к барину и говорит:

— Ну, барин, переходи теперь в тот дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать!

Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошёл себе дальше.

Вот шёл и шёл он так долгонько, и до дому уже недалеко осталось, всего три дня ходьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несёт полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается. Загородила она ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак да и закричал:

— Что тебе надобно от меня, старая? Хочешь, тебе голову раскрою?

Смерть (это была она) и говорит:

— Я послана Господом взять у тебя душу!

Вздрыгнуло солдатское сердце, упал он на колени да и говорит:

— Смилуйся, матушка смерть, дай мне сроку только три года; прослужил я королю свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться.

— Нет, — говорит смерть, — не видаться тебе с родными и не дам я тебе сроку три года.

— Дай хоть на три месяца.

— Не дам и на три недели.

— Дай хоть на три дня.

— Не дам тебе и на три минуты, — сказала смерть, махнула косою и уморила солдата.

Вот очутился солдат на том свете да и пошёл было в рай, да его туда не пустили: недостойн, значит, был. Пошёл солдат из раю да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит:

— Вам что надо от меня? Ах вы, босоногие, или позабыли уж барскую баню, а?

Черти все побежали от него, а сатана и кричит:

— Вы куда, детки, побежали-то?

— Ой, батя, — говорят ему чертенята, — ведь солдат-то тот здесь!

Как услышал это сатана да и сам побежал в огонь. Вот солдат походил, походил по аду — скучно ему стало; пошёл в рай да и говорит Господу:

— Господи, куда ты меня пошлешь теперь? Раю я не заслужил, а в аду все черти от меня убежали; ходил я, ходил по аду, скучно стало, да и пошёл к тебе, дай мне службу какую-либо!

Господь и говорит:

— Поди, служба, выпроси у Михаила-архангела ружьё и стой на часах у райских дверей!

Пошёл солдат к Михаилу-архангелу, выпросил у него ружьё да и стал на часы к райским дверям. Вот стоял он так, долго ли, коротко ли, и видит, что идёт смерть, и прямо в рай. Солдат загородил ей дорогу да и говорит:

— А тебе что надобно, старая? Пошла прочь! Господь без моего доклада никого не примет!

Смерть и говорит:

— Я пришла к Господу спросить, каких на этот год велит людей морить.

Солдат и говорит:

— Давно бы так, а то лезешь не спросясь, а разве не знаешь, что и я что-либо да значу здесь; на-ка ружьё-то поддержи, а я схожу спрошу.

Пришёл служивый в рай, а Господь и говорит:

— Зачем ты, служба, пришёл?

— Пришла смерть, Господи, и спрашивает: каких ты на следующий год велишь людей морить?

Господь и говорит:

— Пусть морит самых старых!

Пошёл солдат назад да и думает: «Самых старых велит Господь людей морить; а что, если у меня отец ещё жив, ведь она его уморит, как и меня. Так ведь, пожалуй, я и не повидаюсь больше. Нет, старая, ты не дала мне вольготушки на три года, так поди-ка погрызи дубы!»

Пришёл да и говорит смерти:

— Смерть, Господь велел тебе на этот раз не людей морить, а дубы грызть, такие дубы, которых старше нет!

Пошла смерть старые дубы грызть, а солдат взял у неё ружьё и стал опять у райских дверей ходить. Прошёл на белом свете год, смерть опять пришла спросить, каких на этот год велит ей Господь людей морить.

Солдат отдал ей ружьё, а сам и пошёл к Господу спросить, каких на этот год велит смерти людей морить. Господь велел морить самых матёрых, а солдат опять и думает: «А ведь у меня там есть ещё братья

да сёстры и знакомых много, а смерть как уморит, так мне с ними и не повидаться больше! Нет, пусть же и другой год погрызёт дубов, а там, быть может, нашего брата солдата и миловать станет!»

Пришёл да и послал смерть грызть самые ядрёные, матёрые дубы.

Прошёл и другой год, пришла смерть на третий раз. Господь велел ей морить самых молодых, а солдат послал её молодые дубы грызть.

Вот так пришла смерть на четвёртый раз, солдат и говорит:

— Ну тебя, старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: надоела!

Пошла смерть к Господу, а Господь и говорит ей:

— Что ты, смерть, худая такая стала?

— Да как худой-то не быть, целых три года дубы грызла, все зубы повыломала! А не знаю, за что ты, Господи, на меня так прогневался?

— Что ты, что ты, смерть, — говорит ей Господь. — С чего ты взяла это, что я посылал тебя дубы грызть?

— Да так мне солдат сказал, — говорит смерть.

— Солдат? Да как он смел это сделать?! Ангелы, подите-ка приведите ко мне солдата!

Пошли ангелы и привели солдата, а Господь и говорит:

— С чего ты взял, солдат, что я велел смерти дубы грызть?

— Да мало ей, старой, этого! Я просил у ней вольготушки только на три года, а она не дала мне и три часа. Вот за это-то я и велел ей три года дубы грызть.

— Ну, так поди-ка теперь, — говорит Господь, — да откармливай-ка её три года! Ангелы! Выведите его на белый свет!

Вывели ангелы солдата на белый свет, и очутился солдат на том самом месте, где уморила его смерть. Видит солдат какой-то мешок, взял он мешок да и говорит:

Аника-воин и смерть.
Лубок. XVII в.

— Смерть! Садись в мешок!

Села смерть в мешок, а солдат взял ещё палок да камня положил туда, да как пошагал по-солдатски, а у смерти только косточки хрустят!

Смерть и говорит:

— Да что ты, служивый, потише!

— Вот ещё, потише, ещё чего скажешь, а по-моему так: сиди, коли посажена!

Вот шёл он так два дня, а на третий пришёл к свату-целовальнику да и говорит:

— Что, брат, дай выпить; все деньги прожил, а я тебе на днях занесу, вот тебе мой мешок, пусть у тебя полежит.

Целовальник взял у него мешок да и бросил под стойку. Пришёл солдат домой; а отец ещё жив. Обрадовался, а ещё больше обрадовались родные. Вот жил так солдат и здорово и весело целый год.

Пришёл солдат в тот кабак и стал спрашивать свой мешок, а целовальник едва и отыскал его. Вот солдат развязал мешок да и говорит:

— Смерть, жива ли ты?

— Ой, — говорит смерть, — едва не задохлась!

— Ну ладно, — говорит солдат. Открыл табакерку с табаком, понюхал да и чихнул.

Смерть и говорит:

— Служивый, дай-ка мне!

Она всё просила, что увидит у солдата.

Солдат и говорит:

— Да что, смерть, ведь тебе мало одной щепотки, а поди сядь в табакерку да и нюхай сколько захочешь.

Только что смерть залезла в табакерку, солдат захлопнул да и носил её целый год. Потом он опять отворил табакерку да и говорит:

— Что, смерть, нанюхалась?

— Ой, — говорит смерть, — тяжело!

— Ну, — говорит солдат, — пойдём, я теперь покормлю тебя!

Пришёл он домой да и посадил её за стол, а смерть ела да ела за семерых. Рассердился солдат и говорит:

— Ишь, прорва, за семерых съела! Эдак тебя не наполнишь, куда я денусь с тобой, проклятая?

Посадил её в мешок да и понёс на кладбище; вырыл в сторонке яму да и закопал её туда. Вот прошло три года. Господь вспомнил про смерть и послал ангелов её отыскивать. Ходили, ходили ангелы по миру, отыскивали солдата да и говорят ему:

— Куда ты, служивый, смерть-то девал?

— Куда девал? А в могилу зарыл!

— Да ведь Господь её к себе требует, — говорят ангелы.

Пришёл солдат на кладбище, разрыл яму, а смерть там уж чуть-чуть дышит. Взяли ангелы смерть и принесли её к Господу, а он и говорит:

— Что ты, смерть, такая худая?

Смерть и рассказала Господу всё, а он и говорит:

— Видно, тебе, смерть, от солдата не хлебы, поди-ка кормись сама!

Пошла опять смерть по миру, да только того солдата больше не посмела морить.

Вопросы и задания

1. Чем легенда «Солдат и смерть» похожа на русские народные сказки о солдате? В чём её отличие от них?
- 2*. Какие персонажи, образы и события легенды характерны не только для русского фольклора?
3. Что необычного вы заметили в изображении Господа? Каким Он представлен в легенде?

Живое слово

Устно нарисуйте портрет солдата. На что вы будете обращать особое внимание в созданном вами портрете?

Советуем прочитать

1. Самостоятельно познакомьтесь с легендой о граде Китеже и подумайте над вопросами:
 - На чём основана легенда о граде Китеже?
 - Какова главная мысль этого произведения?
 - Как связаны исторические факты и чудесные события в повествовании?

2. Сюжет легенды о граде Китеже использовали в своём творчестве многие русские писатели: П.И. Мельников-Печерский (рассказ «Гриша», роман «В лесах»), А.Н. Майков (пьеса «Странник»), М.М. Пришвин (книга «У стен града невидимого»), М.А. Волошин (стихотворение «Китеж»), Н.А. Клюев (стихотворение «Русь-Китеж») и др. Некоторые произведения вы найдёте в электронных материалах к учебнику. Прочитайте их, сопоставьте с текстом первоисточника.

После уроков

1. Если у вас есть возможность, послушайте оперу Н.М. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», познакомьтесь с картиной М.В. Нестерова «Град Китеж (В лесах)».

Как вы думаете, почему легенда о граде Китеже получила такую популярность в русской культуре?

2. Познакомьтесь со списком (словником) персонажей славянской мифологии, составленным на основе мифологического словаря (см. электронные материалы). Самостоятельно подготовьте словарные статьи об этих героях. Работу можно выполнять индивидуально (тогда вы работаете с двумя словами из словника), в парах (тогда с четырьмя) или в небольших группах (по два слова на каждого участника группы). Работа может быть сделана достаточно быстро — к следующему уроку литературы, но может выполняться и в течение учебного года. В этом случае словарные статьи о персонажах славянской мифологии постепенно будут дополняться строками из произведений художественной литературы, где встречаются эти герои.

ИЗ ЭПОСА НАРОДОВ РОССИИ

Нартский эпос¹

КАК БАДЫНОКО ПОБЕДИЛ ОДНОГЛАЗОГО ВЕЛИКАНА

Не было случая, чтобы нарт Бадыноко, охотясь, не попадал в цель, упускал добычу. Но случилось однажды так, а это было ещё до того, как он стал охотиться вместе с Сосруко, — что возвращался Бадыноко с охоты без добычи.

Вдруг выбежала на лесную тропинку дикая коза. Её серая шерсть блестела на солнце. Ничто не уходило от стрелы Бадыноко из того, что замечали его глаза. Бадыноко пустил стрелу. Коза упала. «Убил», — подумал Бадыноко. Он спешился, привязал поводья к луке седла и подошёл к козе. Но коза вскочила и побежала. Бадыноко снова пустил ей вдогонку стрелу. Коза снова упала, а когда Бадыноко подошёл к ней, она вскочила и побежала.

Бадыноко рассердился, пустил стрелу в третий раз, но и в третий раз коза от него убежала. Охотник сел на коня и погнался за козой. Дотемна преследовал он козу, но настичь её не смог. Давно уж был позади лес, началось нартское селение. Коза вбежала в чей-то двор и пропала. Вслед за ней въехал во двор Бадыноко.

На топот коня вышел из дому хозяин. Он был однорук. Кто из нартов не знал Бадыноко, оборонившего Страну нартов от нашествия чинтов? Неудивительно, что узнал его и этот однорукий нарт. Он сказал:

¹ *Нартский эпос* — древний эпос народов Кавказа.

— Добро пожаловать, Бадыноко, ты — желанный гость!

— Пусть умножится число твоих гостей, — ответил Бадыноко. — Хочу зайти к тебе.

— Заходи, славный витязь, в мой дом. Я — нарт, зовут меня Хагур.

Хозяин пригласил Бадыноко в кунацкую, а домочадцам приказал зарезать для гостя быка. Бадыноко не стал есть. Он сразу лёг, но долго ворочался, не мог заснуть.

Утром, когда он проснулся, ему принесли напитки и яства, но гость не стал ни пить, ни есть. Он открыл дверь, чтобы выйти, но на пороге стоял Хагур. В его единственной руке блестел обнажённый меч.

— Бадыноко, ты не уйдёшь без битвы, — сказал Хагур.

— Что я тебе сделал? — удивился Бадыноко.

— Почему ты погнушался моим угощением? Почему не спал всю ночь? Разве моё угощение, моя кунацкая недостойны тебя? — рассердился хозяин.

Бадыноко сказал:

— Положи свой меч, не будем ссориться. Я расскажу тебе, почему я не мог ни есть, ни пить, ни спать.

И Бадыноко рассказал Хагуру об удивительной козе, которая трижды была пронзена его стрелами и трижды оживала.

— Ничего не уходило от моей стрелы из того, что замечали мои глаза, — пожаловался Бадыноко. — А эта коза ушла от трёх стрел, вбежала в твой двор и пропала. Вот почему я опечален, не могу ни есть, ни пить, ни спать.

— Как можно горевать из-за того, что не удалось убить козочку? — воскликнул Хагур. — Разве это горе? Я вот испытал настоящее горе, однако же ем, и пью, и сплю.

— Какое горе ты испытал? — спросил гость.

— Нас было семеро братьев-нартов, — начал Хагур. — Прослышали мы: место, что зовётся Чёрным

Оврагом, кишмя кишит дичью. Хотя это место слыло опасным, мы отправились туда на охоту. Чёрный Овраг был глубок, — нам казалось, будто мы блуждаем по седьмому дну земли. Мы достигли подножия горы, но даже вершина её не достигала земли, тонула в овраге. У подножия горы лежал великан. Единственный его глаз мерцал посередине огромного лба. Одноглазый забавлялся тем, что бросал на вершину горы могучие скалы — абра-камни, а когда скалы летели вниз, он подкидывал их вверх своими пятками. Стадо овец паслось вокруг великана. Вдали виднелась пещера.

Увидев великана, мы, семеро братьев, испугались, но обратиться в бегство сочли для себя позором. Мы приблизились и произнесли вежливое приветствие. Одноглазый, не повернув головы в нашу сторону, сказал:

— Вы мне пригодитесь. Разведите в моей пещере огонь. Принесите котёл воды. Выберите из стада шесть курдючных овец, освежайте их и сварите. Я вернусь, когда вдоволь наиграюсь. Тогда и поужинаю.

Что нам было делать? Пошли мы к пещере. Вход в неё был завален абра-камнем. Как мы ни старались, а сдвинуть его не могли. Оглянувшись, мы увидели котёл, висевший над очагом: очаг стоял у входа в пещеру. Но не хватило у нас сил снять котел. Решили мы хоть огонь развести, нарубить дров. На земле лежал топор великана. Нас было семеро, но мы не могли его поднять. Я сказал:

— Ничего у нас не выходит. Попробуем хоть овец поймать.

Мы пошли к стаду, но овцы разбежались, ни единой не удалось нам поймать, не то что шестерых.

Когда великан вернулся и увидел, что мы не исполнили его приказа, в его единственном глазу вспыхнула злобная радость. Не говоря ни слова, он пригнал своих овец, кончиком мизинца отодвинул могучий абра-камень, загнал в пещеру всё стадо, потом загнал

и нас в пещеру и завалил за нами вход абра-камнем. Зная, что мы теперь не выберемся из пещеры, он, не торопясь, нарубил дров, развёл огонь, набрал воды в котёл, повесил его над очагом, а мы смотрели на него, и в глазах у нас был такой же страх, как в глазах овец.

Когда одноглазый отодвинул абра-камень и вошел в пещеру, чтобы зарезать овец, братья мои испугались и, все шестеро, выбежали из пещеры. Но великан побежал за ними, легко их поймал и убил, проклятый, всех шестерых убил на моих глазах.

Великан снова пошёл в пещеру, поймал трёх овец, вывел их, зарезал, освежевал, положил в котёл, сварил и съел их в один присест. Запив мясо жирным наваром, он уснул.

А я не мог уснуть. Долго я думал, как мне спастись. Утром я решил: «Будь что будет, а выколю единственный глаз чудовища. Пусть убьёт меня великан, но в такой смерти есть мужество».

Так я и сделал: обнажил меч, подкрался к спящему великану и выколол его единственный глаз. Великан взвыл от боли. Он ударил абра-камень ногой с такой яростью, что камень взлетел в небо, упал и провалился сквозь землю.

Ослепший великан стал шарить в пещере руками: он искал меня. Но я спрятался, он не нашёл меня. Стал он выпускать на пастбище своё стадо, ощупывая каждую овцу.

Между овцами находился один длиннобородый козёл. Я заметил его длинную шерсть. Я лег под козлиное брюхо, вцепился руками в шерсть. Великан ощущал спину козла. На ней никого не было. Козёл вынес меня из пещеры.

Когда великан понял, что я на свободе, он крикнул:

— Эй, нарт, победило твоё счастье! Недаром говорят, что вы, люди, умнее нас, великанов. Победил ты меня

хитростью, получай за это в дар кольцо: в нем — моя сила. Ты достоин носить его.

Великан снял с руки золотое кольцо и кинул его. Я тихо подполз к кольцу. Оно было так велико, что я надел его на руку. Но едва надел, оно стало звенеть, не умолкая. Хитрый великан погнался за мной: звон кольца выдавал меня. Что мне было делать? Я уж чувствовал позади дыхание великана. Тогда я вынул меч и отрубил руку, на которую было надето кольцо. Так и спасся, так и живу с одной рукой...

Теперь ты понял, каково моё горе? Я потерял шесть братьев, а ты горюешь о козе!

Выслушав Хагура, Бадыноко сказал:

— Я отомщу за твоих братьев-нартов, я принесу тебе голову слепого чудовища. Клянусь солнцем!

Бадыноко пустился в путь и на другое утро прискакал в Чёрный Овраг. Он увидел пещеру. У входа горел очаг, перед очагом сидел великан с потухшим глазом. Вдали, на пастбище, топтало стадо овец.

— Да будет добрым твой огонь, хитрый великан! — воскликнул Бадыноко.

— Хорошо, что ты пришёл, — ответил слепой иньж¹. — Пригодишься мне в повара.

— Исполню всё, что прикажешь, — сказал Бадыноко.

— Вкусно поужинаю этим малышом, — пробормотал великан. И громко добавил: — Принеси мне из стада трёх самых жирных овец. Поедим и ляжем спать.

Овцы слепого великана были быстры, как вихрь, но конь Бадыноко мчался, как молния. Нарт догнал трёх самых жирных овец, принёс их, освежевал, сварил.

«Плохо моё дело, — подумал великан. — Этому малышу удалось поймать моих овец. В нём, значит, есть сила».

¹ *Иньж* — великан.

Мясо сварилось.

— Поедим, — продолжал великан.

Бадыноко возразил:

— Хочешь поесть — свари. А что я сварил, хватит только мне одному.

Бадыноко подсел к мясу, а великан встал, взял в руки пастушеский посох с крючком на конце и, спотыкаясь, пошёл к стаду. Он нащупал самых тощих овец, — жалко ему было своими руками ловить самых жирных, он был скуп, — пригнал их, разделал и сварил. Бадыноко съел трёх жирных овец, а великан — трёх тощих.

Так и повелось: великан съедал каждый день трёх тощих, Бадыноко — трёх жирных, пока они не поели всё стадо. Тогда Бадыноко предложил чудовищу:

— Давай поиграем, поборемся, вгоним в землю друг друга.

Великан испугался, но сказал:

— Я не прочь. Первая хватка — твоя, малыш!

— Если рвану, то вот так! — крикнул Бадыноко и, подняв великана, вогнал его в землю по колени.

Великан вырвался и вогнал в землю Бадыноко, но только по щиколотку. Тогда Бадыноко вогнал его по пояс. Великан вогнал нарта по колена. Тут рассердился Бадыноко и вогнал великана по самую шею.

— Теперь вырвись, великан, — сказал Бадыноко.

Но крепко держала злобного великана справедливая земля: не мог он вырваться.

— Сравняю все бугры на земле, — сказал Бадыноко.

Он вынул меч и обезглавил великана. Тело чудовища осталось в земле, а голову Бадыноко привязал к седлу, сел на своего гнедого коня и помчался.

Прибыв к Хагуру, Бадыноко спросил:

— Узнаёшь его?

Хагур поглядел на голову великана, с пустой глазницей посредине лба, и узнал голову убийцы своих братьев. Хагур подошёл к Бадыноко и обнял его.

— Исполнил я свою клятву? — спросил Бадыноко.

— Исполнил, — ответил Хагур. — Я не сомневался в этом. Долго я искал нарта, который отомстил бы за моих братьев, ибо сам я не мог совершить мести: силы не хватало. Когда дошла до меня твоя слава, я подумал: «Бадыноко станет мстителем за моих братьев!» Я послал мою дочь, чтобы она привела тебя в наш дом. Коза, в которую ты трижды стрелял, и была моей дочерью. До сих пор остались на её теле следы твоих стрел.

Сказав так, Хагур вышел и вскоре привёл в кунацкую свою дочь. Она была красивей всех тонкобровых. Хагур обнажил её спину: три рубца увидел Бадыноко на белоснежной спине.

— Возьми её в жёны, — сказал Хагур.

Но Бадыноко обнял однорукого нарта и сказал:

— Друг служит другу не ради дара. Нет ничего на земле выше бескорыстной дружбы. Хорошему другу оставляют всё, — оставляю тебе твою смелую красавицу дочь. Она найдёт себе нарта по сердцу. Прощай! Да будут дела твои достойны песни!

— Не я, а ты достоин песни! — воскликнул Хагур.

И рассказывают люди: Хагур и был тем нартом, кто сложил песню о Бадыноко.

Вопросы и задания

1. Какое произведение из прочитанных вами ранее напоминает повествование «Как Бадыноко победил одноглазого великана»? Что в них общего и в чём различия?
2. Какие черты характера проявил Бадыноко?
3. Как вы думаете, о чём пелось в песне о Бадыноко, сложенной Хагуром?

4. На какие языковые особенности произведения вы обратили внимание? Почему?

После уроков

1. Что вы знаете о мифологическом эпосе вашего края? Найдите в библиотеке книги с легендами и преданиями вашего народа. Прочитайте их. Подготовьте пересказ некоторых произведений.
2. Возьмите мифологический словарь. Если его нет в вашем доме или библиотеке, найдите его в Интернете. Составьте словник мифологии вашего народа (по образцу, предложенному в электронных материалах). К некоторым словам напишите словарные статьи.

СКАЗКИ

В предисловии к сборнику «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьев писал: «Народные русские сказки раскрывают перед нами обширный мир. Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном доисторическом быте славянских племён; олицетворённая стихия, вещие птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы — всё послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столько пленительный своею младенческою наивностью, тёплой любовью к природе и обаятельною силою чудесного. <...> Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон; то же неподражаемое искусство — живописать всякий предмет и всякое явление по впечатлению, ими производимому на душу человека; та же образность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов, выражений и целых описаний и сцен».

1. Какие народные сказки вы читали?
2. Какие виды фольклорных сказок вы знаете? Приведите примеры.
3. Вспомните, чем народная сказка отличается от авторской (литературной).

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребяташки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привёз бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит царевич Фёдор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошёл Фёдор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженного, уздает узду неужданую, берёт плётку нехлёстаную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою — не ради красоты, а ради крепости...

Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что сажился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечера — красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трёх дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Поразмыслил Фёдор-царевич: «Давай поеду, где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперёд двигаться.

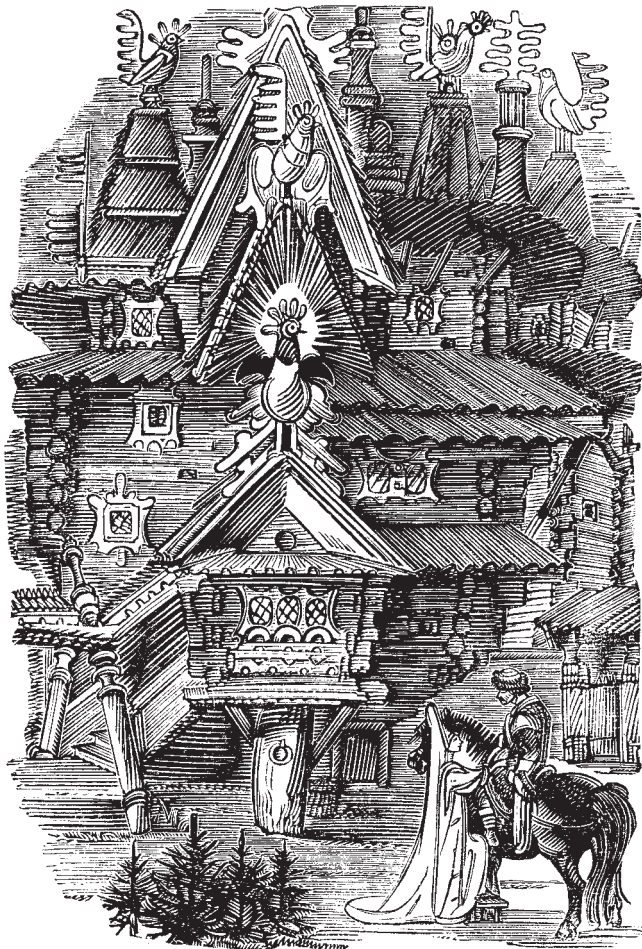
— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лёг Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли — царь опять собирает пир, зовёт князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребяташки, кто бы выбрался из охотников — привезти мне молодильных яблок и живой воды кув-

Иллюстрации к сказке —
гравюры М.В. Моторина и А.Н. Павлова
по рисункам К.В. Кузнецова. 1930-е гг.

шинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, а средний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит второй сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идёт Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданую, берёт плётку нехлёстаную, кладёт двенадцать подпруг с подпругой.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь — себя спасти, коня потерять. Налево поедешь — коня спасти, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусать хлеба-соли и лечь почивать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лёг к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье. А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Фёдор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли — в третий раз царь собирает пир, зовёт князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, средний за меньшого, а от меньшого ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесятое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды да поискать ещё моих братьев.

Дал ему царь благословеньице. Пошёл Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка:

— Здравствуй, дитяtko Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит скованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою не узданой, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что сажился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до расстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти. Эта дорога самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зелёным лугам, по каменным горам, ехал день до вечера — красна солнышка до заката — и наезжает на избушку. Стоит избушка на курьей ножке об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашёл он в неё, а там сидит Баба-яга, ста-

рых лет, шёлковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу, — говорит, — русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, Баба-яга — костяная нога, не поймавши птицу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожního человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улёгся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот Баба-яга это дело всё справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постелю уложила; села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озёр, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя моё милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцов проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезёт он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встаёт ранёхонько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу-ягу за ночлег и поехал на её коне.

Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести вёрст проскал...

Едет Иван-царевич близко ли, далёко ли. День до ночи коротает. И завидел он впереди избушку на курьей ножке об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся. Кони-то были одностадные.

Услышала это Баба-яга — ещё старее той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, Баба-яга — костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело всё справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцов проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитяtko, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встаёт ранёхонько, умывается белёшенько. Благодарит Баба-ягу за ночлег и поехал на её коне. А этот конь ещё бойчей того. Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж триста вёрст проскакал...

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке об одном окошке.

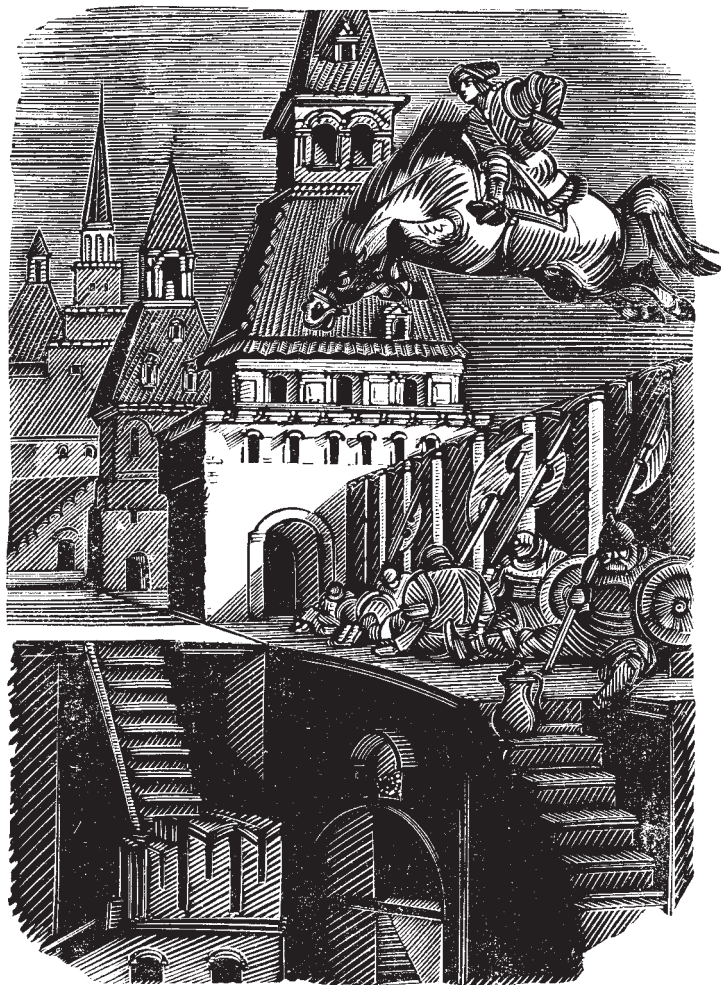
— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо Баба-яга, старых лет, ещё старее той. Поглядела — конь её сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга всё дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а середняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девушка Синеглазка, моя племянница, — сильная и могучая богатырка. Вокруг её царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моём добром коне. Доедешь до стены — бей коня по бокам плетью нехлёстаной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди

в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девушка Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не ходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесёт.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озёра хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьёт его плетью нехлёстаной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, и под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самую увидеть сильную, могучую богатырку, девушку Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят: по одну сторону шесть полениц¹ — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посередине разметалась девушка Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал её и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошёл в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьёт коня плетью нехлёстаной.

— Ах ты конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

¹ *Поленица* — в русском народном эпосе женщина-богатырь.

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об неё одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девушка Синеглазка проснулась да увидела покражу:
— Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девушка Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей Бабы-яги, а у неё уже конь выведенный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперёд погнал... Иван-то царевич за дверь, а девушка Синеглазка — в дверь и спрашивает у Бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезжал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла Баба-яга доить корову — доит, не торопится. Поела девушка Синеглазка молочка и опять погналась за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней Бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девушка Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла Баба-яга блинков — печёт, не торопится. Девушка Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей Бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он за дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у Бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила Баба-яга баньку, всё изготовила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в угон. Конь её с горки на горку поскакивает, реки, озёра хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича наступать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка насккивает, кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что же, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копыя долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копыя-сабли исцербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девица Синеглазка встала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь.

Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатёр в чистом поле, на широком раздолье, на зелёных лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своём царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, — доезжает Иван-царевич до расстаней¹, до трёх дорог, где плита-камень, и думает: «Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошёл на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица:

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьёт, сколько под стол льёт. Повела его прекрасная девица в спальню:

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич толкнул её на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

¹ *Росстань* — перекрёсток дорог, распу́тые.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой?

А из ямы отвечают:

— Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, землёй уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до расстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну.

Лёг он на шелковую траву и богатырским сном заснул.

А Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

— Вернёмся мы без живой воды, без молодильных яблочек — будет нам мало чести, нас отец пошлёт гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а мы вещи возьмём и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самом взморье, опамятовался и видит — только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьёт их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай.

Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?

— Не кричи, мать, нас сберёт русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?

— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберёг, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана положил, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подаёт да подаёт... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куска вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой поеду.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

Пришёл он в столицу и узнаёт, что Фёдор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошёл Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах раскинула шатёр белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь — всё царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего — Фёдора-царевича.

Идёт Фёдор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Фёдора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унёс.

А Синеглазка опять посылает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает среднего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унёс.

Синеглазка в третий раз посылает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдёте — всё царство потопчу, пожгу.

Царь ещё пуще испугался, посылает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идёт к Синеглазке...

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам кто-то идёт...

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатёр. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатёр. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нём сменила и спать уложила...

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком да и за свадебку. Фёдору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.

Вопросы и задания

1. О каких героях рассказывается в сказке? Какими чертами характера они наделены?
2. Кто и почему помогает в пути Ивану-царевичу?
3. На какие жертвы идёт Иван-царевич, чтобы добраться до родной стороны?
4. Чему учит эта сказка?

Живое слово

Перескажите текст «Сказки о молодильных яблоках и живой воде», сохраняя напевность, характерную для русских народных сказок.

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

1. Большинство русских народных волшебных сказок строится по одному принципу: зачин, свершение какого-то события, отправка героя, уход, препятствия на пути, их преодоление, возвращение героя, счастливый финал (концовка). Соответствует ли «Сказка о молодильных яблоках...» этой схеме? Сколько раз повторяются в ней отдельные элементы? Какие?
2. Почему «Сказка о молодильных яблоках...» — волшебная сказка? Назовите признаки, по которым можно сделать такой вывод.
3. В «Сказке о молодильных яблоках...» есть эпизод, где герой должен выбрать дорогу. Обратите на него внимание. С подобным мотивом вы будете встречаться в былинах, которые вам предстоит изучать в 7 классе. А сейчас объясните выбор каждого из трёх сыновей.
4. Что говорил конь Ивану-царевичу на просьбу остановиться? О чём свидетельствовала эта фраза?
5. Выпишите из текста сказки устойчивые обороты.

6*. «Магические» числа — обязательная примета волшебной сказки. Постарайтесь найти и зачитать все эпизоды с «магическими» числами.

7. На ранней стадии развития человечества главой рода была женщина. Этот период назывался «матриархат» — вы об этом должны знать из уроков истории. Счастливый финал «Сказки о молодильных яблоках...» полностью зависит от героини, да и не только финал: вспомните эпизод схватки с Иваном-царевичем. Более того, Ивану-царевичу помогают три Бабы-яги, птица Нагай, наконец, героиня сказки. О чём это свидетельствует?

8. Подберите синонимы к словам, употребляемым в сказке: *(царь) устарел; (царь) глазами обнищал; конь неезженный; росстань.*

После уроков

Давайте проведём фестиваль, посвящённый сказкам. Что может быть в его программе?

1. Конкурс на лучшую сказку собственного сочинения. Сказки победителей могут быть опубликованы в школьном альманахе.

2. Конкурс чтецов. Подготовьте выразительное чтение любимых эпизодов сказок.

3. Составление сборника «О сказках», в который войдут найденные вами пословицы, поговорки, крылатые выражения о сказках.

4. Конкурс-викторина «Это было в киносказке и в мультфильме».

5. Итоговое представление, на которое вы можете пригласить своих родителей, друзей. На нём вы покажете всё лучшее, что было сделано вами при изучении фольклора. А сюрпризом станет инсценировка сказки, которую вы заранее подготовите к фестивалю, и выступление гостей — фольклорных ансамблей вашего края. Возможно, вам удастся найти и сказителя.

Из древнерусской литературы

Древнерусская литература — это произведения X—XVII веков — летописи, поучения, жития, послания, воинские и бытовые повести, описания путешествий (они назывались хождениями), сочинения ораторского жанра, тексты делового характера. Эти произведения, как правило, анонимны, то есть мы не знаем их авторов, что можно объяснить и особенным отношением древнерусского писателя к своему труду (не самовыражение, а исполнение Божественной воли), и тем, что литература Древней Руси была рукописной: сочинения переписывались от руки, зачастую перерабатывались и дополнялись переписчиками. Поэтому некоторые произведения той поры известны нам по нескольким спискам — рукописным вариантам.

Исследователь древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачёв пишет: «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни.

Древнерусская литература ближе к фольклору, чем к индивидуализированному творчеству писателей Но-

вого времени... Литература Древней Руси не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством надындивидуальным¹. Это было искусство, создававшееся путём накопления опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей — в основном безымянной — письменности.

Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое...»

Сказание — фольклорное произведение исторического или легендарного характера в литературной переработке.

Летопись — жанр древнерусской литературы, историческое повествование о событиях в хронологической последовательности. Могла включать в свой состав произведения других жанров.

Для вас, любознательные

Внимательно читал древнерусские тексты А.С. Пушкин. Он писал по поводу образа монаха Пимена в трагедии «Борис Годунов»: «Характер Пимена не есть моё изобретение. В нём собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе с тем мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времён минувших...»

¹ *Надындивидуальный* — семейный, родовой, общественный.

■ Прочитайте фрагмент из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

П и м е н
(пишет перед лампадой)

Ещё одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдёт мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий¹ отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за тёмные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходит до меня,
А прочее погребло невосвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Ещё одно, последнее сказанье.

¹ *Хартии* — исторические документы.

Отец Пимен и Григорий.
Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».
Художник В.А. Фаворский. 1954—1955 гг.

В лето 6505 (997) Владимир пошёл к Новгороду за воинами против печенегов, так как в это время была непрерывная война. Узнали печенеги, что нет в Киеве князя, пришли и стали под Белгородом². И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, печенегов же было многое множество. Затянулась осада, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали:

— Вот уже скоро помрём от голода, а от князя помощи нету. Не лучше ли нам сдаться печенегам: кого-то они убьют, а кого-то оставят в живых, а так все помираем от голода.

На том и порешили.

Один старец не был на том вече, и спросил он:

— О чём было вече?

Люди поведали ему, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Слышал, что хотите сдаться печенегам.

Они же ответили:

— Не стерпят люди голода.

И сказал им старец:

— Послушайте меня, не сдавайтесь три дня и сделайте, что я вам велю.

Они с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей.

¹ Фрагмент из летописи «Повесть временных лет». Запись выразительного чтения этого фрагмента можно найти в электронных материалах к учебнику.

² *Бѣлгород* — ныне село Белгородка под Киевом.

Они пошли и сыскали. И велел старец женщинам сделать болтушку, на чём кисель варят, и велел выкопать колодец, вставить в него кадь и налить её болтушкой. И велел выкопать другой колодец и поставить в него кадь и поискать мёду. Они пошли и взяли лукошко мёду, было оно спрятано в княжеской медуше. И велел сделать из него пресладкую сыту¹ и вылить её в кадь в другом колодце.

Наутро старец повелел послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами пошлите человек с десять в город посмотреть, что делается в городе нашем.

Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться. Они взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали их в город, чтобы проведали, что делается в городе. Когда пришли они в город, сказали им люди:

— Почто вы губите себя? Разве вы можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сможете сделать нам? Нас ведь кормит сама земля. Если не верите, то посмотрите своими глазами.

И привели печенегов к колодцу, где была болтушка, почерпнули её ведром, вылили в латки² и сварили кисель. Затем пришли к другому колодцу, и почерпнули из него сыты, и стали есть сперва сами, а потом и печенегам дали. И удивились те и сказали:

— Не поверят нам князя наши, если не отведают сами.

Люди налили им корчагу³ болтушки и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, пове-

¹ *Сыта́* — сладкий напиток на меду.

² *Латки* — глиняные сковороды с высокими краями.

³ *Корча́га* — большой глиняный сосуд с одной или двумя ручками, использовавшийся для хранения вина.

дали своим всё, что было. И, сварив, ели князя печенегские и дивились. И, взяв своих заложников, а тех отпустив, поднялись от города и пошли восвояси.

Вопросы и задания

1. Как белгородцы победили печенегов?
2. Как вы оцениваете поступок белгородцев?
3. Какими словами завершается сказание? Есть ли в концовке сходство с народными сказками?
4. Составьте словарь устаревших слов, встретившихся вам в тексте «Сказания...». Объясните их значение.
5. Объясните значение выражения «пошли восвояси». Составьте предложение с этим выражением.

Живое слово

Подготовьте выборочный пересказ на тему «Как белгородцы перехитрили печенегов».

 Воинская повесть — один из жанров древнерусской литературы, повествовательное произведение, посвящённое борьбе против врагов Руси. Центральным героем воинской повести является князь-воин, защитник рубежей своей страны, строитель храмов, справедливый судия своих подданных. Ему часто противостоит князь-крамольник, ведущий кровопролитные междоусобные войны, стремящийся добыть себе власть силой. Повествование о добрых и злых деяниях князей опирается на свидетельства очевидцев, участников событий, устные предания.

В лето 6745 (1237) пришёл на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутёвых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всём: во князьях, во всяких людях и в остальном.

И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыеа и тотчас послал в город Владимир к великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыеа или чтобы сам на него пошёл. Князь великий Георгий Всеволодович и сам не пошёл, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем.

И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать, как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Фёдора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю.

И пришёл князь Фёдор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принёс ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещался не ходить войной на Рязанскую землю.

И стал у князей рязанских дочерей и сестёр к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских по завис-

ти донёс безбожному царю Батыю, что княгиня князя Фёдора Юрьевича Рязанского из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый лукав был и немилостив и сказал князю Фёдору Юрьевичу:

— Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей.

Благодарный же князь Фёдор Юрьевич посмеялся и ответил царю:

— Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жён своих. Когда нас одолеешь, тогда и жёнами нашими владеть будешь.

Безбожный царь Батый оскорбился и разъярился и тотчас повелел убить благодарного князя Фёдора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Фёдора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И, увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благодарной княгине Евпраксии и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благодарного князя Фёдора Юрьевича.

Благодарная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своём и держала любимое чадо своё — князя Ивана Фёдоровича, и как услышала она смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти.

И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убии безбожным царём возлюбленного сына своего, князя Фёдора, и многих князей, и лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней, и с другими княгинями, и с братией своей. И плакал город весь много времени.

И, едва отдохнув от великого того плача и рыдания, князь стал собирать войнство своё и расставлять пол-

ки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и бестрепетно скачущих, и сказал братии своей:

— О государи мои и братья! Из рук Господних мы принимали благое, теперь надлежит нам потерпеть и злое. Лучше нам смертию славу вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые Божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича.

И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошёл против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьётся крепко и мужественно, и испугался.

Но против гнева Божия кто постоит! Батыевы силы велики были и непреоборимы: один рязанец бился с тысячей, а два — с тьмою¹. Пересели с коня на конь и бились упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжая насквозь, храбро и мужественно бились, так что все полки татарские дивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские.

Убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский, и многие другие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство — удалцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мёртвые.

¹ *Тьма* — десять тысяч.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тех ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнём от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И пошёл ко граду Рязани. И осадил город, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли.

А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнём, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в 21-й день.

И пришли в церковь соборную Пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали.

И во граде многих людей, и жён и детей, мечами посекали, а других в реке потопили, а священноинок и инок всех до единого посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское захватили.

И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мёртвые.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и ещё больше разъярился и ожесточился, и пошёл на Суздаль и на Владимир, со-

бираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских, по имени Евпатий Коловрат, был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малой дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел её опустошённую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И вскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своём. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых Бог соблюл вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сёк ими. Почудилось татарам, что мёртвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился.

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать:

— Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?

Они же отвечали:

— Веры мы христианской, храбры¹ великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу-рать татарскую.

¹ Хра́бры — воины, витязи.

Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царём, обещал привести к царю Евпатия живого.

И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассёк Хостоврула напо¹лы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал.

И возбоялись татары, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных каменётов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями — и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского.

И сказали царю приближённые:

— Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти: так крепко и мужественно на конях бьются — один с тысячею, а два — с тьмою.

И сказал Батый, глядя на тело Евпатьево:

— О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малой своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня — держал бы его у самого сердца своего.

И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Чер-

¹ *Напо́лы* — пополам.

ниговского, сохранён Богом от злого того отступника и врага христианского. И пришёл из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел её пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царём Батыем, и пришёл во град Рязань и увидел великую последнюю погибель, и жалостно воскричал, как труба, созывающая рать, как орган звучащий.

Кто не восплачется о такой погибели? Кто не возрыдает о стольких людях народа православного? Кто не пожалеет стольких убитых государей? Кто не застонет от такого пленения?

Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство её, и отошла слава её, и нельзя было увидеть в ней никаких благ — только дым, земля и пепел. И не только этот град пленён был, но и иные многие. Не стало во граде ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрерывный.

И пошёл князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были от нечестивого царя Батыя братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и всё воинство, и удалцы, и резвецы, узорочье¹ рязанское. Лежали они все на земле пусте, на траве-ковыле, снегом и льдом помёрзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их потеряло. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И заговорил жалостно князь Ингварь Ингваревич:

— О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные, и меня одного оставили в такой погибели? Почему не умер я раньше вас? Куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные,

¹ *Узорочье* — драгоценности; здесь: краса, гордость, слава.

сады мои незрелые? Скоро погибли вы, звёзды восточные. Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые, чести-славы ни от кого не получаете! Померкла слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот и как опишу его, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удалцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает.

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мёртвых, и взял тела братьев своих, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принёс их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил.

Те государи были христоролюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowание скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны и перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили.

Благодарный князь Ингварь Ингваревич сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святослави-ча. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил

Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя.

Вопросы и задания

1. Какие черты жанра воинской повести присущи «Повести о разорении Рязани Батыем»?
2. Приведите доказательства того, что она могла быть включена в состав летописи.
3. Внимательно прочитайте эпизод «Плач Ингваря Ингваревича». Что оплакивает герой? Что более всего печалит его душу?
4. Что даёт надежду на восстановление жизни в городе?
5. Чем заканчивается повесть и каков смысл этой концовки?

Плач — 1) вставной эпизод в произведениях древнерусской литературы, в котором передаётся состояние персонажа, его отношение к происходящим событиям; 2) обрядовое поэтическое произведение в русском фольклоре, связанное с оплакиванием покойника или проводами в солдаты.

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ «ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

Этому произведению древнерусской литературы Д.С. Лихачёв посвятил исследование, в котором писал: «Но никогда до того ни одно произведение не было исполнено такой веры в моральную силу русских бойцов, в их удаль, отвагу, стойкость и преданность родине, как то единственное, которое сохранилось от всей, очевидно, немалой рязанской литературы. Созданное на пепелище, оно сохранило тем не менее тот великолепный “пошиб” и точность стилистического чекана, по кото-

рым опознаётся не только личная одарённость автора, но и принадлежность его к целой школе мастерства».

1. Разделите повесть на части. Озаглавьте их словами из текста.
2. Как передана битва рязанцев с войском Батыя? Выпишите ключевые слова.
3. Как выражает автор любовь к родной земле?
4. В каких словах передано отношение автора к героям?
5. Расскажите подробно, с использованием цитат из текста, о Евпатии Коловрате и его подвиге. Какими словами переданы чувства Евпатия Коловрата? Выпишите гиперболы, с помощью которых воссоздаётся богатырский образ Евпатия.
- 6*. Прочитайте произведения, посвящённые Евпатию Коловрату (см. электронные материалы к учебнику). Подумайте, почему русские писатели XIX века обращались к образу этого героя.

Гипэрбола — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого героя для большей выразительности.

Для вас, любознательные

Рассмотрите древнерусскую миниатюру, посвящённую разорению Рязани Батыем (см. цветную вклейку). Эта миниатюра из Лицевого летописного свода, созданного в XVI веке по инициативе царя Ивана Грозного и представляющего собой свод событий мировой и, главным образом, русской истории. Слово «лицевой» означает то, что свод содержит огромное количество миниатюр, то есть история даётся в «лицах».

Миниатюры неразрывно связаны с текстом, который они иллюстрируют, и не столько изображают события, сколько рассказывают о них с помощью изобразительных средств. Стремление художников передать время,

место и само действие сделало миниатюру информационно очень ёмкой. Она включает, как правило, два и более эпизода, которые выстраиваются по вертикали, причём нередко главное событие (самое значительное «сообщение») помещается внизу. На миниатюре отсутствует перспектива (предметы и люди на дальнем плане не уменьшаются). В разных частях миниатюры могут быть изображены одни и те же герои — в разное время и в разном месте, при этом художник делает их узнаваемыми.

Миниатюра — особая художественная система. У неё свои законы композиции, свой язык. Так, например, если изображалась гора, это означало, что действие происходит вне города. Кроме того, горки помогали разделить миниатюру на отдельные сюжеты. Жесты персонажей имели символическое значение. Обращение одного героя к другому передавалось не мимикой, а именно жестом — изображалась протянутая рука. У мужчин, попавших в плен, руки рисовались связанными за спиной, у женщин — нет.

Миниатюра — своеобразное окно в древнюю историю нашей страны. По ней можно изучать эстетические, этические, исторические воззрения предков.

■ Используя полученные знания о художественных особенностях миниатюры, охарактеризуйте миниатюру, посвящённую разорению Рязани Батыем. О каких событиях она повествует? Сколько частей содержит? Чему они посвящены? Попробуйте подобрать к ним названия. Каких героев вам удалось узнать среди многочисленных персонажей миниатюры? О чём говорят их жесты? Какова общая идея миниатюры?

Поучение — жанр древнерусской литературы, произведение назидательного характера, наставление.

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (Фрагмент)

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречённый в крещении Василием, русским именем Владимир¹, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях², помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своём и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил. <...>

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если

¹ В среде русских князей XI—XIII веков был распространён обычай давать два имени: одно христианское (при крещении), другое «русское», «княжеское».

² Это образное выражение, которое может иметь значение: «в преклонных годах», «на краю смерти».

же вам придётся крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что Ты нам дал, не наше, но Твоё, поручил нам это на несколько дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на ти-уна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьём: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте

им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к Церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный!» И ещё: «Господи, прибавь мне год и годы, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спать в полдень назначено Богом; по этому установлению почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

Перевод Д.С. Лихачёва

Вопросы и задания

1. О чём говорится в «Поучении» Владимира Мономаха, к чему призывает автор?
2. На каком учении основаны наставления князя? Как называется книга, где они сформулированы?
3. Какие мысли из «Поучения» не потеряли своей значимости и в наши дни? Обоснуйте свою точку зрения.
4. Чем произведения древнерусской литературы похожи на фольклорные тексты?

5. Какие стороны человеческой жизни и черты характеров людей раскрылись перед вами, когда вы читали тексты древнерусской литературы?
6. Что объединяет все прочитанные вами произведения древнерусской литературы?
7. Что прославляют авторы древнерусских текстов, прочитанных вами?

Для вас, любознательные

Владимир II Всеволодович (Мономах)¹, русский князь, родился в 1052 году и получил от отца в управление Чернигов, был удельным князем в Смоленске. Ещё до воцарения в Киеве снискал себе славу миротворца и победителя половцев. Пользовался любовью и уважением среди других князей.

Владимир Мономах дополнил свод российских законов — знаменитую Русскую Правду.

По словам летописи, «слава его прошла по всем странам, особенно же он был страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец (труженик) за Русскую землю».

В 1101 году Владимир Мономах заложил в Смоленске большой каменный собор в честь Успения Божией Матери, принял участие в его освящении и поместил в нём образ Божией Матери Одигитрии (путеводительницы). Собор был частично разрушен в 1609 году во время войны с польским королём Сигизмундом. Попытка возродить Мономахов собор не увенчалась успехом, и в 1674—1675 годах храм был окончательно разобран.

Умер Владимир Мономах в 1125 году.

¹ На цветной вклейке учебника помещён портрет Владимира Мономаха.

Золотой амулет¹ Владимира Мономаха,
найденный в XIX в. на реке Белоусе,
где князь часто охотился

Известный российский историк Сергей Соловьёв писал о нём: «Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шёл наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворить его общественную потребность».

Живое слово

1. Опираясь на вступительную статью к разделу «Из древнерусской литературы», подготовьте небольшой рассказ об особенностях литературы этого периода.

2. Опираясь на текст, представьте и устно опишите:
а) картину осады и взятия Рязани; б) картину, которую увидел Евпатий после разорения Рязани.

¹ *Амулет* — предмет, сделанный из металла или камня, с изображением фигур, знаков для предохранения от болезней, ран и других несчастий.

3. Напишите изложение «Подвиг Евпатия Коловрата» или своё «поучение».

Минуты творчества

1. Вы прочитали несколько произведений древнерусской литературы. Составьте кроссворд, используя устаревшие слова, которые вы узнали.
2. Попробуйте сделать иллюстрации к тексту «Повести о разорении Рязани Батыем». Вы можете создать стилизацию¹ под древнерусскую миниатюру.

После уроков

Подготовьте материал для проведения в классе игры «Что? Где? Когда?». Включите вопросы по истории Руси (о периоде княжения Святослава, о завоеваниях князя Владимира и основании города Переяславля, нашествии на Русь войск хана Батыя и др.), вопросы по истории древнерусской литературы (по жанрам древнерусской литературы, летописям, поучениям и пр.).

¹ *Стилизация* — подражание с целью воспроизведения форм какого-либо стиля.

Из русской литературы XVIII века

Первая половина XVIII века была ознаменована расцветом России, что связано прежде всего с деятельностью Петра I. Страна выходила в мир и утверждала себя в нём: укреплялось государство, менялось отношение к нему в Европе. На юге, севере, Балтике одержаны были славные военные победы, закрепившие за Россией статус великой, в том числе и морской, державы. Пётр «прорубил окно в Европу» не только своими военными успехами, среди которых победа над «первым Наполеоном» — шведским королём Карлом XII, гениально изображённая в пушкинской «Полтаве», но и удачами на дипломатическом поприще, установлением новых отношений со многими странами Европы. В героической поэме «Пётр Великий» М.В. Ломоносов, создавая поэтический портрет царя, писал:

Пою премудрого российского Героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну,

Император Пётр I.
*Мозаика*¹, набранная М.В. Ломоносовым.
1754 г.

Был построен удивительный и прекрасный город Санкт-Петербург, град Петра. Петербург стал не только северной столицей, но центром и символом обновлённого государства — Российской империи.

¹ *Моза́ика* — картина или узор, выполненные из плотно прилегающих друг к другу кусочков стекла, камешков, дерева и т.п., скреплённых между собой.

Вид Санкт-Петербурга. Гравюра Г.А. Качалова по рисунку М.И. Махаева. Фрагмент. 1751—1753 гг.

Литература этого времени приобретает новые качества: она становится всё более и более светской, не связанной с церковным обиходом — утверждается её самостоятельность. Обогащается тематический и жанровый состав; литература не ограничивается уже только воспеванием героев, появляются произведения, в которых отражаются переживания рядового человека; говорится о таланте народа, его духовной силе, ставится вопрос о необходимости его просвещения. Прежде всего это относится к творчеству М.В. Ломоносова — гениального учёного, создателя учебников по математике, риторике, российской грамматике, теоретика литературы, поэта. Он был наиболее ярким и самобытно талантливым среди своих современников — А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, И.И. Хемницера, М.М. Хераскова...

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ 1711—1765

Жизнь Ломоносова раскрывается перед нами как самоотверженный подвиг, как вечный пример неутомимого дерзания и порыва.

Величественный и таинственный Север. Остров с удивительным и странным названием — Куростров, образованный Северной Двиной. По острову было разбросано несколько деревень. Та, где родился М.В. Ломоносов, называлась Мишанинской. Рядом с нею была Денисовка. Впоследствии они слились вместе с другими в большое село, носящее теперь имя Ломоносова.

День рождения Михайлы Ломоносова точно не установлен. Принято считать, что это 8 (19) ноября 1711 года.

Василий Дорофеевич Ломоносов, отец поэта, был помором¹-промышленником. В 28 лет он женился на сироте, дочери дьякона Елене Ивановне Сиваковой. Только после женитьбы Василий Дорофеевич обзавёлся своим домом и судном, а к 1725 году, когда подрос сын, построил «новоманерный» двухмачтовый гукор, названный им «Святой Архангел Михаил». Но в памяти односельчан сохранилось бытовое название этого судна — «Чайка».

¹ *Помор* — житель Поморья (историческое название территории на севере Европейской России).

Церковь во имя апостола Андрея Первозванного на Заяцком острове Соловецкого архипелага, поставленная, по преданию, в 1702 г., во время посещения Петром I Соловецкого монастыря. *Фотография. 2000 г.*

К морскому делу Михайла начал приучаться лет с девяти. Он разделял с отцом все труды и опасности морских переходов. Плаванья с отцом закаляли юношу физически, развивали мужество и неустрашимость, отвагу и находчивость, уверенность в себе и наблюдательность. Он накопил значительный запас практических сведений, знал множество примет, умел пользоваться компасом и морскими картами.

Русский Север — это место удивительной самобытной культуры. Здесь необычайно высоко развиты храмовое и избяное зодчество, широко распространены художественные ремёсла: шитьё шёлком и серым речным жемчугом, финифтяное (роспись по эмали) дело, чернение по серебру, резьба по кости и дереву. Здесь бережно хранили, собирали и переписывали книги, тянулись

к печатному слову. Хотя школ в то время на Севере не было, поморы охотно обучали друг друга. Всё это не могло не влиять на юного Ломоносова. Виденное западало в душу, отлагалось в цепкой памяти.

Учиться Михайла начал рано — у соседей и местного дьячка. Мальчику удалось раздобыть две лучшие по тем временам книги — «Арифметику» Л. Магницкого, изданную в Москве в 1703 году, и «Граматику» церковнославянского языка М. Смотрицкого. Впоследствии Ломоносов назвал их «вратами своей учёности» и уверял, что вытвердил их почти наизусть. Он хорошо знал Псалтырь¹ — по ней учился грамоте, а потом и сам читал на клиросе². В эти же годы он узнал о книжной поэзии, познакомился с рифмой и, вероятно, с удивлением обнаружил, что слова могут укладываться в стихи.

На Соловецких островах он видел исторические памятники, связанные с деятельностью Петра, слушал от сказителей былины, знакомился с летописями. Он рано ощутил потребность в учении.

Дома же об этом мечтать становилось всё труднее. Рано умерла мать. Отец женился вторично, но брак был недолгим — и вторая жена скончалась. Третья супруга отца стала для Михайлы «лихой мачехой». Она попрекала его книгами и настраивала против него отца. «Для того многократно я принуждён был читать и учиться, чему возможно было, в уединённых и пустых местах и терпеть стужу и голод», — вспоминал он впоследствии.

Ломоносов решил уйти из дому навсегда. В конце 1730 года, запасшись паспортом, который он получил в Холмогорах с помощью земляков, Михайла, по-видимому против воли отца, уходит в морозную ночь пешком с рыбным обозом, направляющимся в Москву.

¹ *Псалты́рь* (Псалтирь) — часть Библии — Книга псалмов.

² *Кли́рос* — место для певчих в церкви на возвышении перед алтарём.

Молодой Ломоносов, несмотря ни на какие обстоятельства, препятствия, испытания, не оставил мысли о том, ради чего пришёл в Москву. Он должен учиться, и он будет учиться. Своего Ломоносов добился — получил образование в Славяно-греко-латинской академии, а затем в Санкт-Петербурге и Германии.

Его талант был неисчерпаемо огромен. За что бы ни брался этот человек — за науки (физику, химию, математику), за практическое дело (составление мозаик) или занимался творчеством (сочинительством, разработкой теории прекрасного), — всё получалось, всё было ново и самобытно.

Поэзия Ломоносова «пронизана естественно-научными мотивами, мыслями и догадками и в некоторых случаях даёт замечательные научно-дидактические образцы», — писал о нём выдающийся учёный-физик XX столетия, академик Сергей Иванович Вавилов. В стихотворении «Утреннее размышление о Божием величестве» М.В. Ломоносов создаёт замечательные картины природы, величественной и неповторимой:

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна,

Собор в честь Спаса Нерукотворного образа
Заиконоспасского монастыря в Москве,
в котором находилась Славяно-греко-латинская
академия. Фотография. Начало XX в.

О, коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что Ты творить нам повелел!

Поэт не только восхищается величием и силой природы, но говорит о необходимости познавать её «для наших повседневных дел».

Гениальность Ломоносова отмечалась и его современниками, и его потомками. Он был великим русским энциклопедистом, натурой цельной и монолитной.

Но совершенно неверно думать, что это был баловень судьбы, которому всё давалось легко и просто.

Далеко нет! Учёный, поэт, инициатор создания Московского университета должен был просить чиновников выплатить ему жалованье за предыдущий год, «ибо претерпевает немалую нужду», а деньги нужны на пропитание и книги. Их в академической лавке он часто вынужден был брать в счёт будущего жалованья.

Но более всего душевных и физических сил стоила борьба за сохранение российской науки. Эту борьбу он вёл последовательно и одержал в ней победу.

Творческое наследие М.В. Ломоносова содержит «похвальные» оды и оды духовные, надписи в честь Петра Великого, Елизаветы Петровны, поэтические отклики на знаменательные для России события, например на спуск корабля, «именуемого святого Александра Невского, 1749 года», на новое строительство Царского Села и др. Наибольшее значение имеют его оды, прославляющие победы русского воинства, царей, радеющих за славу и доблесть Отечества: Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны. Одним из таких произведений стала ода «На взятие Хотина», полное название «Ода блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года». М.В. Ломоносов говорит здесь о замечательной победе русских войск, о силе их воинского духа:

Шумит с ручьями бор и дол;
Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушёл,
Боится собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль русская ужасна сила.

Поэт писал идиллии и лирические стихотворения, в которых затрагивал вопросы обыденной жизни человека. Перу М.В. Ломоносова принадлежит героическая поэма «Пётр Великий», трагедии «Тамира и Селим», «Демофонт». Большое место занимали в его поэтических трудах переводы, прежде всего из античных авторов. Он переводил «Илиаду» Гомера, произведения Вергилия¹, Горация², Овидия³, Лукреция⁴ и ряда других авторов.

Среди этих переводов показательным является перевод из Анакреона⁵ (у античного автора стихотворение называлось «Цикада»). Перед читателями возникает замечательная зарисовка природы, почти идиллическая картина покоя, беззаботности, блаженства. Однако поэт дополняет античный текст двумя заключительными стихами, придающими стихотворению совершенно новый смысл и иносказательное звучание. Не только и не столько о беззаботном кузнечике думает он, сколько о предстоящих тяжёлых борениях за главное дело жизни — российскую науку, судьба которой зависит от воли императрицы. Таким образом, стихотворение включает в себе тайный, скрытый смысл.

Иносказание — образное выражение, одно из средств художественной речи, способствующее выявлению скрытого, отвлечённого смысла через конкретный образ.

¹ *Верги́лий Маро́н Пу́блий* (70—19 до н.э.) — римский поэт.

² *Гора́ций* (Квинт Гораций Флакк; 65—8 до н.э.) — римский поэт.

³ *Ови́дий* (Публий Овидий Назон; 43 до н.э. — около 18 н.э.) — римский поэт.

⁴ *Лукре́ций* (Тит Лукреций Кар; около 99 — около 55 до н.э.) — римский поэт и философ.

⁵ *Анакрео́н* (около 570 до н.э. — 487 до н.э.) — древнегреческий поэт, один из выдающихся греческих лириков.

**СТИХИ, СОЧИНЁННЫЕ НА ДОРОГЕ
В ПЕТЕРГОФ, когда я в 1761 году
ехал просить о подписании
привилегии для Академии,
быв много раз прежде за тем же**

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль лучше — ты бесплотен!
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твоё; везде в своём дому,
Не просишь ни о чём, не должен никому.

1761

**В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА
М.В. ЛОМОНОСОВА**

1. Объясните значение слова *привилегия*, подберите к нему синонимы.
2. Какими словами М.В. Ломоносов характеризует кузнечика? Подумайте, почему поэт представляет кузнечика воплощением беззаботного существования.
- 3*. В стихотворении содержится противопоставление *презренна тварь* — *царь*. В чём его смысл?
4. Найдите в стихотворении риторическое обращение. Какую роль оно играет в передаче смысла произведения, в его композиции?

 Композиция — построение художественного произведения.

М.В. Ломоносов.
Художник Л.С. Миропольский. 1787 г.

Как вы уже знаете, художественная речь отличается от обычной тем, что в ней используются особые обороты слов — **фигуры**, которые украшают речь, делают её выразительнее, красивее.

М.В. Ломоносов сравнивал риторические фигуры с движением, взглядами и речами прекрасной дамы. Как прекрасная дама, несмотря на дорогое платье и богатые украшения, без «пристойных движений, взглядов и речей» «бездушна», то есть суха, неестественна, так и художественная речь без риторических фигур бедна, невыразительна.

5. Выпишите из стихотворения риторическую фигуру, которая передаёт восторг и восхищение автора свободной и беззаботной жизнью кузнечика.

6. Выпишите из стихотворения рифмующиеся слова. Какая рифма не соответствует современным нормам произношения?

7*. Обозначьте приставки в словах *бесплотен* — *беззаботен* и определите значение этих слов. Подумайте, случайно ли М.В. Ломоносов ввёл эти слова в рифму.

8. Что воспевает поэт в этом стихотворении? В чём он видит счастье, блаженство?

9. Чем заканчивается стихотворение? Как вы понимаете последние строки? Весёлое или грустное это стихотворение? Послушайте запись выразительного чтения этого стихотворения (см. электронные материалы). Как вы думаете, удалось ли чтецу верно передать настроение произведения?

Рифма — созвучие окончаний стихотворных строк.

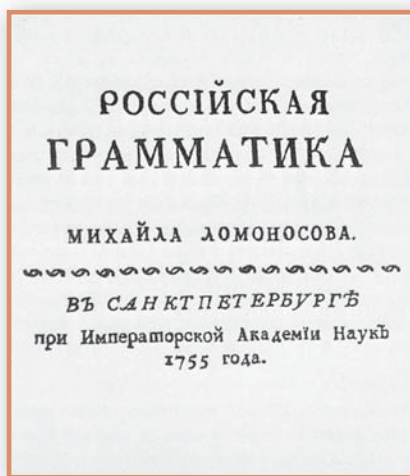
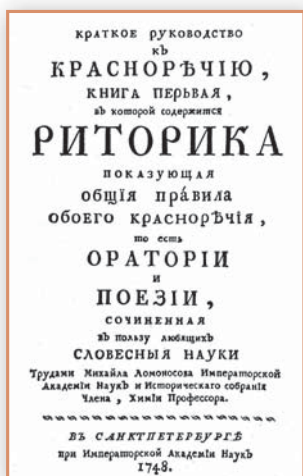
Для вас, любознательные

М.В. Ломоносов постоянно размышлял о силе русского языка, его безграничных возможностях, о его значении и роли среди языков мира.

В своей «Российской грамматике» он писал:

«...Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим язы́кам, нежели к своему трудов прилагали. Но кто, не упреждённый великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российско-

Книги М.В. Ломоносова: «Риторика»
(«Краткое руководство к красноречию», 1748 г.);
«Российская грамматика» (1755 г.). Титульные листы

му языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново¹, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сём видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие

¹ Цицерон Марк Туллий (106—43 до н.э.) — римский писатель, оратор, политический деятель.

речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нём искусству приписывать долженствуем. Кто от часу далее в нём углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море».

■ Выпишите непонятные слова и по словарю определите их значение. На какие качества русского языка М.В. Ломоносов обращает особое внимание?

■ Поэт и учёный употребляет в этом фрагменте имена Вергилия, Цицерона, Овидия. Подготовьте о них небольшие сообщения.

Вопросы и задания

1. Расскажите о М.В. Ломоносове, опираясь на статью учебника и репродукцию портрета, созданного художником Л.С. Миропольским.
2. Каким в изображении М.В. Ломоносова предстаёт Пётр I? Что особенно привлекает в императоре поэта, какие его заслуги перед Россией подчёркнуты в стихотворных строках («Се образ изваян премудрого героя...»)?
3. Обратите внимание на средства художественной выразительности в стихах М.В. Ломоносова, назовите их.
4. Подготовьте для выразительного чтения фрагмент из оды «На взятие Хотина».
5. Вы познакомились с несколькими произведениями М.В. Ломоносова, узнали некоторые сведения о нём. Сформулируйте вывод о том, почему Ломоносова называют энциклопедистом.

После уроков

Проведите заочную экскурсию на родину М.В. Ломоносова — в Архангельскую область, Холмогорский район. Вы можете подготовить компьютерную презентацию.

Из русской литературы XIX века

Золотым веком называют XIX столетие в истории русской литературы. И действительно, это время необычайного расцвета отечественной словесности. Словно волшебное зеркало в пушкинской сказке, литература правдиво отразила русскую действительность и человека в тёмных и светлых сторонах его души.

В творчестве многих писателей с особой силой звучала тема униженных и угнетённых. Утверждался высокий нравственный идеал человека, связанный с такими понятиями, как свобода, честь, служение Отечеству, отвага и благородство, преданность, умение сострадать, верность, любовь, искренность, презрение к жестокости, несправедливости, злу.

В XIX веке совершенно по-новому развивались связи литературы и фольклора. Совершенствовался жанр литературной (авторской) сказки. Появились «Конёк-горбунок» П.П. Ершова, «Городок в табакер-

ке» В.Ф. Одоевского, сказки А.С. Пушкина. Пушкин не только изучал устное народное творчество, по-новому использовал его поэтические средства, но и сам, находясь в ссылке в селе Михайловском Псковской губернии, записывал произведения фольклора.

Глубоко связана с народными традициями поэма М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», мотивы восточного фольклора лежат в основе его сказки «Ашик-Кериб».

Органичны и своеобразны связи с устной народной поэзией в творчестве А.В. Кольцова, И.С. Никитина, Н.А. Некрасова, А.К. Толстого.

Кроме того, русские писатели обращались к мифологическим мотивам и сюжетам, которые нашли отражение в поэзии В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского...

В творчестве писателей XIX века с особой силой проявился интерес к истории России. В их произведениях переплелись исторические факты и художественный вымысел, которого избегали авторы древнерусской литературы.

Литература первой половины XIX столетия, прежде всего благодаря творчеству А.С. Пушкина, дала России новый литературный язык.

XIX век открыл целое созвездие имён поэтов, прозаиков, драматургов: В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова... Их творения способствовали нравственному совершенствованию, самопознанию читателя, формировали у него представления об идеале. По произведениям русских писателей XIX века мир узнавал Россию.

**ВАСИЛИЙ
АНДРЕЕВИЧ
ЖУКОВСКИЙ
1783—1852**

Василий Андреевич Жуковский был незаконнорождённым сыном русского помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи. Его усыновил бедный дворянин Андрей Григорьевич Жуковский. Учился Василий Андреевич в Московском университетском благородном пансионе. Позднее поэтическое творчество он успешно сочетал с редакторской (редактировал журнал «Вестник Европы») и педагогической деятельностью (являлся воспитателем детей при русском императорском дворе; его воспитанником был будущий русский император Александр II).

Добрые творческие отношения связывали В.А. Жуковского с гениальным немецким поэтом И.В. Гёте. Это ему Гёте писал: «Вы, вероятно, почувствовали при отъезде из Иены, как мне было больно, что Вы не продолжили Вашего пребывания. Когда неожиданно явившийся, быстро овладевший Вашей дружбой человек столь же быстро удаляется, Вы начинаете раздумывать, что Вы могли ему сказать, о чём спросить, что ему сообщить. Не стану говорить, что всё это я ощутил вдвое, втрое, когда Вы... покинули меня в моей келье... Я желал бы, чтобы Вы сохранили память обо мне...» В.А. Жуковский посвятит Гёте строки, которые будут переведены на немецкий язык:

А.И. Бунин —
отец В.А. Жуковского.
*Миниатюра. Неизвестный
художник. Конец XVIII в.*

Елизавета Дементьевна
Турчанинова (Сальха) —
мать В.А. Жуковского.
Рисунок В.А. Жуковского

Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений,
Столь счастливых в близости твоей!

Особая страница жизни и судьбы В.А. Жуковского — А.С. Пушкин. Известный поэт, редактор одного из лучших русских журналов подарит молодому другу свой портрет с трогательной надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму “Руслан и Людмила”». Возвыситься до такого признания мог далеко не каждый. А юный Пушкин в стихотворении «К портрету Жуковского» скажет о нём очень точные слова:

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Портрет В.А. Жуковского
с дарственной надписью А.С. Пушкину.
Литография О. Эстеррейха. 1820 г.

Поэзия В.А. Жуковского богата лирическими произведениями разных жанров: элегиями, песнями, романсами, посланиями. В то же время в ней широко представлены жанры лиро-эпические и эпические: баллады, поэмы, повести в стихах.

Лирика Жуковского передаёт тончайшие оттенки переживаний человека, его гармоническое единение с миром природы. Вот, например, положенный на музыку фрагмент из элегии «Вечер»:

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простёршись на траве под ивой наклонённой,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осенённой.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье эфира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над рекой колышется тростник;
Глас петела¹ вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье Филомелы²...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встаёт из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

1806

Элэгия — один из жанров лирики. В элегических стихах преобладают мотивы личных переживаний, одиночества, тоски, отвергнутой любви, разочарования, боли, страдания. В русской литературе элегии писали Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие поэты.

¹ *Пётел* (устар.) — петух.

² *Филомела* — в греческой мифологии: дочь царя Афин Пандиона, превращённая в ласточку.

Поэзия В.А. Жуковского — это поэзия подлинно русская. Она пропитана любовью к бескрайним долинам и шумящим лесам Центральной России, она окружена тайной. Поэта привлекает «невыразимое», «ночная сторона души» в природе и человеке.

* * *

Во время Отечественной войны 1812 года В.А. Жуковский вступил в Московское ополчение, служил адъютантом при штабе М.И. Кутузова, в день Бородинской битвы находился в резерве. События войны, впечатления её участника отразились в стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

В рядах отечественной рати
Певец, по слуху знавший бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братий.

Это стихотворение пользовалось огромной популярностью у офицеров и скоро распространилось по всей России. В нём прославлялось Отечество, его солдаты, полководцы, народ. После «Певца...» Жуковский был признан первым поэтом России.

Одно из последних стихотворений В.А. Жуковского «Царскосельский лебедь» — своеобразная автоэпитафия¹, обычный жанр для многих поэтов XIX века:

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь, на лоне вод уединенных!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!

¹ *Эпитафия* — изречение (чаще всего стихотворное) на случай чьей-либо смерти, надгробная надпись.

Критик В.Г. Белинский сказал о В.А. Жуковском очень точные и ёмкие слова: «Неизмерим подвиг Жуковского и велико его значение в русской литературе!.. Подвиг, которому награда не просто упоминание в истории отечественной литературы, но вечное славное имя из рода в род».

НА РОДИНЕ В.А. ЖУКОВСКОГО

Всякий раз, когда приближаешься к Белёву и от шоссе, издали, в широко разметнувшемся пространстве, в голубоватой, как бы клубящейся дымке видишь панораму старинного города на высоком берегу Оки, сердце мгновенно замирает в радостном ожидании: снова предстоит встреча с родиной Жуковского. Снова душа соприкоснётся с пейзажами, в глубине которых когда-то возник первоначальный дух его поэзии. И навсегда поселился здесь, как бы растворившись в этом прозрачном, на редкость чистом воздухе, среди этих холмов и рощ, в плавных поворотах Оки... Светом Оки неуловимо или почти неуловимо освещены многие строки ранних стихов Василия Жуковского... В белёвских краях, на Оке, вдыхаешь чистейший полевой

Белёв. Вид из-за Оки.
Рисунок В.А. Жуковского

и речной воздух, радуешься его полноте и непривычной глубокой свежести. Все эти вздохи листвы и сквозения начинают вскорости покачивать тебя, и овладевает тобой необыкновенное чувство полёта, единения с этим воздушным пространством, в котором, тоже как бы покачиваясь, плывёт живописная панорама города с полуразрушенным, полуодетым в реставрационные леса Спасо-Преображенским монастырём. Старинный камень просвечивает сквозь свежеструганные доски...

Прежде всего воспринимаешь «пленительную сладость» здешних мест, которую не мог не заметить и А.С. Пушкин, проезжая когда-то Белёв по дороге на Кавказ, и описал в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Отыскиваешь памятные места, связанные с жизнью Жуковского. Вот место, где стоял двухэтажный белёвский дом поэта, построенный им для своей матери. Дом не сохранился. Но осталась та площадка, где в зарослях Василий Андреевич любил подолгу стоять, глядя на Оку, на приокские дали. По правую руку, в глубине оврага, журчала скрытая ивняком малая речка Белёвка, стремящаяся к Оке. Чуть дальше, на холме, под купами деревьев, — белеющие стены монастыря, светящиеся купола, ширь, небо...

Белёв. Вид из-за Оки.
Фотография Г.Ф. Ордынского. 1979 г.

Мишенское. Вид на место усадьбы А.И. Бунина
(холм — справа на фотографии)
и рощу — бывший усадебный парк.
Фотография Г.Ф. Ордынского. 1979 г.

Каким откровением и почти непередаваемой, щемящей интонацией вечерней песни прозвучала когда-то впервые, звучит и сейчас эта строка:

Последний луч зари на башнях умирает...

...Василий Андреевич безгранично любил свои родные места, всегда их помнил, всегда стремился вернуться в Белёв и Мишенское, где некогда испытал сильнейшее чувство любви к своей племяннице Маше Протасовой и где в 1802 году написал стихотворение «Сельское кладбище», явившееся вольным переводом элегии английского поэта Томаса Грея.

...Усадьба в Мишенском не сохранилась, на месте флигеля, где родился поэт, стоит обелиск. Исчезли часовенка над родником Гремячим, беседка на «Греевом холме», которую называли «Греева элегия». Не сохранился и дом Жуковского в Белёве, сгорел во

Белёв. Дом Е.А. Протасовой.
Фотография Г.Ф. Ордынского. 1979 г.

время Великой Отечественной войны. А вот скромный деревянный дом Екатерины Афанасьевны Протасовой чудом сохранился до сих пор, затаился на одной из белёвских улиц. Это сюда погожим летним днём и под вечер не раз приходил из Мишенского Василий Андреевич Жуковский, совсем ещё молодой человек, высокий, худощавый. Добровольный наставник девочек Протасовых — Александры и Маши. Шёл он из Мишенского пешком — долиной быстротекучей речки Выры, через Фатьяновские луга, полевыми тропами добирался до Белёва: так быстрее. Как здесь хорошо, как приятно и вольно сердцу! Если бы не обстоятельства, он бы навсегда остался в этих краях и провёл бы здесь бóльшую часть жизни. И Мишенское ему стало бы тем, чем впоследствии стала Ясная Поляна Льву Толстому...

В.Я. Лазарев

Раз в крещенский вечерок¹
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
 Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счётным² курицу зерном;
 Ярый воск³ топили;
 В чашу с чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
 Расстилали белый плат
 И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны⁴.

Тускло светится луна
 В сумраке тумана —
 Молчалива и грустна
 Милая Светлана.
 «Что, подруженька, с тобой?
 Вымолви словечко;
 Слушай песни круговой;
 Вынь себе колечко.

¹ *Крещёнский вечерок* — имеется в виду христианский праздник Крещения.

² *Счётный* — подсчитанный.

³ *Ярый воск* — белый и чистый воск.

⁴ *Песенки подблюдны* — святочные песни, сопровождавшие гадание. *Святки* — двенадцать праздничных дней после Рождества Христова до праздника Богоявления (Крещения).

Пой, красавица: “Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье”».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Святочное гадание. Художник И.Н. Крамской. 1870-е гг.

Вот красавица одна;
 К зеркалу садится;
С тайной робостью она
 В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
 Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
 Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
 Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
 Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
Тихий, лёгкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В воротá тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Поводá шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг;
Степь в очах Светланы;

На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ.
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил¹
Тускнет в фимиаме²;
На середине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Подымая гривы;

¹ *Паникадiло* — висячая люстра в церкви.

² *Фимиа́м* — ла́дан, благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях.

Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет;
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрышит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной¹;
Спасов лик² в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;

¹ *Запо́на* — покрывало, полотнище материи.

² *Спа́сов лик* (Спас Нерукотворный) — название иконы, на которой изображён Спаситель.

И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине —
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси¹ тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же девица?... Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крылы;

¹ *Пёрси* — грудь.

К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг её — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьёт крылом петух,
День встречая пенем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;

На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт.
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.

Благ Зиждителя¹ закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа — как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо — бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

1808—1812

Произведение, которое вы прочитали, относится к жанру баллады. Вы обратили внимание на то, что «Светлана» В.А. Жуковского — это достаточно большое стихотворное произведение. В нём есть фантастические элементы (вспомните сон Светланы), есть и мотивы, связанные с устным народным творчеством. Кроме того, есть завязка (то место в сюжете, когда завязывается действие, конфликт), есть развитие действия и кульминация (момент наивысшего напряжения в сюжете) и развязка (разрешение конфликта, завершение событий). С лирикой балладу роднит наличие образа-переживания, лирического «я», раскрывающего свои мысли и чувства.

¹ *Зиждитель* — Бог.

Баллада — лиро-эпическое произведение, в центре которого — рассказ о таинственном, фантастическом происшествии или историческом событии, как правило, с неожиданным финалом.

Фантастика — изображение в художественном произведении вымышленного, нереального, чудесного мира, не существующих в действительности событий и ситуаций.

Вопросы и задания

1. Что вы знаете о личности и творчестве В.А. Жуковского? Каким поэт предстаёт на портрете, написанном К.П. Брюлловым (см. цветную вклейку)?
2. О чём говорится в самом начале баллады «Светлана»? Что вы знаете о гаданиях?
3. Как совмещается реальное и фантастическое в тексте? Какими приёмами это достигается?
4. Чем заканчивается баллада и в чём смысл такого финала?
5. Найдите в тексте «Светланы» завязку, кульминацию и развязку.
- 6*. Как вы понимаете слова автора «Лучший друг нам в жизни сей / Вера в Провиденье»?

Живое слово

1. Перескажите подробно содержание сна Светланы.
2. Подготовьте выразительное чтение всего произведения, подчеркнув интонацией реальные и фантастические моменты событий. (В электронных материалах вы найдёте запись выразительного чтения заключительного фрагмента баллады.)
- 3*. Подготовьте сообщение о святочных гаданиях, прокомментируйте строки в начале баллады, где речь идёт о действиях гадающих (см. электронные материалы). Вы можете оформить своё сообщение в виде компьютерной презентации.

1. Баллада «Светлана» представляет собой обработку сюжета баллады немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747—1794) «Ленора». Ранее Жуковский уже обращался к этому сюжету, создав в 1808 году балладу «Людмила»¹. «Светлана», в отличие от первоисточника, имеет счастливый, радостный финал. Она предназначалась в качестве свадебного подарка племяннице Жуковского Александре Андреевне Протасовой (1795—1829). «Светлана» не раз упоминается в стихотворениях А.С. Пушкина. Свою любимую героиню Татьяну из романа «Евгений Онегин» Пушкин сравнивает со Светланой:

«Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна.

2. Отрывок из «Светланы» «Раз в крещенский вечерок...» положен на музыку русским композитором А.Е. Варламовым.

Образ, навеянный балладой В.А. Жуковского, нашёл отражение в картине К.П. Брюллова «Гадающая Светлана» (см. цветную вклейку).

¹ Текст баллады «Людмила» вы найдёте в электронных материалах к учебнику.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН 1799—1837

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился 6 июня (26 мая по старому стилю) 1799 года в доме Скворцова на Немецкой улице в Москве, в семье отставного майора, чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича Пушкина и жены его Надежды Осиповны (урождённой Ганнибал). Кроме него, в семье были старшая сестра Ольга и три младших брата. Семья принадлежала к образованной части московского общества. Дядя Пушкина, Василий Львович Пушкин, был известным поэтом, в доме часто бывали литераторы. Ещё ребёнком Пушкин увидел писателя и историка Н.М. Карамзина, слушал разговоры на литературные темы.

Воспитание детей, которому родители не придавали большого значения, было беспорядочным. Из домашнего обучения Пушкин вынес лишь прекрасное знание французского языка и любовь к чтению. Гораздо более важным этапом в формировании Пушкина как поэта стал период его обучения в Лицее¹.

Лицей находился в Царском Селе — летней императорской резиденции, во флигеле Екатерининского дворца. Уже само местоположение делало его как бы

¹ *Лицей* — привилегированное мужское высшее учебное заведение для детей дворян в Российской империи, действовавшее с 1811 по 1843 год.

придворным учебным заведением, предназначение которого — готовить юношей к государственной службе.

Лекции лицейских преподавателей, среди которых были прогрессивные и хорошо подготовленные профессора (А.П. Куницын, А.И. Галич и др.), не прошли для Пушкина бесследно.

В Лицее процветал культ дружбы, ощущалась общая тяга к литературным занятиям, которая поощрялась всем стилем преподавания.

По словам лицеистов, огромное впечатление на них оказали события Отечественной войны 1812 года. «Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея», — писал И.И. Пущин. Впечатления этих лет определили гражданский пафос и раннее свободолобие многих лицеистов, включая и Пушкина. Лицей заме-

Царское Село. Лицей.
Художник А.А. Тон. 1822 г.

Пушкин-лицеист.
Гравюра В.А. Фаворского. 1935 г.

нил Пушкину детство. Лицей был окончен — детство прошло. Началась взрослая жизнь.

Пушкин в Лицее был дважды рукоположен в поэты. Первое посвящение произошло на переводном экзамене 8 января 1815 года. Эпизод встречи Державина и Пушкина, уходящего и начинающего поэтов, на этом экзамене, чтение Пушкиным стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» знаменательны.

Вторым посвящением было принятие Пушкина в «Арзамас» — неофициальное литературное общество, объединявшее молодых литераторов. Члены «Арзамаса» были поклонниками Н.М. Карамзина.

Зачисление в боевую дружину молодых литераторов — романтиков, насмешников, гонителей «века

Пушкин-лицеист.
Гравюра Е.И. Гейтмана
по оригиналу С.Г. Чирикова. 1822 г.

минувшего» — подвело черту под периодом детства и годами учения. Пушкин почувствовал себя допущенным в круг поэтов общепризнанных.

По Ю.М. Лотману

Для вас, любознательные

■ Прочитайте воспоминание А.С. Пушкина о Г.Р. Державине.

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы волновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошёл в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил своё намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и весёлостью. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых¹ сапогах. Экзамен наш его очень утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли, портрет его (где представлен он в колпачке и в халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен по русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли.

¹ Плис — хлопчатобумажный бархат.

Г.Р. Державин.
Художник А.А. Васильевский. 1815 г.

Вопросы и задания

1. Подготовьте цитатный план к рассказу о детстве и лицейских годах А.С. Пушкина.
2. Определите значение следующих слов: *культ*, *прогрессивный*.
3. Какие важные события произошли в жизни Пушкина-лицеиста?
4. Что вам показалось особенно интересным из воспоминаний А.С. Пушкина о Г.Р. Державине? Охарактеризуйте чувства юного Пушкина, читающего в присутствии Державина свои стихи.

5. Сравните гравюрные портреты А.С. Пушкина, созданные Е.И. Гейтманом и В.А. Фаворским. В чём, по вашему мнению, своеобразие каждого портрета?

6*. Что представляет собой Лицей в наши дни? Подготовьте небольшое сообщение.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры¹,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.

¹ *Аврора* — в древнеримской мифологии: богиня зари.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка¹
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,

¹ *Лачужка* — бедное жилище.

Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1830

Возвращаясь к теме

В каком стихотворении А.С. Пушкина, изученном вами в 5 классе, воссоздан зимний пейзаж? Каким настроением наполнено это стихотворение?

Вопросы и задания

Постарайтесь самостоятельно охарактеризовать стихотворения А.С. Пушкина «Зимнее утро» и «Зимний вечер» по данному примерному плану.

План

1. Тема и основные мотивы стихотворений. (Необходимо вспомнить определение понятий «тема» и «мотив».)
2. Образный мир и его краткая характеристика.

3. Средства художественной выразительности и их роль.

4. Мир переживаний, представлений и чувств — пафос стихотворений. (Обратитесь к электронным материалам, послушайте записи выразительного чтения этих стихотворений и определите, насколько точно переданы чувства лирического героя.)

Советуем прочитать

1. Прочитайте стихотворения, посвящённые А.С. Пушкину, или воспоминания о поэте. Материалы вы можете найти в книгах: Венок Пушкину. М., 1994; Вся жизнь — один чудесный миг / сост. М. Сергеев. М., 1969; Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. М., 1987. Т. 1; Пушкин в воспоминаниях современников. М., 2005; *Дугин Л.* Лицей: роман. М., 1977; *Руденская М., Руденская С.* Они учились с Пушкиным. Л., 1976; *Слонимский А.* Юность Пушкина. М., 1966; *Эйдельман Н.* Прекрасен наш союз... М., 2006.

2. Близким другом Александра Пушкина в Лицее был Иван Пущин. Он оставил о поэте замечательные воспоминания, многократно издававшиеся в нашей стране. Возьмите в библиотеке книгу И.И. Пущина «Записки о Пушкине. Письма» (М., 2003) и познакомьтесь с удивительным рассказом, передающим далёкую от вас атмосферу лицейских дней и лицейского братства.

После уроков

Проведите литературный вечер на тему «Поэзия А.С. Пушкина в музыке».

В содержание вечера может войти чтение наизусть любимых пушкинских стихотворений, исполнение и прослушивание романсов на стихи А.С. Пушкина.

Полезная информация

Более тысячи композиторов, включая современников поэта, обращались к творчеству А.С. Пушкина. Оперы, балеты, хоры, оратории, инструментальные произведения, свыше двух тысяч романсов, музыка к кинофильмам, телевизионным и радиопередачам, составленным по произведениям поэта, — таков диапазон темы «А.С. Пушкин в музыке». Материалы по этой теме вы можете найти в том числе и в Интернете.

Наиболее известные композиторы, писавшие музыку на тексты стихотворений А.С. Пушкина: А.П. Бородин («Для берегов отчизны дальней...»), А.К. Власов («Фонтану Бахчисарайского дворца»), А.С. Даргомыжский («Ты и Вы», «Ночной зефир...», «Юноша и дева», «Я вас любил: любовь ещё, быть может...», «Мельник», «Вертоград¹ моей сестры...»), М.И. Глинка («Я помню чудное мгновенье...», «В крови горит огонь желанья...», «Я здесь, Инезилья...», «Признание», «Не пой, красавица, при мне...», «Адели»), Ц.А. Кюи («Царскосельская статуя»), Н.К. Метнер («Зимний вечер»), М.П. Мусоргский («Ночь»), С.В. Рахманинов («Не пой, красавица, при мне...», «Муза»), Н.А. Римский-Корсаков («На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Редет облаков летучая гряда...», «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...», «Для берегов отчизны дальней...», «Желание», «Эхо», «Ночь», «Заклинание»), А.Г. Рубинштейн («Ночь»), Г.В. Свиридов («Зимняя дорога», «Подъезжая под Ижоры...», «Зорю быют... из рук моих...»), П.И. Чайковский («Соловей», «Песнь Земфиры»), Ю.А. Шапорин («Заклинание»).

¹ *Вертоград* — сад, виноградник.

СТИХОТВОРНЫЕ РАЗМЕРЫ (МЕТРЫ)

Стихотворная речь отличается от прозаической. Особое звучание стихотворной речи придают *ритм* (вы получили о нём лишь начальные знания, и они в процессе обучения будут углубляться), *рифма* (хотя есть и безрифменные стихотворения и даже стихотворения в прозе). Многие стихотворения делятся на *строфы*, и существуют различные типы строф.

Силлабо-тоническое стихосложение — система стихосложения, в основе которой лежит упорядоченное чередование ударных и безударных слогов.

Чем же, помимо рифмы, ритма, отличается одно стихотворение от другого? Отличие проявляется в *метре* (поэтическом размере). Этих размеров в силлабо-тонической системе стихосложения пять: *хорей* и *ямб* относятся к двусложным (состоящим из двух слогов в стопе — ударного и безударного); *амфибрахий*, *дактиль* и *анapest* — к трёхсложным размерам (стопа состоит из одного ударного и двух безударных слогов).

Для того чтобы научиться определять поэтический размер, вам необходимо вспомнить уже знакомые термины и усвоить новые.

Стих — одна стихотворная строка.

Строфа́ — группа стихов, составляющих единство. Стихи в строфе связаны определённым расположением рифм.

Стопа́ — группа слогов, состоящая из одного ударного и одного или двух безударных. Их повторение определяет размер стиха.

Стопы бывают двусложные (если состоят из двух слогов) и трёхсложные (если состоят из трёх слогов).

Давайте вместе определим, какие перед вами группы стоп. Чёрточкой (—) мы изобразим безударный слог в стопе, а значком (/) — ударный.

1) — /	3) — — /
2) / —	4) — / —
	5) / — —

Первые две стопы относятся к двусложным — в стопе один безударный слог, другой — ударный; третья, четвёртая и пятая стопы — трёхсложные: в них один слог ударный и два — безударных.

ДВУСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ СТИХА

Теперь запишем два стиха из стихотворения А.С. Пушкина и попробуем определить тип стопы и размер стихотворения:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Составим таблицу, в которой слева запишем строки стихотворения, а справа укажем количество слогов. Расставим ударения, горизонтальными чёрточками отметим безударные слоги.

Стихотворная строка (стих)	Номера слогов							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Буря мглою небо кроет,	/	—	/	—	/	—	/	—
Вихри снежные крутя...	/	—	/	—	—	—	/	

Что мы увидели? Стопа состоит из двух слогов: (1—2), (3—4), (5—6), (7—8). Перед нами двусложный

размер с ударением на первом (нечётном) слоге в стопе. Исключение составляет пара 5—6 во второй строке — оба слога в ней безударные, но такой отход от схемы допустим, когда в строке есть слова, состоящие из трёх и более слогов. Кроме того, во втором стихе только семь слогов, то есть последняя стопа — неполная.

 Двусложный размер с ударением на первом слоге в стопе называется **хорéем**.

Рассмотрим другой пример — из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Стихотворная строка (стих)	Номера слогов								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Зима. Крестьянин, торжествуя,	—	/	—	/	—	—	—	/	—
На дровнях обновляет путь.	—	/	—	—	—	/	—	/	

Что же мы видим в данном случае? Стопа также состоит из двух слогов; правда, появился девятый слог (неполная стопа). Но ударение в двусложной стопе падает на второй (чётный) слог.

 Двусложный размер с ударением на втором слоге в стопе называется **я́мбом**.

Вопросы и задания

1. Составьте схему ямбической стопы. Как выглядит схема хорea?
2. Определите размер следующих стихотворных строк:
 - а) «Мороз и солнце; день чудесный...»;
 - б) «Мой первый друг, мой друг бесценный...»;
 - в) «Подруга дней моих суровых...».

СТИХОТВОРНЫЙ РИТМ

Научившись определять стихотворный размер, мы приблизились к более важной задаче: умению определять ритм стиха.

В 5 классе вы уже познакомились с определением стихотворного ритма.

 Ритм — повторение каких-либо однородных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов).

Сейчас мы можем научиться определять стихотворный ритм, но для этого нам следует усвоить некоторые понятия и порядок действий.

В стихах ритм характеризуется прежде всего расположением ударений в строке по отношению к другим соразмерным строкам.

Возьмём первую строфу стихотворения А.С. Пушкина «Бесы», расставим ударения в каждом слове (цифрами обозначен номер слога), проведём некоторые наблюдения и сделаем вывод.

Стихотворная строка (стих)	Номера слогов							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Мчатся тучи, выются тучи;	/	—	/	—	/	—	/	—
Невидимкою луна	—	—	/	—	—	—	/	
Освещает снег летучий;	—	—	/	—	/	—	/	—
Мутно небо, ночь мутна.	/	—	/	—	/	—	/	
Еду, еду в чистом поле;	/	—	/	—	/	—	/	—
Колокольчик дин-дин-дин...	—	—	/	—	/	/	/	
Страшно, страшно поневоле	/	—	/	—	—	—	/	—
Средь неведомых равнин!	/	—	/	—	—	—	/	

Наблюдение первое: ударения в каждом стихе падают на нечётный слог (1, 3, 5, 7-й). Исключение составляет шестая строка, где, помимо этих (схемных) ударений, появляется ещё и ударение на 6-м слоге (сверхсхемное).

Наблюдение второе: ударения могут быть на всех нечётных слогах в стихе (как в 1, 4 и 5-й строках) либо отсутствовать в любом месте.

Общий вывод: особый ритм стихотворению придают не только повторяющиеся ударения (1, 3, 5, 7-й слоги), но и отсутствие ударений на некоторых слогах, а также сверхсхемное ударение.

Пирри́хий — стопа из двух безударных слогов.

Спонде́й — стопа со сверхсхемным ударением (появившимся там, где по схеме его быть не должно).

Прочитаем стоящие рядом строки вслух:

Мчатся тучи, вьются тучи (ударения появляются в каждой стопе, стих звучит напряжённо, ударно);

Невидимкою луна (слово *невидимкою* состоит из пяти слогов, а ударение в нём, естественно, только одно. Слово при чтении звучит протяжно и контрастно первой строке);

Еду, еду в чистом поле (ударение в каждой стопе, как и в первой строке, и ощущение при чтении такое же);

Колокольчик дин-дин-дин (сохраняется число ударений в строке, но меняется их место — ударения приходятся на 5, 6, 7-й слоги — и меняется ритмический рисунок стиха).

Контрольная проверка!

Возьмите строфу любого стихотворения А.С. Пушкина и по данному образцу проведите свои наблюдения над её ритмом. Своеобразие ритмического рисунка в каждой строфе даст общую для всего стихотворения картину. Можно рассмотреть таким образом и все строфы этого стихотворения. Вы можете распределить их между собой.

О РОМАНЕ «ДУБРОВСКИЙ»

Внимание Пушкина к истории было постоянным: оно проявилось и в прозе, и в поэзии. Он интересовался событиями «давно минувших дней», изучал материалы, связанные с историей Петра и восстанием Пугачёва. Однако в своих произведениях Пушкин стремился не столько к точной передаче произошедших событий, сколько к отображению «духа» эпохи, к выражению мыслей по поводу важнейших вопросов, касающихся жизни отечества. Роман «Дубровский» — одно из самых значительных прозаических произведений Александра Сергеевича Пушкина. В нём отразились многие явления русской жизни, волновавшие поэта и его современников. И прежде всего — вопрос, который с особой остротой встал в России после Отечественной войны 1812 года, — вопрос о крепостном праве.

Две исторические темы пересекаются в романе: тема крепостничества с жестокостью, произволом по отношению к крестьянам и тема благородного разбойничества, когда разбойник — защитник справедливости и прав бедных и угнетённых.

Образ разбойника особенно широко представлен в устном народном творчестве. В народных преданиях, легендах, песнях разбойник, как правило, — сильный и добрый человек, народный заступник. Но разбойничество было известно Пушкину и из других источников — по России прокатилась волна крестьянских бунтов, вызванных жестоким отношением помещиков к своим крепостным.

Тема разбойничества была поднята Пушкиным в поэме «Братья разбойники», в «Песнях о Стеньке Разине», но особенно подробно и художественно выразительно она представлена в романе «Дубровский».

Роман Пушкин не завершил. Однако остались планы, черновики, из которых можно понять, какое развитие событий предполагалось — князь Верейский умирает, оставив Марью Кириловну вдовой; Дубровский возвращается в Россию под видом англичанина, и влюблённые соединяются.

Роман получил высокое признание среди критиков и читателей.

«“Дубровский” — одно из величайших созданий гения Пушкина...

Старинный быт русского дворянства в лице Троекурова изображён с ужасающей верностью».

В.Г. Белинский

«Трудно найти в русской литературе более точную и живую картину, как описание быта и привычек богатого барина старых времён в начале его повести “Дубровский”».

Н.Г. Чернышевский¹

«...Не случайна судьба героя повести: она продиктована логикой фактов, логикой самой действительности. Единственный порядочный человек среди дворянских персонажей произведения, чуждый холопства и пресмыкательства, сохраняющий чувство собственного человеческого достоинства, в своей, дворянской, среде оказывается отщепенцем, выброшенным за борт за своё превосходство над этой средой...»

П.В. Анненков²

¹ *Чернышёвский Николай Гаврилович* (1828–1889) — русский писатель, философ, критик, публицист.

² *Анненков Павел Васильевич* (1813–1887) — русский литературный критик, публицист.

Вы впервые читаете произведение, относящееся к жанру эпической прозы — роману. Жанр романа был известен со времён Средневековья, но в русской литературе XIX века он получил наибольшее развитие, пережил период расцвета.

В романе более подробно, чем в рассказе или повести, изображается человек, особенности его характера. Гораздо сложнее, чем в других эпических жанрах, сюжет — он разветвлён, усложнён, охватывает разнообразные события и судьбы многих людей. В романе подробному художественному исследованию подвергаются сложные и важные социальные и нравственные проблемы.

Роман — крупное эпическое произведение с разветвлённым, развёрнутым сюжетом, в котором события происходят на протяжении значительного времени и в широком художественном пространстве.

Для вас, любознательные

В основу сюжета «Дубровского» положен сообщённый Пушкину его другом П.В. Нащокиным эпизод из жизни одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (как и назывался сначала роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подьячих, а потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге.

Время действия романа относится, по-видимому, к 10-м годам XIX века. «Дубровский» замечателен прежде всего широкой картиной помещичьего быта

и нравов. «Старинный быт русского дворянства в лице Троекурова изображён с ужасающею верностью», — указывает Белинский. Противопоставляя знатному и богатому Троекурову бедного, но гордого старика Дубровского, Пушкин раскрывает в романе судьбу той группы родовитого, но обедневшего дворянства, к которой принадлежал сам.

Сатирическими красками в романе изображено «чернильное племя» продажных чиновников-крюкотворцев, ненавистных крепостным крестьянам не меньше, чем Троекуров. Без этих исправников и заседателей, без образа равнодушного к нуждам народа кистенёвского попа картина помещичьей провинции начала XIX века была бы неполной.

С бунтарски настроенными крестьянами Пушкин сближает дворянина-бунтаря, разорённого и одинокого Дубровского... Герой романа — исключение в помещичьей среде.

Вопросы и задания

1. Расскажите о творческой истории романа «Дубровский».
2. Прочитайте определение жанра романа. Можно ли утверждать, что роман отличается от других эпических жанров только своим объёмом?

Том первый

ГЛАВА I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобию страстия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе. В одном из флигелей его дома жили шестнадцать горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окна во флигеле были загорожены деревянною решёткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича. Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и прогуливались под надзором двух старух. От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место.

С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; но они тщеславились богатством и славою своего господина и, в свою очередь, позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семьюдесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принуждён был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему своё покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф¹, приехал в своё поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рождённые в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви,

¹ *Генерал-аншеф* — высший генеральский чин.

оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребёнку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал своё мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменял.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъездное поле. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперёд на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своём собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным

заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окружённый своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псаями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровье больных, то делая замечания, более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» — «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, вряд людям вашим житьё такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на своё житьё, — сказал он, — благодаря Бога и барина, не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорождённых щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нём. Люди отвечали, что Андрей

Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как ещё сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгорячённый наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал, Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне пса́ря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам

Андрей Дубровский».

По нынешним понятиям об этикете письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью. «Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать ему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что

Иллюстрации к роману —
художник Б.М. Кустодиев. 1919 г.

он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, какво идти на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили. Обед в поле под палаткою также не удался или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое своё владение; приближаясь к берёзовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привёл их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит: прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сём происшествии в тот же день дошёл до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку (так называлась деревня его соседа), разорить её дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжёлыми шагами взад и вперёд по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой¹ шинели вышел из телеги и пошёл во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилом Петровичем, отве-

¹ *Фриз*овый — сшитый из фриза, грубой ворсистой шерстяной ткани.

шивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорово, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашёл к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый приём приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирила Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение. Как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы или...

— Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой, однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

— Мудрено, ваше высокопревосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенько.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! чего ж вам лучше? — в таком случае извольте дей-

ствовать по законам и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

— Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твоё усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дни стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчёт его владения сельцом Кистенёвкой.

Андрей Гаврилович, изумлённый неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистенёвка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте, Андрей Гаврилович мало о нём беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль содаться жертвой ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился

о выигрыше им затеянного дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страдая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судье для выслушания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

ГЛАВА II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствии уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобоострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда. Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право.

18... года октября 27 дня ** уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским имением, принадлежащим генерал-аншефу Кирилу Петрову сыну Троекурову, состоящим ** губернии в сельце Кис-

тенёвке, мужеска пола ** душами, да земли с лугами и угодьями ** десятин. Из коего дела видно: означенный генерал-аншеф Троекуров прошлого 18... года июня 9 дня вошёл в сей суд с прошением в том, что покойный его отец, коллежский ассессор и кавалер Пётр Ефимов сын Троекуров в 17... году августа 14 дня, служивший в то время в ** наместническом правлении провинциальным секретарём, купил из дворян у канцеляриста Фадея Егорова сына Спицына имение, состоящее ** округи в помянутом сельце Кистенёвке (которое селение тогда по ** ревизии называлось Кистенёвскими выселками), всего значащихся по 4-й ревизии мужеска пола ** душ со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и непашенною землёю, лесами, санными покосы, рыбными ловли по речке, называемой Кистенёвка, и со всеми принадлежащими к оному имению угодьями и господским деревянным домом, и словом всё без остатка, что ему после отца его, из дворян, урядника Егора Терентьева сына Спицына, по наследству досталось и во владении его было, не оставляя из людей ни единыя души, а из земли ни единого четверика, ценою за 2500 р., на что и купчая в тот же день в ** палате суда и расправы совершена, и отец его тогда же августа в 26-й день ** земским судом введён был во владение и учинён за него отказ. А наконец 17... года сентября 6-го дня отец его волею Божиею помер, а между тем он, проситель генерал-аншеф Троекуров, с 17... года почти с малолетства находился в военной службе и по большей части был в походах за границами, почему он и не мог иметь сведения как о смерти отца его, равно и об оставшемся после его имении. Ныне же по выходе совсем из той службы в отставку и по возвращении в имения отца его, состоящие ** и ** губерниях **, ** и ** уездах, в разных селениях, всего до 3000 душ, находит, что

из числа таковых имений вышеписанными ** душами (коих по нынешней ** ревизии значится в том сельце всего ** душ) с землёю и со всеми угодьями владеет без всяких укреплений вышеписанный гвардии поручик Андрей Дубровский, почему, представляя при оном прошении ту подлинную купчую, данную отцу его продавцом Спицыным, просит, отобрав помянутое имение из неправильного владения Дубровского, отдать по принадлежности в полное его, Троекурова, распоряжение. А за несправедливое одного присвоение, с коего он пользовался получаемыми доходами, по учинении об оных надлежащего дознания, положить с него, Дубровского, следующее по законам взыскание и оным его, Троекурова, удовлетворить.

По учинении ж ** земским судом по сему прошению исследований открылось: что помянутый нынешний владелец спорного имения гвардии поручик Дубровский дал на месте дворянскому заседателю объяснение, что владеемое им ныне имение, состоящее в означенном сельце Кистенёвке, ** душ с землёю и угодьями, досталось ему по наследству после смерти отца его, артиллерии подпоручика Гаврила Евграфова сына Дубровского, а ему дошедшее по покупке от отца сего просителя, прежде бывшего провинциального секретаря, а потом коллежского асессора Троекурова, по доверенности, данной от него в 17... году августа 30-го дня, засвидетельствованной в ** уездном суде, титулярному советнику Григорью Васильеву сыну Соболеву, по которой должна быть от него на имение сие отцу его купчая, потому что во оной именно сказано, что он, Троекуров, всё доставшееся ему по купчей от канцеляриста Спицына имение, ** душ с землёю, продал отцу его, Дубровского, и следующие по договору деньги, 3200 рублей, все сполна с отца его без возврата получил и просил

оного доверенного Соболева выдать отцу его указную крепость. А между тем отцу его в той же доверенности по случаю заплаты всей суммы владеть тем покупным у него имением и распоряжаться впредь до совершения оной крепости, как настоящему владельцу, и ему, продавцу Троекурову, впредь и никому в то имение уже не вступаться. Но когда именно и в каком присутственном месте таковая купчая от поверенного Соболева дана его отцу, — ему, Андрею Дубровскому, неизвестно, ибо он в то время был в совершенном малолетстве, и после смерти его отца таковой крепости отыскать не мог, а полагает, что не сгорела ли с прочими бумагами и имением во время бывшего в 17... году в доме их пожара, о чём известно было и жителям того селения. А что оным имением со дня продажи Троекуровым или выдачи Соболеву доверенности, то есть с 17... года, а по смерти отца его с 17... года и поныне, они, Дубровские, бесспорно владели, в том свидетельствуется на окольных жителей, которые, всего 52 человека, на опрос под присягою показали, что действительно, как они могут запомнить, означенным спорным имением начали владеть помянутые гг. Дубровские назад сему лет с 70 без всякого от кого-либо спора, но по какому именно акту или крепости, им неизвестно. Упомянутый же по сему делу прежний покупчик сего имения, бывший провинциальный секретарь Пётр Троекуров, владел ли сим имением, они не запомнят. Дом же гг. Дубровских назад сему лет 30 от случившегося в их селении в ночное время пожара сгорел, причём сторонние люди допускали, что доходу означенное спорное имение может приносить, полагая с того времени в сложности, ежегодно не менее как до 2000 р.

Напротив же сего генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров 3-го генваря сего года взошёл в сей

суд с прошением, что хотя помянутый гвардии поручик Андрей Дубровский и представил при учинённом следствии к делу сему выданную покойным его отцом Гаврилом Дубровским титулярному советнику Соболеву доверенность на запроданное ему имение, но по оной не только подлинной купчей, но даже и на совершение когда-либо оной никаких ясных доказательств по силе генерального регламента 19 главы и указа 1752 года ноября 29-го дня не представил. Следовательно, самая доверенность ныне, за смертью самого дателя оной, отца его, по указу 1818 года мая... дня, совершенно уничтожается. А сверх сего — велено спорные имения отдавать во владения — крепостные по крепостям, а некрепостные по розыску.

На каковое имение, принадлежащее отцу его, представлен уже от него в доказательство крепостной акт, по которому и следует, на основании означенных узаконений, из неправильного владения помянутого Дубровского отобрав, отдать ему по праву наследства. А как означенные помещики, имея во владении не принадлежащего им имения и без всякого укрепления, и пользовались с оного неправильно и им не принадлежащими доходами, то по исчислении, сколько таковых будет причитаться по силе... взыскать с помещика Дубровского и его, Троекурова, оными удовлетворить. По рассмотрении какового дела и учинённой из оного и из законов выписки в ** уездном суде определено:

Как из дела сего видно, что генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров на означенное спорное имение, находящееся ныне во владении у гвардии поручика Андрея Гаврилова сына Дубровского, состоящее в сельце Кистенёвке, по нынешней... ревизии всего мужеска пола ** душ, с землёю и угодьями, представил подлинную купчую на продажу оного покойному

отцу его, провинциальному секретарю, который потом был коллежским асессором, в 17... году из дворян канцеляристом Фадеем Спицыным, и что сверх сего сей покупатель, Троекуров, как из učinённой на той купчей надписи видно, был в том же году ** земским судом введён во владение, которое имение уже и за него отказано, и хотя напротив сего со стороны гвардии поручика Андрея Дубровского и представлена доверенность, данная тем умершим покупщиком Троекуровым титулярному советнику Соболеву для совершения купчей на имя отца его, Дубровского, но по таковым сделкам не только утверждать крепостные недвижимые имения, но даже и временно владеть по указу... воспрещено, к тому ж и самая доверенность смертию дателя оной совершенно уничтожается. Но чтоб сверх сего действительно была по оной доверенности совершена где и когда на означенное спорное имение купчая, со стороны Дубровского никаких ясных доказательств к делу с начала производства, то есть с 18... года, и по сие время не представлено. А потому сей суд и полагает: означенное имение, ** душ, с землёю и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова; о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем вводе во владение за него, г. Троекурова, и об отказе за него, как дошедшего ему по наследству, предписать ** земскому суду. А хотя сверх сего генерал-аншеф Троекуров и просит о взыскании с гвардии поручика Дубровского за неправо владение наследственным его имением воспользовавшихся с одного доходов. Но как оное имение, по показанию старожилых людей, было у гг. Дубровских несколько лет в бесспорном владении, и из дела сего не видно, чтоб со стороны г. Троекурова были

какие-либо до сего времени прошения о таковом неправильном владении Дубровскими одного имения, к тому по уложению велено, ежели кто чужую землю засеет или усадьбу загородит, и на того о неправильном завладении станут бити челом, и про то сыщется допрямо, тогда правому отдавать тую землю и с посеянным хлебом, и городьбою, и строением, а посему генерал-аншефу Троекурову в изъявленном на гвардии поручика Дубровского иске отказать, ибо принадлежащее ему имение возвращается в его владение, не изъемя из одного ничего. А что при вводе за него оказаться может всё без остатка, предоставляя между тем генерал-аншефу Троекурову, буде он имеет о таковой своей претензии какие-либо ясные и законные доказательства, может просить где следует особо. Каковое решение наперед объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подписки удовольствия или неудовольствия чрез полицию.

Каковое решение подписали все присутствующие того суда.

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под *решением* суда совершенное своё удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднёс ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему своё приглашение подписать своё полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положен-

ное законами время просить по апелляции куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псары вводят собак в Божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи. К вечеру ему стало легче, больной пришёл в память. На другой день повезли его в Кистенёвку, почти уже ему не принадлежащую.

ГЛАВА III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё ещё было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребёнком, напоминала ему о време-

ни пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и кроме её не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряженьях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всём молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистенёвскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей, Гриша, его камердинер, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочёл следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Пет-

ровичу Троекурову, потому что мы, дескать, ихние, а мы искони ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырёва.

Посылаю моё материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот уже друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романтически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и утасовывающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нём осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уж на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистенёвку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошёл к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистенёвки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкою. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин ещё жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повёз его просёлочными дорогами, и между ими завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А Бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд, хотя почаству он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а ей-богу, напрасно батюшка ваш пошёл на Кирила Петровича, плетью обуха¹ не перешибёшь.

— Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках. Гос-

¹ *Обух* — тупая часть острого орудия, противоположная лезвию.

пода съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымают он у нас имяние?

— Ох, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберёт вас к рукам Кирила Петрович. Микита-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божии да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашъёшь.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерёт. Нет, дай Бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж Бог его приберёт, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем.— При сих словах Антон размахнул кнутом, тряхнул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался снова размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зелёная кровля и бельведер¹ огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезьями. Дубровский узнал сии места; он

¹ *Бельведёр* (итал. *belvedere* — прекрасный вид) — надстройка над домом в виде башенки.

вспомнил, что на сём самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Он хотел об ней осведомиться у Антона, но какая-то застенчивость удержала его.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударил по лошадям и, повинувшись честолюбию, общему и деревенским кучерам, как и извозчикам, пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел берёзовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нём забилося. Перед собою видел он Кистенёвку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращён был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изоб и окружила молодого барина с шумными изъятиями радости. Насилу мог он прорваться сквозь их усердную толпу и избежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошёл, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голо-
сом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость
произвела в больном слишком сильное потрясение, он
ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если
бы сын не поддержал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Его-
ровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда
и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним раз-
говаривать, но мысли мешались в его голове, и слова
не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усып-
ление. Владимир поражён был его состоянием. Он
расположился в его спальне и просил оставить его
наедине с отцом. Домашние повиновались, и тог-
да все обратились к Грише и повели в людскую, где
и угостили его по-деревенскому, со всевозможным
радушием, измучив его вопросами и приветствиями.

ГЛАВА IV

Где стол был яств, там гроб стоит¹.

Несколько дней спустя после своего приезда мо-
лодой Дубровский хотел заняться делами, но отец
его был не в состоянии дать ему нужные объяснения;
у Андрея Гавриловича не было поверенного. Разбирая
его бумаги, нашёл он только первое письмо председателя
и черновой ответ на оное; из того не мог он получить
ясное понятие о тяжбе и решился ожидать послед-
ствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу
становилось хуже. Владимир предвидел его скорое
разрушение и не отходил от старика, впавшего в совер-
шенное детство.

¹ Из оды Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

Между тем положенный срок прошёл, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретённым имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбрать, но не нашед достаточного к тому предлога, сказал ему сердито: «Пошёл вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперёд, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворённое мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решил помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобра-

зилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он производил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражён был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошёл! — Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». — «Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем». Егоровна вышла.

В передней никого не было, все люди сбежались на двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня шумно толковала о сём происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенёс его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уж и признака жизни с сём теле, ещё не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили труп, ошавленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый ещё в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

ГЛАВА V

Похороны совершились на третий день. Тело бедного старика лежало на столе, покрытое саваном и окружённое свечами. Столовая полна была дворовых. Готовились к выносу. Владимир и трое слуг подняли гроб. Священник пошёл вперёд, дьячок сопровождал его, воспевая погребальные молитвы. Хозяин Кистенёвки в последний раз перешёл за порог своего дома. Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев.

При выходе из рощи увидели кистенёвскую деревянную церковь и кладбище, осенённое старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери; там подле могилы её накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистенёвскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса; он не плакал и не молился, но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился. Владимир первый пошёл прощаться с телом, за ним и все дворовые. Принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слёзы кулаком. Владимир и тех же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все

присутствующие бросили в неё по горсти песку, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистенёвскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причет церковный на похоронный обед, объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать, и таким образом отец Антон, попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, по-видимому, ожидало его наследника. Приезд Троекурова и приём, ему оказанный, были уже известны всему околотку, и тамошние политики предвещали важные оному последствия.

— Что будет, то будет, — сказала попадья, — а жаль, если не Владимир Андреевич будет нашим господином. Молодец, нечего сказать.

— А кому же как не ему и быть у нас господином, — прервала Егоровна. — Напрасно Кирила Петрович и горячится. Не на робкого напал: мой соколик и сам за себя постоит, да и, Бог даст, благодетели его не оставят. Больно спесив Кирила Петрович! а небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пёс! долой со двора!»

— Ахти, Егоровна, — сказал дьячок, — да как у Григорья-то язык повернулся; я скорее соглашусь, кажется, лаять на владыку, чем косо взглянуть на Кирила Петровича. Как увидишь его, страх и трепет и клонят ниц, а спина-то сама так и гнётся, так и гнётся...

— Суета сует, — сказал священник, — и Кирилу Петровичу отпоют вечную память, всё как ныне и Андрею Гавриловичу, разве похороны будут побогаче да гостей созовут побольше, а Богу не всё ли равно!

— Ах, батька! и мы хотели зазвать весь околоток, да Владимир Андреевич не захотел. Небось у нас все-

го довольно, есть чем угостить, да что прикажешь делать. По крайней мере, коли нет людей, так уж хоть вас употчую, дорогие гости наши.

Сие ласковое обещание и надежда найти лакомый пирог ускорили шаги собеседников, и они благополучно прибыли в барский дом, где стол был уже накрыт и водка подана.

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостию стараясь заглушать душевную скорбь. Он шёл не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окружённой лесом; ручеек извивался молча около деревьев, полуобнажённых осенью. Владимир остановился, сел на холодный дёрн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его... Сильно чувствовал он своё одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев и живо представлявшего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошёл искать дороги домой, но ещё долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом¹. Мысль о несчастливом предзнаменовании пришла ему в голову. Он невольно пошёл стороною

¹ *Причет* — духовенство и церковнослужители какой-либо церкви, одного прихода.

и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его.

— Удались от зла и сотвори благо¹, — говорил поп попадье, — нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. — Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог её расслышать.

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чём-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрём, а не выдадим». Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его. «Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными переговорю». — «Переговори, батюшка, — закричали ему из толпы, — да усовести окаянных».

Владимир подошёл к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взираал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнёс охриплым голосом: «Итак, я вам повторяю то, что уже

¹ «Удались от зла и сотвори благо» — изменённая цитата из Псалтири.

сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. Слушайтесь его во всём, что ни прикажет, а вы, бабы, любите и почитайте его, а он до вас большой охотник». При сей острой шутке исправник захохотал, а Шабашкин и прочие члены ему последовали. Владимир кипел от негодования. «Позвольте узнать, что это значит», — спросил он с притворным холонокровием у весёлого исправника. «А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирила Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подобру-поздорову». — «Но вы могли бы, кажется, отнестися ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти...» — «А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею Божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим».

— Владимир Андреевич наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? барин ваш Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи.

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперёд.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил, но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было

их уговаривать. «Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их!» — и вся толпа двинулась. Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собою дверь.

«Ребята, вязать», — закричал тот же голос, — и толпа стала напирать... «Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! что вы это? вы губите и себя и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошёлся, двор опустел. Члены сидели в сенях. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал. «Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет, мы отправимся восвояси».

— Делайте, что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

ГЛАВА VI

«Итак, всё кончено, — сказал он сам себе, — ещё утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец

представил её облокоченную на перила, в белом утреннем платье, с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей, а в её спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик или поместится его гарем. Нет! нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подьячих доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частию состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ими попался ему пакет с надписью: *письма моей жены*. С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время турецкого похода¹ и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностью сетовала на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъясляла ему своё беспокойство насчёт здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу.

¹ Русско-турецкая война 1787—1791 гг.

На столе стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошёл мимо их в переднюю. Двери были закрыты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу, — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. «Зачем ты здесь?» — спросил он. «Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — осподь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою!» Владимир глядел на него с изумлением. «Что ты здесь притаился?» — спросил он кузнеца.

— Я хотел... я пришёл... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

— Ты пьян, брось топор, поди выпипись.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдёт ли вино на ум, слыхано ли дело, подьячие¹ задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эх они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную

¹ *Подьячий* — низшая должность в местных государственных учреждениях.

доску, собаки залаяли. «Кто сторожа?» — спросил Дубровский. «Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья». — «Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно». — «Шабаш», — примолвил Архип. «Спасибо, кормилец», — отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошёл далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» — спросил он их. «До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал...»

— Тише! — прервал Дубровский. — Где Егоровна?

— В барском доме, в своей светёлке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи её сюда да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нём не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушёл и через минуту явился с своею матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский. — Не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подьячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь, Дубровский зажёл лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отопри!» — и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь?

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду куда Бог поведёт; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрём, не оставим тебя, идём с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им местом свидания Кистенёвскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стёкла затрещали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите». — «Как не так», — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. «Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит».

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окнах, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребяташки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть; со всех сторон окружало её пламя. Бедное животное жалким мяуканьем при-

зывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на её отчаяние. «Чему смеётеся, бесенята, — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущённой дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Кузнец ушёл; пожар свирепствовал ещё несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистенёвки.

ГЛАВА VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нём с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми. Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий¹ и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный, виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые противу них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько

¹ *Стряпчий* — государственный служащий по судебным делам.

троек, наполненных разбойниками, разъезжали днём по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в сёла, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нём чудеса; имя Дубровского было во всех устах, все были уверены, что он, а не кто другой, предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведённой в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчёт губернатора, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1-е октября — день храмового праздника в селе Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами, для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

ГЛАВА VIII

Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кири-
ла Петровича, о которой сказали мы ещё только не-

сколько слов, есть героиня нашей повести. В эпоху, нами описываемую, ей было семнадцать лет, и красота её была в полном цвете. Отец любил её до безумия, но обходился с нею со свойственным ему своеобразием, то стараясь угодить малейшим её прихотям, то пугая её суровым, а иногда и жестоким обращением. Уверенный в её привязанности, никогда не мог он добиться её доверенности. Она привыкла скрывать от него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они приняты. Она не имела подруг и выросла в уединении. Жёны и дочери соседей редко езжали к Кирилу Петровичу, коего обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам. Редко наша красавица являлась посреди гостей, пирующих у Кирилы Петровича. Огромная библиотека, составленная большею частию из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в её распоряжение. Отец её, никогда не читавший ничего, кроме «Совершенной поварихи», не мог руководствовать её в выборе книг, и Маша, естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на романах. Таким образом совершила она своё воспитание, начатое некогда под руководством мамзель Мими, которой Кирилы Петрович оказывал большую доверенность и благосклонность и которую принуждён он был наконец выслать тихонько в другое поместье, когда следствия сего дружества оказались слишком явными. Мамзель Мими оставила по себе память довольно приятную. Она была добрая девушка и никогда во зло не употребляла влияния, которое, видимо, имела над Кирилом Петровичем, в чём отличалась она от других наперсниц, поминутно им сменяемых. Сам Кирилы Петрович, казалось, любил её более прочих, и черноглазый мальчик, шалун лет девяти, на-

поминающий полуденные черты m-lle Мими, воспитывался при нём и признан был его сыном, несмотря на то что множество босых ребятишек, как две капли воды похожих на Кирила Петровича, бегали перед его окнами и считались дворовыми. Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кирилу Петровичу свои аттестаты и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернёром. Кирила Петрович всё это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместным с терпением и опытностью, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец её надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело

его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своём переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель, где назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для неё род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведённого на m-г Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостоивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нём совершенно новое понятие.

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрогивался, колол себе лапы, осердясь, толкал её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкой за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынным. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять прижавшись к стене и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил о нём и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повёл он его с собою тёмными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в неё француза и запирают её на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошёл на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошёл, изумлённый развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предупредил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей, Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвёл ещё большее впечатление на Марью Кириловну. Воображение её было поражено: она видела мёртвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее. Между ими основались некоторые сношения. Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности; Дефорж вызвался давать ей уроки. После того читателю уже не трудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама ещё в том себе не признаваясь.

Том второй

ГЛАВА IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвёртые у зажиточных крестьян. Конюшни полны были дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В девять часов утра заблаговестили к обеду, и всё потянулось к новой каменной церкви, постро-

енной Кирилом Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почётных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на паперти и в ограде. Обедня не начиналась, ждали Кирила Петровича. Он приехал в коляске шестернёю и торжественно пошёл на своё место, сопровождаемый Мариєю Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на неё; первые удивлялись её красоте, вторые со вниманием осмотрели её наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на крылосе¹, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево, и с гордым смирением поклонился в землю, когда дьякон громогласно упомянул и о *зйждителе*² храма сего.

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошёл ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним. Комнаты наполнились гостями. Поминутно входили новые лица и насилу могли пробраться до хозяина. Барыни сели чинным полукругом, одетые по запоздалой моде, в поношенных и дорогих нарядах, все в жемчугах и бриллиантах, мужчины толпились около икры и водки, с шумным разногласием разговаривая между собою. В зале накрывали стол на 80 приборов. Слуги суетились, расставляя бутылки и графины и прилаживая скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «Кушание поставлено», — и Кирила Петрович первый пошёл садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек,

¹ *Кры́лос* — клирос.

² *Зйждитель* — здесь: основатель, строитель.

и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь лафатерскими¹ догадками, и почти всегда безошибочно. Звон тарелок и ложек слился с шумным говором гостей, Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу и вполне наслаждался счастьем хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряжённая шестью лошадьми. «Это кто?» — спросил хозяин. «Антон Пафнutyч», — отвечали несколько голосов. Двери отворились, и Антон Пафнutyч Спицын, толстый мужчина лет пятидесяти с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться... «Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович, — милости просим, Антон Пафнutyч, садись, да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже: ты и богомолен и покушать любишь». — «Виноват, — отвечал Антон Пафнutyч, привязывая салфетку в петлицу горохового кафтана, — виноват, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти вёрст, вдруг шина у переднего колеса пополам — что прикажешь? К счастью, недалеко было от деревни; пока до неё дотащились, да отыскиали кузнеца, да всё кое-как уладили, прошли ровно три часа, делать было нечего. Ехать ближним путём через Кистенёвский лес я не осмелился, а пустился в объезд...»

— Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

¹ Швейцарский писатель *И.К. Лафатёр* (1741—1801) доказывал, что по чертам лица можно определить характер и достоинство человека.

— Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; того и гляди, попадётся ему в лапы. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерёт.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствии ваше, то есть по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистенёвкой безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаваться, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе Бог миловал. Всего-навсе разграбили у меня один анбар, да, того и гляди, до усадьбы доберутся.

— А в усадьбе-то будет им раздолье, — заметил Кирила Петрович, — я чай, красная шкатулочка полным полна...

— Куда, батюшка Кирила Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

— Полно врать, Антон Пафнутьич. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь, да и только.

— Вы всё изволите шутить, батюшка Кирила Петрович, — пробормотал с улыбкою Антон Пафнутьич, — а мы, ей-богу, разорились, — и Антон Пафнутьич стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебяки. Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз к нему в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола подле учителя.

— А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнёс наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку всё-таки нет. Да, правда, зачем и ловить его. Разбои Дубровского — благодать для исправников: разбьезды, следствия, подводы, а деньга в карман. Как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

— Сущая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, — сказал Кирила Петрович, — а жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича; кабы не сожгли его, так в околотке было бы тише. А что слышно про Дубровского? где его видели в последний раз?

— У меня, Кирила Петрович, — пропищал толстый дамский голос, — в прошлый вторник обедал он у меня...

Все взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и весёлый нрав. Все с любопытством приготовились услышать её рассказ.

— Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не в состоянии баловать, хоть бы и хотела; однако сами изволите знать: офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом, и я с Ванюшей делюсь, как могу, своими доходишками. Вот и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский не раз приходил мне в голову, да думаю: город близко, всего семь вёрст, авось Бог пронесёт. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается, бледен, оборван и пеш — я так и ахнула. «Что такое? что

с тобою сделалось?» Он мне: «Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили; самого чуть не убили, сам Дубровский был тут, хотел повесить меня, да сжалился и отпустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь и телегу». Я обмерла; царь мой небесный, что будет с моим Ванюшей? Делать нечего: написала я сыну письмо, рассказала всё и послала ему своё благословение без гроша денег.

Прошла неделя, другая — вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мною увидеться: милости просим; входит ко мне человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, суший портрет Кульнева, рекомендуется мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреевича; он-де ехал мимо и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу. Я угостила его чем Бог послал, разговорились о том о сём, наконец и о Дубровском. Я рассказала ему своё горе. Генерал мой нахмурился. «Это странно, — сказал он, — я слышал, что Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, а в убийствах никто его не обвиняет; нет ли тут плутни, прикажите-ка позвать вашего приказчика». Пошли за приказчиком, он явился; только увидел генерала, он так и остолбенел. «Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил и как он хотел тебя повесить». Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. «Батюшка, виноват — грех попутал — солгал». — «Коли так, — отвечал генерал, — так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, а я послушаю». Приказчик не мог опомниться. «Ну что же, — продолжал генерал, — рассказывай: где ты встретился с Дубровским?» — «У двух сосен, батюшка, у двух сосен». — «Что же сказал он тебе?» — «Он спросил у меня, чей ты, куда едешь и зачем?» — «Ну, а после?» — «А после

потребовал он письмо и деньги». — «Ну». — «Я отдал ему письмо и деньги». — «А он?.. Ну — а он?» — «Батюшка, виноват». — «Ну, что же он сделал?..» — «Он возвратил мне деньги и письмо да сказал: ступай себе с Богом, отдай это на почту». — «Ну, а ты?» — «Батюшка, виноват». — «Я с тобою, голубчик, управлюсь, — сказал грозно генерал, — а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника и отдайте его мне на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища». Я догадывалась, кто был его превосходительство, нечего мне было с ним толковать. Кучера привязали приказчика к козлам коляски. Деньги нашли; генерал у меня отобедал, потом тотчас уехал и увёз с собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного как липку.

Все слушали молча рассказ Анны Савишны, особенно барышни. Многие из них втайне ему доброжелательствовали, видя в нём героя романического, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклиф¹.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский, — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский, да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих да их осматривать.

— Не знаю, а уж верно не Дубровский. Я помню его ребёнком; не знаю, почернели ль у него волосы, а тогда был он кудрявый белокуренький мальчик, но знаю

¹ *Радклиф Анна* (1764—1823) — английская писательница, автор романов о таинственных приключениях, преступлениях, ужасах; одна из основателей готического романа.

наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следственно, ему не тридцать пять лет, а около двадцати трёх.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду 23-й год.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати: прочти-ка, а мы послушаем; не худо нам знать его приметы, авось в глаза попадётся, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностию и стал читать нараспев:

— «Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей.

От роду двадцать три года, роста середнего, *лицом* чист, *бороду* бреет, *глаза* имеет карие, *волосы* русые, *нос* прямой. *Приметы особые*: таковых не оказалось».

— И только, — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! по этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто ж не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем Бог тебя свёл. Нечего сказать, умные головушки приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой. Между тем слуги успели уже несколько раз обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Несколько бутылок горского и цимлянского громко были уже откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее.

— Нет, — продолжал Кирила Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушёл ни один человек изо всей шайки. Он бы всех до единого переловил, да и сам Дубровский не вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил: таков был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступить в это дело да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они и очистят воровскую рощу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит, от разбойников не попятятся.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович? — сказал Антон Пафнутьич, вспомня при сих словах о своём косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович. — Умер славною смертью, от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указывал на Дефоржа, — выменяй образ моего француза¹. Он отомстил за твою... с позволения сказать... Помнишь?

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнутьич, почёсываясь, — очень помню. Так Миша умер. Жаль Миши, ей-богу жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его?

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением посматрива-

¹ То есть купи икону с изображением его святого — иными словами: молись за него.

ли на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шёл о его храбрости, спокойно сидел на своём месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Обед, продолжавшийся около трёх часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол, все встали и пошли в гостиную, где ожидал их кофей, карты и продолжение попойки, столь славно начатой в столовой.

ГЛАВА X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселённый пуншем, приказал запереть ворота и объявил, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загрела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. Хозяин и его приближённые сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любясь весёлостью молодёжи. Старушки играли в карты. Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины, годные на то, были завербованы. Учитель между всеми отличался, он танцевал более всех, все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать. Несколько раз кружился он с Марьей Кириловною, и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужинать, а сам отправился спать.

Отсутствие Кирила Петровича придало обществу более свободы и живости. Кавалеры осмелились занять место подле дам. Девушки смеялись и перешёптывались со своими соседями; дамы громко разговаривали через стол. Мужчины пили, спорили и хохотали, — словом, ужин был чрезвычайно весел и оставил по себе много приятных воспоминаний.

Один только человек не участвовал в общей радости: Антон Пафнutyич сидел пасмурен и молчалив на своём месте, ел рассеяннo и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках взволновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнutyич, призывая Господа в свидетели в том, что красная шкатулка его была пуста, не лгал и не согрешал: красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею только предосторожностью успокаивал он свою недоверчивость ко всем и вечную боязнь. Будучи принуждён остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединённой комнате, куда легко могли забраться воры, он искал глазами надёжного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнutyич не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали из-за стола, Антон Пафнutyич стал вертеться около молодого француза, побрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением:

— Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что извольте видеть...

— *Que désire monsieur?*¹ — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

— Эх беда, ты, мусье, по-русски ещё не выучился. Же ве, муа, ше ву куше², понимаешь ли?

— *Monsieur, très volontiers,* — отвечал Дефорж, — *veuillez donner des ordres en conséquence*³.

¹ Чего изволите? (*фр.*)

² Я хочу спать у вас (*фр.*).

³ Сделайте одолжение, сударь, извольте соответственно распорядиться (*фр.*).

Антон Пафнutyич, очень довольный своими сведениями во французском языке, пошёл тотчас распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнutyич пошёл с учителем во флигель. Ночь была тёмная. Дефорж освещал дорогу фонарём, Антон Пафнutyич шёл за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаённую суму, дабы удостовериться, что деньги его ещё при нём.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнutyич похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сём неутешительном смотре. Двери запирались одною задвижкой, окна не имели ещё двойных рам. Он попытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнutyич принуждён был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше?¹ — закричал Антон Пафнutyич, спрягая с грехом пополам русский глагол *тушу* на французский лад. — Я не могу dormire² в потёмках. — Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи.

— Проклятый басурман, — проворчал Спицын, закутываясь в одеяло. — Нужно ему было свечку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу без огня. — Мусье, мусье, — продолжал он, — же ве авек ву парле³. — Но француз не отвечал и вскоре захрапел.

¹ Зачем вы тушите, зачем вы тушите? (*фр.*)

² Спать (*фр.*).

³ Я хочу с вами говорить (*фр.*).

«Храпит бестия француз, — подумал Антон Пафнутьич, — а мне так сон и в ум нейдёт. Того и гляди, воры войдут в открытые двери или влезут в окно, а его, бестию, и пушками не добудишься».

— Мусье! а, мусье! дьявол тебя побери.

Антон Пафнутьич замолчал, усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дёргал его за ворот рубашки. Антон Пафнутьич открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа: француз в одной руке держал карманный пистолет, а другую отстёгивал заветную суму. Антон Пафнутьич обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се¹, — произнёс он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать, или вы пропали. Я Дубровский.

ГЛАВА XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы ещё рассказать.

На станции ** в доме смотрителя, о коем уже мы упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым, обличающим разночинца или иностранца, то есть человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказатель-

¹ Что это, сударь, что это (*фр.*).

ство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал, к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.

— Вот Бог послал свистуна, — говорила она вполголоса. — Эк посвистывает, чтоб он лопнул, окаянный басурман.

— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет.

— Что за беда? — возразила сердитая супруга. — А разве не знаешь приметы?

— Какой приметы? что свист деньгу выживает. И! Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег всё нет как нет.

— Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к чёрту.

— Подождёт, Пахомовна; на конюшне всего три тройки, четвёртая отдыхает. Того и гляди, подспеют хорошие проезжие; не хочу своею шеей отвечать за француза. Чу! так и есть! вон скачут. Э-ге-ге, да как шибко; уж не генерал ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел, отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинели и в белой фуражке вошёл к смотрителю; вслед за ним слуга внёс шкатулку и поставил её на окошко.

— Лошадей, — сказал офицер повелительным голосом.

— Сейчас, — отвечал смотритель. — Пожалуйста по дорожную.

— Нет у меня подорожной. Я еду в сторону... Разве ты меня не узнаёшь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и впе-

рѣд по комнате, зашѣл за перегородку и спросил тихо у смотрительши, кто такой проезжий.

— Бог его ведаёт, — отвечала смотрительша, — какой-то француз. Вот уже пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоед, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

— Куда изволите вы ехать? — спросил он его.

— В ближний город, — отвечал француз, — оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня за глаза в учителя. Я думал сегодня быть уже на месте, но господин смотритель, кажется, судил иначе. В этой земле трудно достать лошадей, господин офицер.

— А к кому из здешних помещиков определились вы? — спросил офицер.

— К господину Троекурову, — отвечал француз.

— К Троекурову? кто такой этот Троекуров?

— Ma foi, mon officier...¹ я слыхал о нём мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними, что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учителями (avec les outchitels) он не церемонится и уже двух засѣк до смерти.

— Помилуйте! и вы решились определиться к такому чудовищу?

— Что же делать, господин офицер. Он предлагает мне хорошее жалованье, 3000 р. в год и всё готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалованья буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капитал, достаточный для будущей моей независимости, и тогда bonsoir², еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты.

¹ Право, господин офицер... (фр.)

² Прощайте (фр.).

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — отвечал учитель. — Меня он выписал из Москвы чрез одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал. Надобно вам знать, что я готовился было не в учителя, а в кондитеры, но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее...

Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал он француза, — что, если бы вместо этой будущности предложили вам 10 000 чистыми деньгами с тем, чтоб сей же час отправились обратно в Париж.

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и покачал головою.

— Лошади готовы, — сказал вошедший смотритель. Слуга подтвердил то же самое.

— Сейчас, — отвечал офицер, — выйдите вон на минуту. — Смотритель и слуга вышли. — Я не шучу, — продолжал он по-французски, — 10 000 могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги. — При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций.

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Моё отсутствие... мои бумаги, — повторял он с изумлением. — Вот мои бумаги... Но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до того. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, всё ещё не веря своим ушам, протянул бумаги свой молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ваш пашпорт... хорошо. Письмо рекомендательное, посмотрим. Свидетельство о рождении, прекрасно. Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте.

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

— Я было забыл самое важное. Дайте мне честное слово, что всё это останется между нами, честное ваше слово.

— Честное моё слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них?

— В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай Бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здоровье.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и поспешил.

Смотритель смотрел в окошко, и когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием: «Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский».

Смотрительша опрометью кинулась к окошку, но было уже поздно: Дубровский был уж далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорыч. Зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять завернул. Бессовестный ты, право, бессовестный!

Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, всё казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут, у него в кармане, и красноречиво твердили ему о существовании удивительного происшествия.

Он решился нанять лошадей до города. Ямщик повёз его шагом, и ночью дотащился он до города.

Не доезжая до заставы, у которой вместо часового стояла развалившаяся будка, француз велел остановиться, вылез из брички и пошёл пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку. Ямщик был в таком же изумлении от его щед-

рости, как и сам француз от предложения Дубровского. Но, заключив из того, что немец сошёл с ума, ямщик поблагодарил его усердным поклоном и, не рассудив за благо въехать в город, отправился в известное ему увеселительное заведение, коего хозяин был весьма ему знаком. Там провёл он целую ночь, а на другой день утром на порожней тройке отправился во свояси — без брички и без чемодана, с пухлым лицом и красными глазами.

Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следовал за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя, Кирила Петрович — за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по видимому несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом одного.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Во всё это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло стать и то, что шай-

ка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего мог он почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решился ею завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителей в разбойники.

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиной, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сертуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и казался так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здравии. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел как ни в чём не бывало. Через несколько минут слуга вошёл и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и, несмотря на увещания хозяина, вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и всё вошло в обыкновенный порядок.

ГЛАВА XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки

занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, с невольной досадою, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он, с своей стороны, не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокоивал её гордость и боязливые сомнения. Она с большей и большей доверчивостию предавалась увлекательной привычке. Она скучала без Дефоржа, в его присутствии поминутно занималась им, обо всём хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. Может быть, она не была ещё влюблена, но при первом случайном препятствии или незапном гонении судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть в её сердце.

Однажды, пришед в залу, где ожидал её учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла её и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в 7 часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство её было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чём она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать таковое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить её руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократи-

ческим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с весёлыми шутками или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон с приезжими соседями. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если б вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленною фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец... — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради Бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не на-

добно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству, в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узам крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья. Их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском, знайте, что он рождён был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался лёгкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил её руку и прижал к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня. — Он отошёл, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял её руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас

постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа. Обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбегались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирила Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтоб отсутствие её не было заме-

чено. В зале встретил её Кирила Петрович, гости окружали исправника, нашего знакомого, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты m-г Дефоржа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся знаешь куда со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застращал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Враньё, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду. — Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хвалёные приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, 23 года... Оно так, да это ещё ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ.

Кирила Петрович начинал беспокоиться, Марья Кириловна была ни жива ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постелю и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели её, насилу-насилу успели её успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, её уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, грозно насвистывая «Гром победы, раздавайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, быв предупреждён. Но кем и как? Это оставалось тайною.

Било одиннадцать, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? Ведь не до свету же тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Дубровский. Отправляйся-ка восвояси да вперёд будь расторопнее. Да и вам пора домой, — продолжал он, обратясь к гостям. — Велите закладывать, а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

ГЛАВА XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирила Петровича.

В тридцати верстах от него находилось богатое поместье князя Верейского. Князь долгое время нахо-

дился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовом. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду ещё не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения и на третий день по своём приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нём свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кирила Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повёл на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стриженными липами, четвероугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришёл доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскai-ваясь в своём посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражён её красотой. Троекуров посадил гостя подле неё. Князь был оживлён её присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом,

но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой; он предпочёл прогулку в линейке¹, с тем чтоб не разлучаться с милою своею соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроём и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. Кирила Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нём погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому, — повторил Верейский. — Как, этому славному разбойнику?..

— Отцу его, — отвечал Троекуров, — да и отец-то был порядочный разбойник.

— Куда же девался наш Ринальдо?² Жив ли он, схвачен ли он?

— И жив и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

— Да, прошлого году он, кажется, что-то сжёг или разграбил... Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

— Чего любопытно! — сказал Троекуров. — Она знакома с ним: он целые три недели учил её музыке, да, слава Богу, не взял ничего за уроки.

Тут Кирила Петрович начал рассказывать повесть о своём французе-учителе. Марья Кириловна сиде-

¹ То есть в повозке, запряжённой лошадьми.

² *Ринальдо* — герой романа немецкого писателя Х.А. Вульпиуса (1762—1827) «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников».

ла как на иголках. Вере́йский выслушал с глубоким вниманием, нашёл всё это очень странным и переменял разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усиленные просьбы Кирила Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирила Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Вере́йского себе равным.

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Вере́йскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстился густо-зелёный луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвёл гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кириловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинство и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением. Марья Кириловна слушала его с удовольствием.

Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона¹ и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, которого видела она только во второй раз от роду. После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивёсельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединённую пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворённое учтивыми недомолвками князя; время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал её и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождём, звёздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, как дитя. Князь Верейский радовался её восхищению, а Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал *tous les frais*² князя как знаки уважения и желания ему угодить.

¹ *Амфитрион* — согласно легендам, царь древних Микен, славившийся своим хлебосольством. Его имя стало нарицательным для обозначения гостеприимного хозяина.

² Все старания (*фр.*).

Ужин в своём достоинстве ничем не уступал обеде. Гости отправились в комнаты, для них отведённые, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

ГЛАВА XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком. Она не путалась шелками, подобно любовнице Конрада¹, которая в любовной рассеянности вышила розу зелёным шёлком. Под её иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то, её мысли не следовали за работой, они были далеко.

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошёл и позвал её к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Вере́йский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо. Она молчала. Князь к ней подошёл, взял её руку и с видом тронутым спросил, согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно вы-

¹ Герой поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» (1827). Возлюбленная Конрада, Альдона, в рассеянии вышила цветок розы зелёным шёлком, а листья — красным.

говорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал её руку, вдруг слёзы побежали по её бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слёзы и воротись к нам веселёшенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал её, как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и с жадностью бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было писано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 часов на прежнем месте».

ГЛАВА XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и лёгкий шорох пробегал по всему саду.

Как лёгкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Ещё никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я всё знаю, — сказал он ей тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне своё покровительство, — отвечала Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помочь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради Бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Ещё есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда идут они замуж не по страсти, а из благоразумного расчёта; что, если возьмёт он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женой.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь со всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдёте ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам и одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради Бога, не отставайте. Если же не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался. Маша плакала...

— Бедная, бедная моя участь, — сказал он, горько вздохнув. — За вас отдал бы я жизнь, видеть вас издали, коснуться руки вашей было для меня упоением. И когда открывается для меня возможность прижать вас к волнуемому сердцу и сказать: ангел, умрём! — бедный, я должен остерегаться от блаженства, я должен отдалять его всеми силами. Я не смею пасть к вашим ногам, благодарить небо за непонятную незаслуженную награду. О, как должен я ненавидеть того... но чувствую, теперь в сердце моём нет места ненависти.

Он тихо обнял стройный её стан и тихо привлёк её к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника. Оба молчали.

Время летело. «Пора», — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял её руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал её руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства. Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объявление. Между тем обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный её безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю Верейскому; она старалась

возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от её руки и самому защитить её от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочёл его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почёл нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлён о её письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решился не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашёл сие весьма благоразумным, пошёл к своей невесте, сказал ей, что письмо очень его опечалило, но что он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль её лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал её руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирила Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец её вошёл и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша. — За что гоните меня от себя прочь и отдаёте человеку нелюбимому? Разве я вам надоела? Я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, ещё грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька: не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл своё смущение и, оттолкнув её, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра! — вскрикнула Маша. — Боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснётесь, до чего вы меня довели.

— Что? Что? — сказал Троекуров. — Угрозы! Мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня страшить защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на неё с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания. — Жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из неё не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою двери.

Долго плакала бедная девушка, воображая всё, что ожидало её, но бурное объяснение облегчило её душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надлежало ей делать. Главное было для

неё: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для неё раем в сравнении со жребием, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться наедине и ещё раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдёт она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там, как только станет смеркаться. Смерклось. Маша приготовилась, но дверь её заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал её выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорблённая, она села под окошко и до глубокой ночи сидела не раздеваясь, неподвижно глядя на тёмное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон её был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили её.

ГЛАВА XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас её положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы её отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатове и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать её из её комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил, что, впрочем, не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Её слова ожесточили молодую затворницу, голова её кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всём Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба; в это время камушек ударился в окно её, стекло зазвенело, и Ма-

рья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовёшь?

— Я пришёл, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас всё сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка, рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за него обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе како дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — кричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил и закричал во всё горло: «Воры, воры, сюда, сюда...»

Мальчишка силился от него отделаться. Он был, по-видимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увёртливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу наземь и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо и убирайся.

— Как не так, — отвечал рыжий и, вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой. Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног. Садовник снова его схватил и связал кушакom.

— Отдай кольцо! — кричал Саша.

— погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведём его на расправу к приказчику.

Садовник повёл пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилом Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал всё происшествие. Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всём, или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька... Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую берёзовую розгу...

— Пойдите, папенька, я всё вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбежал, и сестрица не нарочно уронила кольцо, и я спрятал его в дупло, и... и... этот рыжий мальчик хотел кольцо украсть...

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать... Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я всё расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я сбегал и положил кольцо, а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно: «Чей ты?»

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаёшь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моём саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.

— Ага, слуга в барина, каков поп, таков и приход, а малина разве растёт у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты, косой, ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всём признаешься, так я тебя не высеку, а дам ещё пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь да смотреть, чтоб он не убежал, или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвёл мальчишку на голубятню, запер его там и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая «Гром победы». — Может быть, я наконец нашёл на его горячие следы, и он от нас не увернётся. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава Богу, это исправник».

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошёл в комнату весь запылённый.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава Богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным. — Где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлён, увидев 13-летнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кирилу Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая, однако ж, о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повёл его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в залу, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетью и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. Развязать его.

Мальчика развязали.

— Благодарю же барина, — сказал исправник. Мальчик подошёл к Кирилу Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да впредь не кради малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистенёвку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избушки, первой с края, и постучал в окошко; окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где ж ты пропадал, бесёнок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради Бога, хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, мне надо сбегать ещё в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба.

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на, вот тебе ломотик, — и сунула в окно ломоть чёрного хлеба. Мальчик жадно его прикусил и, жуя, мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистенёвскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывисто и стал слушать; легкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

ГЛАВА XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки сутились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом дама, окружённая служанками, убирала бледную, неподвижную Марию Кириловну, голова её томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала её, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирила Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама. — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кирилу Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С Богом, — отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос её замирал. Кирила Петрович спешил её благословить, её подняли и почти понесли в карету. С нею села посажёная мать и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесте и был поражён её бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту её не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но ещё медлила, ещё ожидала; священник, не дождавшись её ответа, произнёс невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала весёлые поздравления присутствующих и всё ещё не могла поверить, что жизнь её была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить её. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор её быстро их обежал и сно-

ва оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женой князь нимало не был смущён её холодным видом. Он не стал докучать её приторными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти вёрст, лошади неслись быстро по кочкам просёлочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооружённых людей окружила её, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». — «Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой?..» — «Это Дубровский», — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите? — закричал с отчаянием Дубровский. — Нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твёрдостью, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже её не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряжённых, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

ГЛАВА XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иглой с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе; разбойники отобедали, один после другого вставал и молился Богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколот к рукаву иглою, сел на пушку верхом и запел во всё горло меланхолическую старую песню:

Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне, молодцу, думу думати.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показалась у порога. «Полно тебе, Стёпка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь; нет у вас ни совести, ни жалости». — «Виноват, Егоровна, — отвечал Стёпка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает». Старушка ушла, а Стёпка стал расхаживать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Стёпка просунул к нему голову в окошко. «Батюшка, Владимир Андреевич, — закричал он, — наши знак подают, нас ищут». Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе; при его появлении настало глубокое молчание. «Все ли здесь?» — спросил Дубровский. «Все, кроме дозорных», — отвечали ему. «По местам!» — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определённое место. В сие время трое дозорных прибежали к воротам. Дубровский пошёл к ним навстречу. «Что такое?» — спросил он их. «Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают». Дубровский велел запереть ворота и сам пошёл освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам. «Готовиться к бою», — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох, снова всё утихло. Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтора-два солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен:

одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперёд, солдаты за ним последовали и сбегали в ров; разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался, солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь. Несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободрённые разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали, разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велев отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мёртвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ними не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. «Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдалённую губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». После сей речи он ос-

тавил их, взяв с собою одного **. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

1833

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

«Пушкин в “Дубровском” внешне продолжает традиции “разбойничьего” романа: главный герой — молодой дворянин, порвавший со своим классом, вставший во главе шайки разбойников, чтобы мстить за обиду, ему нанесённую. В романе мы видим и излюбленное у романтиков положение: разбойник в доме своего обидчика... Любовь молодого разбойника к дочери его врага — тоже характерный мотив для романтического “разбойничьего” романа. Но эту традицию Пушкин продолжил на совершенно новой основе. Он обратился к русской действительности, и из-под его пера вышел реалистический роман...

Пушкин правдиво нарисовал образ “старинного русского барина” Кирила Петровича Троекурова. От природы он неплохой человек, его связывают добрые товарищеские отношения с небогатым помещиком Дубровским, ему свойственны человеческие порывы, совесть его мучит: после того как он отобрал поместье у своего бывшего товарища, он едет мириться к нему, он любит свою дочь Машу. Но безграничная власть над принадлежащими ему людьми превращает его в деспота, самодура. И лучшие человеческие черты Троеку-

рова принимают уродливые формы. Троекуров губит Дубровского только из-за того, что тот посмел пере-
читать ему; несмотря на всю свою любовь к дочери, он по
своей прихоти отдает её замуж за старого князя Верей-
ского. Троекуров — типичный барин-крепостник, по-
рочный и невежественный...»

*Из послесловия В.А. Мануйлова и Е.В. Холшевниковой
к роману «Дубровский»*

Согласны ли вы с этим суждением?

Для вас, любознательные

На сюжет романа написана опера Э.Ф. Направника
«Дубровский» (1894), которая прочно вошла в репер-
туар музыкальных театров. В России и за рубежом ро-
ман экранизировали, по его мотивам создавалось мно-
жество иллюстраций художниками Б.М. Кустодиевым,
А.Ф. Пахомовым, Д.А. Шмариновым и др.

Вопросы и задания

1. Вы прочитали о том, что послужило основой рома-
на «Дубровский». Как вы думаете, почему автор решил
дать другие фамилии своим героям и назвать своё произ-
ведение «Дубровский», а не «Островский»?
2. Вы впервые встречаетесь с таким крупным произведе-
нием — романом. Понравился ли вам роман? Какова его
основная идея?
3. Что выделяло Троекурова и Дубровского из среды
других помещиков? Каково отношение автора к каждо-
му из них и как это проявилось?

4. Расскажите о ссоре Дубровского и Троекурова. На чьей стороне автор? Кто виноват в ссоре?
5. Какова причина принятого судом решения? Как относятся Дубровский и автор к постановлению суда?
6. Кто вызвал Владимира Дубровского домой и почему? Что вы могли бы рассказать о характере младшего Дубровского? Меняется ли он на протяжении романа?
7. Зачем автор вводит в речь Антона пословицы: «Плетью обуха не перешибёшь», «Было бы корыто, а свиньи-то будут», «На чужой рот пуговицы не нашёшь»? Дайте письменно истолкование любой понравившейся вам пословицы. Как, судя по пословицам, простые люди отнеслись к ссоре господ? Какие черты народного характера раскрываются автором в образе Архипа?
- 8*. Составьте словарик эпохи, воспользовавшись для работы «Толковым словарём» В.И. Даля. Дайте толкование слов: *губерния, отъезжее поле, приказчик, заседатель, псарь, стремянные, холоп, писарь, протравить, картуз, фризовая шинель.*
9. Зачем, по-вашему, в романе переставлены события таким образом, что мы лишь в XI главе узнаём, что Дефорж и Дубровский одно и то же лицо? Восстановите хронологическую последовательность событий, перескажите фабулу произведения.
10. Заполните таблицу «Князь Верейский и Владимир Дубровский в судьбе Марьи Кириловны», опираясь на текст романа А.С. Пушкина.

	Дубровский	Верейский
Портрет		
Поведение в доме Троекуровых		
Ключевые эпизоды		
Отношение к Маше		

11. Как вы объясняете жестокое отношение Троекурова к любимой дочери и выбор Верейским спутницы жизни?

12. В какой роли главный герой Владимир Дубровский показался вам наиболее привлекательным?

13. Почему Маша не приняла свободу из рук Дубровского, и ожидали ли вы такой развязки?

Возвращаясь к теме

Какие качества героев русского фольклора присущи Владимиру Дубровскому? Обоснуйте свой ответ.

Живое слово

1. Подготовьте сравнительную характеристику «Троекуров — старший Дубровский» (занятия, интересы, отношение к окружающим и окружающим к ним, основные черты характеров и их проявления в различных ситуациях).

2. Подготовьте пересказ на тему «Три жизни Владимира Дубровского»: «Жизнь в Петербурге», «Возвращение в родной дом», «Дубровский в роли Дефоржа». Письменно кратко подытожьте ваши наблюдения. Как меняется герой на протяжении романа?

3. Перечитайте статью учебника «О романе “Дубровский”». Воспользовавшись пушкинской подсказкой, допишите его вариант финала или придумайте свой.

4*. Мастер акварельной живописи, очевидец пушкинской эпохи — Пётр Фёдорович Соколов — создал три прижизненных портрета А.С. Пушкина. Познакомьтесь с одним из них (см. цветную вклейку). Расскажите о своём впечатлении. Как это впечатление связано с цве-

Герб рода Пушкиных.

Акварель на основе гравюрного изображения герба
из «Общего Гербовника дворянских родов
Российской империи»,
издававшегося с 1798 г. до конца XIX в.

товой палитрой, использованной художником? Можно ли в характеристике этого портрета использовать такие понятия, как психологизм, реалистичность, человечность, утончённость? Продолжите этот ряд. Составьте небольшой рассказ об этом портрете.

Минуты творчества

Как вы представляете себе герб рода Дубровских, герб рода Троекуровых? Нарисуйте их, объясните свой замысел¹.

После уроков

1. Подготовьте буклет «Русская усадьба XIX века». Вы можете использовать иллюстрации, фотографии, например Архангельского, Тригорского, Болдина. Познакомьте одноклассников с вашей работой в форме заочной экскурсии.
2. Выберите любой из предложенных фрагментов и подготовьте его инсценировку: «История с кольцом», «Обед в доме Троекурова», «Странное пробуждение Спицына», «Последнее свидание Маши и Дубровского».

¹ О *геральдике* (исторической дисциплине, изучающей гербы) вам расскажет рубрика «Клуб по интересам» в соответствующем разделе электронных материалов к учебнику.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ 1814—1841

Короткой и трагичной была жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова. Детские годы поэта были омрачены несложившимися отношениями родителей, ссорой отца с бабушкой, ранней смертью матери. Мальчик остался на руках горячо любившей его бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Его детство прошло в её имении Тарханы в Пензенской губернии. Елизавета Алексеевна не жалела средств для образования внука. Он изучал греческий, французский и немецкий языки. В 14 лет Лермонтов прекрасно знал русскую литературу: произведения Ломоносова, Державина, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Пушкина и других писателей.

Будущий поэт учился в Московском университетском благородном пансионе, затем на политическом (позже — словесном) отделении Московского университета, но курса не окончил и поступил в школу юнкеров. После окончания школы стал офицером Гусарского полка.

О личности М.Ю. Лермонтова и его роли в истории литературы писал русский литератор и общественный деятель Александр Иванович Герцен¹. Прочитайте

¹ *Герцен Александр Иванович* (1812—1870) — в 1830—1832 годах одновременно с Лермонтовым учился в Московском университете, но лично знаком с поэтом не был.

фрагмент его статьи, в которой воссоздан образ гениального русского поэта.

* * *

«Рядом с Пушкиным стоит другой поэт — его младший современник, потомок одного из виднейших родов русской аристократии. Как и большинство русских дворян, он с юных лет служил в гвардии. Стихотворение, написанное им на смерть Пушкина, повлекло за собой ссылку на Кавказ: Лермонтов так глубоко любил тот край, что его в известном смысле можно считать певцом Кавказа.

Жизнь Лермонтова, хотя он обладал полной материальной независимостью, была тем не менее сплошной цепью страданий, о чём достаточно красноречиво говорят его стихотворения. Преданный и открытый в дружбе, непоколебимый и бесстрашный в ненависти, он не раз должен был испытать горечь разочарования. Выросший в обществе, где невозможно было открыто высказать всё, что переполняло его, он был обречён выносить тягчайшую из человеческих пыток — молчать при виде несправедливости и угнетения. С душою, горевшей любовью к прекрасному и свободному, он был вынужден жить в обществе, которое прикрывало своё раболепие и разврат фальшивым блеском показного великолепия. Первая же попытка выразить бурлившее в его душе возмущение — ода на смерть Пушкина — навлекла на него изгнание. Путь активной борьбы для него был закрыт, единственное, чего у него не могли отнять, был его поэтический гений, и, когда душа его переполнялась, он обращался к поэзии, вызывая к жизни полные мучительной боли звуки, патетические мелодии, язвительную сатиру или любовную песнь. Его произведения — всегда правдивое выражение глубоко пережитого.

Произведения Лермонтова отражают прежде всего его собственный мир — радости и печали, надежды

и переживания. Герои Лермонтова — часть его самого; его стихотворения — самая полная его биография...

Обладая живой и впечатлительной натурой, громадной наблюдательностью, удивительной способностью впитывать в себя впечатления других... Лермонтов, куда бы ни обращал мысль, всегда остаётся на твёрдой почве реальности, и этому-то мы и обязаны исключительной точности, свежести и правдивости его эпических поэм, равно как и беспощадной искренности его лирики, которая всегда есть правдивое зеркало его души».

А.И. Герцен

Вопросы и задания

1. Каким предстаёт перед вами Лермонтов в изображении А.И. Герцена? Как автопортрет Лермонтова (см. цветную вклейку) дополняет ваше представление о личности поэта?
2. Какие особенности поэтического наследия Лермонтова отмечаются в статье?

Для вас, любознательные

«16 февраля 1840 года в доме графини Лаваль в разгар бала словно невзначай вспыхнула ссора Лермонтова с сыном французского посла де Баранта — Эрнестом.

Молодому французу сообщили эпигramму Лермонтова, писанную ещё в юнкерской школе по адресу совершенно другого лица, и уверили, что поэт оскорбил в этом четверостишии именно его, да ещё будто бы дурно отзывался о нём в разговоре с одной дамой.

На балу Барант подошёл к Лермонтову и потребовал от него объяснений. Лермонтов заверил, что ничего плохого о нём не говорил. Барант не успокоился.

— Если переданные мне сплетни верны, — сказал он, — то вы поступили весьма дурно!

Лермонтов остановил его.

— Выговоров и советов не принимаю, — строго сказал он, — и нахожу ваше поведение весьма смешным и дерзким.

Тогда Барант воскликнул запальчиво:

— Если бы я был в своём отечестве, то знал бы, как кончить это дело! Вы пользуетесь тем, что мы в стране, где запрещена дуэль!

— Это ничего не значит, — возразил ему Лермонтов. — Я весь к вашим услугам. Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде. И мы, русские, меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно.

Дуэль состоялась 18 февраля рано утром на Парголовской дороге, за Чёрной речкой, недалеко от того места, где Пушкин стрелялся с Дантесом.

Дуэль окончилась бескровно: одна шпага переломилась, перешли на пистолеты, и Барант, хотя и целил, промахнулся, а Лермонтов уже после этого разрядил пистолет, выстрелив в сторону. Противники помирились и разъехались.

Но тайными путями о дуэли стало известно начальству. Лермонтова арестовали и предали военному суду за “недонесение о дуэли”. А молодому Баранту, чтобы не привлекать его к судебному следствию, министр иностранных дел граф Нессельроде в частной беседе посоветовал выехать на некоторое время за границу.

Лермонтов вышел на дуэль, чтобы защитить честь русского перед иностранцем. В чём можно было его обвинить?

Тогда, чтобы нанести урон чести Лермонтова — скомпрометировать его в глазах общества и вызвать новое недовольство во французском посольстве, —

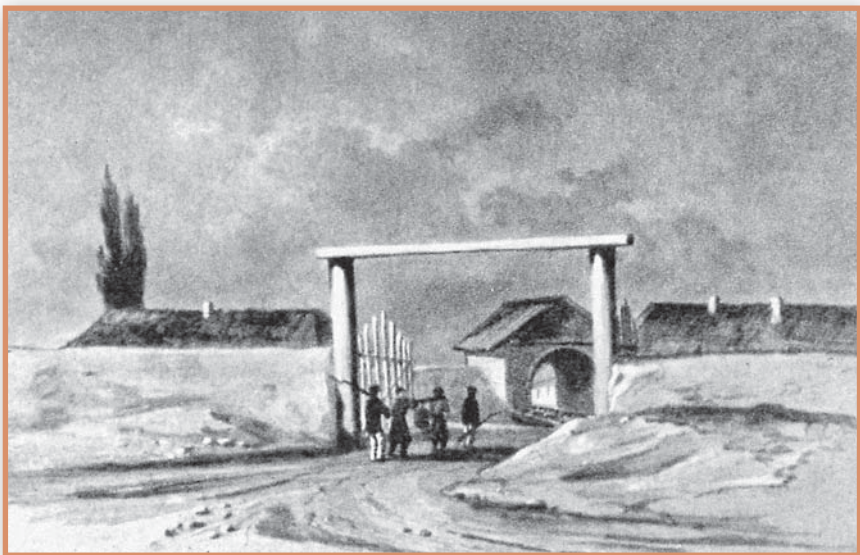
Бенкендорф пустил слух, что поэт дал на суде ложные показания, оскорбительные для его противника.

Слух этот достиг французского посольства, и молодой Барант, разъезжая с визитами, стал повсюду поносить Лермонтова, обвиняя его во лжи.

Узнав об этом, Лермонтов подкупил тюремную стражу и с помощью своих приятелей вызвал Баранта для объяснений. Француз, которому настойчиво рекомендовали покинуть Петербург, задержался и выехать не успел. Его привезли к Лермонтову на гауптвахту, и они условились снова стреляться на дуэли, после того как Лермонтов отбудет наказание за первую.

Таким образом, расчёты Бенкендорфа осуществились: суд ещё не выносил приговора, а в запасе был уже новый выстрел.

Наконец приговор был вынесен и утверждён: царь распорядился снова сослать Лермонтова на Кавказ,

Кавказ. Малая Чечня. Крепость Грозная.
Рисунок А.П. Дьяконова. Середина XIX в.

в армейский полк, воевавший в самом отдалённом и опасном пункте Кавказской линии. Как раз в те дни Николаю I стало известно, что Тенгинский пехотный полк оказался в бедственном положении и несёт жесточайшие потери. Вот в этот-то полк он и решил отправить Лермонтова — почти на верную гибель.

Сохранились сведения, что перед отъездом из Петербурга Лермонтов заехал проститься к друзьям, в доме которых постоянно бывал начиная с 1838 года, — к Карамзиным. Из окна были видны весенние тучи, плывшие над Фонтанкой и деревьями Летнего сада. И будто бы тут же Лермонтов сочинил и прочёл стихотворение “Тучи”, заключавшее в себе иносказательный смысл, намекавший на личную и политическую судьбу опального автора».

И.Л. Андроников¹

ТУЧИ²

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

¹ *Андроников Ира́клий Луарсáбович* (1908–1990) — русский советский писатель, литературовед.

² В электронных материалах к учебнику вы найдёте запись выразительного чтения этого стихотворения.

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

Вопросы и задания

1. Какой вы представляете картину, нарисованную поэтом в первой строфе? Какие краски вы бы выбрали, рисуя иллюстрации к стихотворению?
2. О чём рассказывает Лермонтов с помощью риторических вопросов?

Риторический вопрос — вопрос, усиливающий выразительность высказывания и не требующий ответа.

3. В чём видит лирический герой сходство и различие между своей судьбой и судьбой туч?
4. Сформулируйте основную мысль стихотворения.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

1. Внимательно и медленно ещё раз перечитайте стихотворение. Выпишите сравнения, эпитеты, лексические повторы.
2. Найдите ключевые слова, создающие настроение в первой строфе стихотворения. Что общего и в чём различие в значениях слов «странники» и «изгнанники»?
3. В чём необычность построения предложений во второй строфе? Какую роль играет перечисление существительных и какие оттенки им придают прилагательные?

4. Каково значение слова «тяготит» в стихотворении? В каких выражениях встречается это слово в современной речи? Проиллюстрируйте примерами.
5. Какую роль играют в стихотворении эпитеты?
6. Какова роль пунктуации во второй строфе?
7. Какие повторы использует Лермонтов в третьей строфе стихотворения? Какое настроение он подчёркивает, применяя этот приём?

Каждая строфа стихотворения выполняет определённую задачу. Её основное назначение записано в колонке слева.

Сообщение факта	Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, цепью жемчужною Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники С милого севера в сторону южную.
Поиск истины	Кто же вас гонит: судьбы ли решение? Зависть ли тайная? злоба ль открытая? Или на вас тяготит преступление? Или друзей клевета ядовитая?
Разрешение проблемы	Нет, вам наскучили нивы бесплодные... Чужды вам страсти и чужды страдания; Вечно холодные, вечно свободные, Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Главный вывод: стихотворение «Тучи» построено на характерном фольклорном приёме — приёме противопоставления. Свободному странничеству туч противопоставлено невольное изгнанничество лирического героя.

Живое слово

В основе лермонтовского стихотворения лежит настроение, переживание поэта. Попробуйте передать своё настро-

ение через описание природы стихами или прозой, назвав свою зарисовку: «Песня капли», «Золотой терем осени», «В чертогах зимы», «Половодье летних красок». Можете подобрать название миниатюры самостоятельно, отобразив в нём «пейзаж своей души».

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит..
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

Вопросы и задания

1. Какие картины представляются вам при чтении стихотворения?
2. Обратите внимание: поэт, рисуя морской пейзаж, совмещает несовместимое — картины бури и штиля на море. Зачем он делает это?
3. Какова основная мысль стихотворения?

4. Послушайте запись двух вариантов выразительного чтения стихотворения «Парус» (см. электронные материалы). Какое исполнение вам кажется наиболее удачным? Почему?

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

1. Найдите в тексте: а) эпитеты, с помощью которых поэт создаёт противоречивый образ паруса, и объясните их значения; б) строчки (словосочетания и предложения), подчёркивающие двойственность изображения паруса.
2. Какая часть речи преобладает в первой строфе, а какая — во второй? Чем вы объясните такой выбор поэта?

Стихотворение насыщено художественно-выразительными средствами: эпитетами, повторами, антитезой, метафорами; одним из наиболее ярких приёмов в данном тексте является употребление инверсии.

Инвёрсия — изменение обычного порядка слов в предложении с целью подчеркнуть смысловую значимость какого-либо слова или придать фразе особую стилистическую окрашенность. При удачной инверсии резко меняющаяся интонация придаёт стиху большую выразительность.

3. Выпишите из стихотворения инверсии. В скобках обозначьте синтаксическую функцию слов. Например: «парус одинокой» (подлежащее и определение). Какого эффекта достигает поэт, обращаясь к инверсии в стихотворении «Парус»?

Но не только инверсия участвует в создании особого эмоционального строя стихотворения. Важное значение имеет и интонация конца предложения как в отдельных строфах, так и в стихотворении в целом.

М.Ю. Лермонтов.
Рисунок П.Е. Заболотского.
1839 г.

В.Ф. Одоевский.
Гравюра на стали.
Середина XIX в.

4. Обратите внимание на пунктуацию каждой строфы. Каждое предложение заканчивается либо многоточием, либо вопросительной или восклицательной интонацией. Как вы думаете, чего достигает этим поэт?
5. Подчеркните в последней строфе слово, самое важное для понимания идеи стихотворения. Запишите к нему синонимы и антонимы.
6. Какие слова (части речи) передают состояние бури?

Для усиления образности произведения М.Ю. Лермонтов часто использует метафору.

Метафора — употребление слова в переносном значении на основании сходства одного предмета или явления с другим. Метафору также называют скрытым сравнением. Метафора может лежать в основе эпитета.

7. Слово «золотой» в прямом значении — это «сделанный из золота» (золотое кольцо, золотая брошь). В стихотворении Лермонтова слово «золотой» употреблено в словосочетании «луч солнца золотой». Определите переносное (метафорическое) значение этого слова, используя сравнительную конструкцию.

Образец: *золотые волосы — волосы жёлтые, как золото.*

8. Цветообраз играет важную роль в создании художественного впечатления. Запишите все цвета и оттенки, которые использованы в стихотворении. Для этого выпишите все слова, где назван цвет или передано ощущение цвета.

Определите: Лермонтов использует близкие или разнообразные цвета и оттенки?

ПОДАРОК В.Ф. ОДОЕВСКОГО

«Накануне отъезда Лермонтов заехал проститься с другом своим — писателем В.Ф. Одоевским. Он был грустен и говорил о скорой смерти. Одоевский на прощание подарил ему небольшой альбом в коричневом кожаном переплёте. Все страницы этого альбома были чистые. На первой странице Одоевский сделал надпись: “Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам, и всю исписанную”.

Если поэт должен был возвратить эту книжку “сам”, значит, он говорил Одоевскому, что самому ему книжку возвратить уже не придётся!

На другой день Лермонтов уехал из Петербурга.

Первые страницы альбома он заполнил, очевидно, в пути. Экипаж трясло, поэтому строчки получились кривые и неразборчивые. Сначала Лермонтов стал работать над стихотворением “Спор”, потом написал “Сон”, “Утёс”, “Листок”, “Выхожу один я на дорогу...” —

стихотворения, одно лучше другого. Сперва он писал стихи начерно с одного конца альбома, карандашом. Затем переворачивал альбом и с другого конца писал набело чернилами.

С книжкой Одоевского он не расставался до конца жизни».

И.Л. Андроников

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

1841

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

«На севере диком стоит одиноко...» — вольный перевод стихотворения немецкого поэта Г. Гейне. Важно отметить, что «сосна» в немецком языке — существительное мужского рода, поэтому в оригинале пальма воспринимается как образ возлюбленной. В лермонтовском стихотворении акцент смещается с любовной темы на тему одиночества.

1. Перечитайте первое четверостишие. Обратите внимание на словосочетания: «север дикий», «голая вершина», «снег сыпучий». Они играют важную роль в создании настроения. Что подчёркивает поэт этими словами? Ка-

ким предстаёт мир, окружающий сосну? Какое настроение он у вас вызывает?

Одинокую сосну окружает холодный, неприветливый мир северного края. Этот мир — реальность.

2. Перечитайте второе четверостишие. В нём появляется новый образ. Какой?

3. Каким вы видите мир, окружающий пальму? С помощью каких слов передано своеобразие этого мира? Расскажите.

Горячий мир пустыни, в котором растёт пальма, — мир грёзы, мечты сосны.

Можно было бы предположить, что сосна из мира реальности, из холода и одиночества, во сне будет стремиться в тёплую страну, к весёлому, жизнерадостному существу.

Однако пальма так же грустна и одинока.

4. Как вы думаете, почему?

5*. С помощью какой детали поэт сближает два образа в их одиночестве?

Попробуем сделать выводы: во-первых, холод, который описан в начале стихотворения, — характеристика не внешнего, а внутреннего, душевного мира. Это холод одиночества. Во-вторых, сосна в своих грёзах стремится не к благополучию и веселью, а к такому же одинокому существу, как и она сама. Сосна мечтает о преодолении одиночества.

Вопросы и задания

1. Определите идею стихотворения. Сформулируйте её письменно.

2. Назовите художественные средства, которые использует поэт. Какова их роль в раскрытии главной мысли стихотворения?

3. На цветной вклейке учебника найдите репродукцию картины И.И. Шишкина «На севере диком...». Мысль написать эту картину появилась у художника во время работы над оформлением собрания сочинений М.Ю. Лермонтова. Когда картину увидел художник В.К. Бялыницкий-Бируля, он воскликнул: «Я убеждён, что, если бы Лермонтов увидел картину Шишкина, он был бы счастлив». Согласны ли вы с мнением художника? Обоснуйте свою точку зрения.

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубóко
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

Вопросы и задания

1. Стихотворение «Утёс» М.Ю. Лермонтов написал весной 1841 года, незадолго до гибели. В «Лермонтовской энциклопедии», в статье об «Утёсе», Л.М. Щемелева

указывает: «...ведущий мотив стихотворения — трагедия одиночества — прочитывается одновременно в двух планах: как неразделённость любви и как непрочность человеческих связей вообще». Какие чувства и ассоциации вызывает это стихотворение у вас?

2. Какие художественные средства использует поэт? Приведите примеры.

3*. Центральные образы стихотворения — тучка и утёс — частые в творчестве М.Ю. Лермонтова. Вы прочитали два стихотворения, где туча — ведущий образ. Сопоставьте эти произведения — запишите ключевые слова, которые характеризовали бы мотивы, связанные со словом «туча» в каждом стихотворении.

Минуты творчества

Короткое произведение — всего восемь строчек — насыщено разнообразными поэтическими красками. Не случайно «Утёс» иллюстрировали многие художники, среди них Н.Н. Дубовской, В.Д. Замирайло, В.М. Конашевич, В.Д. Поленов и др. Попробуйте создать свою иллюстрацию к произведению.

Для вас, любознательные

Многие русские композиторы обращались к творчеству М.Ю. Лермонтова, в том числе к стихотворению «Утёс», музыку к которому писали А.Г. Рубинштейн, А.С. Даргомыжский, Н.А. Римский-Корсаков, М.А. Балакирев и др. С.В. Рахманинов создал симфоническую фантазию для оркестра — «Утёс». Эпиграфом к ней композитор взял первые две строчки из стихотворения М.Ю. Лермонтова.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные ветви лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песню про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жёлт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

1841

Вопросы и задания

Попробуйте самостоятельно охарактеризовать стихотворение М.Ю. Лермонтова «Листок». В качестве образца для рассуждений используйте материалы к стихотворениям «Тучи», «Парус», «На севере диком стоит одиноко...», «Утёс». Обратитесь к таким понятиям, как «олицетворение», «аллегория», «антитеза», «эпитет», «метафора».

Живое слово

1. Перечитайте последнюю строку стихотворения «Листок». Напишите от имени листка рассказ о его путешествии к Чёрному морю из «отчизны суровой».
2. Сочините монолог Паруса, скользящего «в луче золотом».
3. Каков мог бы быть диалог туч, мчащихся «с милого севера в сторону южную»?

Для вас, любознательные

Многие поэтические и живописные произведения М.Ю. Лермонтова можно найти в альбомах его друзей и знакомых. Сохранился и альбом, принадлежавший М.А. Шан-Гирей — двоюродной сестре матери Лермонтова Марии Михайловны. Его поэт впоследствии всегда возил с собой. Есть в нём стихи, начертанные подругами и знакомыми Марии Михайловны, есть стихи, написанные её рукою, есть и строки бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. В альбоме можно найти единственные дошедшие до нас детские рисунки М.Ю. Лермонтова.

Акварель М.Ю. Лермонтова. 1828—1832 гг.

В том же альбоме есть акварель с изображением моря. На нём одинокая парусная лодка. В каком из прочитанных вами стихотворений встречается тот же мотив? Какую подпись вы сделали бы под рисунком?

Желание рисовать не покидало поэта до конца его жизни. По воспоминаниям современников, из постоянного опасения за судьбу внука бабушка просила его не писать стихов и не рисовать карикатур, наделавших много шума в петербургском обществе. «Что же мне делать с собой... Бабушка просит меня не писать больше стихотворений и не брать в руки карандаша, — не могу, не могу, — говорил поэт.

Тематика рисунков Лермонтова неотрывна от его биографии. Бóльшая часть из сохранившихся его картин относится к периоду странствий по Кавказу. Поэт проводил долгие часы за альбомом с карандашом или кистью в руке. «Я снял на скорую руку виды всех при-

Горец.
Рисунок М.Ю. Лермонтова

Всадники. Рисунок М.Ю. Лермонтова
из «Юнкерской тетради». 1832—1834 гг.

мечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию», — пишет Лермонтов в конце 1837 года С.А. Раевскому. Он делал зарисовки с натуры или обобщал свои впечатления в работах более позднего времени.

Советуем прочитать

Зайдите на один из поисковых сайтов и найдите материалы, связанные с биографией М.Ю. Лермонтова, стихотворения, посвящённые великому русскому поэту.

Собрания сочинений Лермонтова, статьи о его жизни и творчестве, а также музыкальные произведения, созданные русскими и зарубежными композиторами на стихи Лермонтова, — весь этот богатейший материал вы найдёте в Фундаментальной электронной библиотеке: feb-web.ru.

После уроков

Подготовьте материал для выставки «Кавказ в жизни и творческой судьбе М.Ю. Лермонтова». Подберите для неё не только репродукции картин Лермонтова и тексты стихотворений поэта, но и воспоминания современников, научные издания, художественную прозу о Лермонтове. Вот некоторые издания: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981 (переиздана в 1999 году); *Марченко А.* С подорожной по казённой надобности. М., 1984.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ 1809—1852

Окончив Нежинскую гимназию, в конце 1828 года Н.В. Гоголь, полный сил и стремления принести пользу Отечеству, приезжает в Санкт-Петербург. Столица встретила Гоголя неласково — не хватало средств, долгое время не получалось устроиться на службу. С трудом удалось найти скромное место в департаменте. «А до этого вёл жизнь столичного бедняка-горемыки, изживая скудные домашние запасы... И без обеда случалось ему сиживать, и в лёгкой одежонке пробираться сквозь петербургскую стужу или изморось», — пишет исследователь творчества Гоголя Ю.В. Манн. В 1830 году писатель знакомится с известными литературными и общественными деятелями: поэтом и издателем, лицейским товарищем Пушкина А.А. Дельвигом, литературным критиком и педагогом П.А. Плетнёвым, поэтом-романтиком, наставником и воспитателем царских детей В.А. Жуковским. В мае 1831 года состоялось долгожданное знакомство с А.С. Пушкиным.

Друзья принимают участие в судьбе Гоголя — при содействии Дельвига в альманахе «Северные цветы» публикуются произведения начинающего писателя, при поддержке Плетнёва он получает место учителя

истории в Патриотическом институте благородных девиц, одновременно даёт частные уроки в аристократических домах.

После публикации сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» к Гоголю приходит слава. Восхищение читателей, одобрительные отзывы критиков, новые знакомства принесли радость и удовлетворение молодому автору, но вскоре он обращается к другим замыслам, поиску нового, думам о будущих трудах.

Летом 1832 года Гоголь посещает родные места. Он испытывает сложные чувства: с одной стороны, здесь прошли его детские и юношеские годы в кругу любящей семьи, здесь всё знакомо и близко, дышит теплом и естественностью; с другой — здесь одиноко и пусто. И нет возможности воплотить в жизнь свои планы, реализовать свои возможности.

По возвращении в Петербург Гоголь решает вновь заняться педагогической деятельностью, и в 1834 году получает должность адъюнкт-профессора¹ на кафедре всеобщей истории при Санкт-Петербургском университете. Однако уже в следующем году Гоголь покинет университет, чтобы всецело посвятить себя литературному творчеству. 1834 год — плодотворнейший период в жизни Гоголя: он пишет труды по истории, научные статьи, драматические произведения. Вот как накануне Нового года писатель сам выразил предчувствие творческого взлёта: «Таинственный, неизъяснимый 1834! Где означу я тебя великими трудами?.. <...> Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны...» Именно в этом году Гоголь написал повести, вошедшие в сборник «Миргород». Он был опубликован в начале 1835 года в двух частях. Первую часть составили «Старосветские по-

¹ *Адъюнкт-профессор* — ассистент, помощник профессора.

мещики» и «Тарас Бульба», вторую — «Вий» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Сборник имел подзаголовок: «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”». Автор трудов по истории русской литературы XIX века Л.А. Капитанова так характеризует композиционные особенности сборника: «Одна из повестей каждой части... связана с легендарным прошлым (“Тарас Бульба”, “Вий”), другая — с гоголевской современностью (“Старосветские помещики”, “Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”). Первая часть открывается “современной” повестью, а завершается “легендарной”; вторая часть, наоборот, открывается “легендарной”, а завершается “современной”, в результате чего “легендарные” повести оказываются как бы в кольце “современных” повестей».

Многие исследователи не без основания считают, что в «Старосветских помещиках» много автобиографического, в первую очередь связанного с образом матери писателя. На это обратил внимание и первый биограф Гоголя П.А. Кулиш: «Не кто другой, как он сам, вбегал, прозябнув, в сени, хлопал в ладоши и слышал в скрипении двери: “батюшки, я зябну”. Это он вперял глаза в сад, из которого глядела сквозь растворённое окно майская тёплая ночь... Изображая свою незабвенную Пульхерию Ивановну, Гоголь маскировал дорогую личность матери... Сквозь милые черты его Бавкиды проглядывает пленительный образ великой в своей неизвестности женщины». Прототипами Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны называют и деда с бабушкой Гоголя, Афанасия Демьяновича и Татьяну Семёновну Гоголь-Яновских.

Я очень люблю скромную жизнь тех уединённых владельцев отдалённых деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротой и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого стен не промыл ещё дождь, крыши не покрыла зелёная плесень и лишённое щекатурки крыльцо не выказывает своих красных кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединённой жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осенённые вербами, бузиною и грушами. Жизнь их скромных владельцев так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении. Я отсюда вижу низенький домик с галереею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущую вокруг всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни окон, не замочась дождём. За ним душистая черёмуха, целые ряды низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клён, в тени которого разостлан для отдыха ковёр; перед домом просторный двор с низенькою свежеею травкою, с протоптанною дорожкой от амбара до кухни и от кухни до барских покоев; длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол,

обвешанный связками сушёных груш и яблок и проветривающимися коврами; воз с дынями, стоящий возле амбара; отпряжённый вол, лениво лежащий возле него, — всё это для меня имеет неизъяснимую прелесть, может быть, оттого, что я уже не вижу их и что нам мило всё то, с чем мы в разлуке. Как бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъезжала к крыльцу этого домика, душа принимала удивительно приятное и спокойное состояние; лошади весело подкатывали под крыльцо, кучер преспокойно слезал с козел и набивал трубку, как будто бы он приезжал в собственный дом свой; самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам. Но более всего мне нравились самые владельцы этих скромных уголков, старички, старушки, заботливо выходившие навстречу. Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда вдруг на меня находит полусон и мерещится былое. На лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя по крайней мере на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь.

Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна ещё до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустелое жилище и увижу кучу развалившихся хат, загдохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, — и ничего более. Грустно! мне заранее грустно! Но обратимся к рассказу.

Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогубиха, по выражению окружающих мужиков, были те старики, о которых я начал расска-

зывать. Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду¹, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их. Афанасию Ивановичу было шестьдесят лет, Пульхерии Ивановне пятьдесят пять. Афанасий Иванович был высокого роста, ходил всегда в бараньем тулупчике, покрытом камлотом², сидел согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы рассказывал или просто слушал. Пульхерия Ивановна была несколько сурьёзна, почти никогда не смеялась; но на лице и в глазах её было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для её доброго лица. Лёгкие морщины на их лицах были расположены с такою приятностью, что художник, верно бы, украл их. По

¹ *Филемон* и *Бавкида* — герои античного мифа. Однажды во время посещения их города Фригии Зевс и Гермес под видом обычных путников в поисках приюта стучались в двери многих домов, — всюду им отказывали. Лишь в маленькой хижине, где жили старые Филемон и Бавкида, им оказали радушный приём. Чтобы получше накормить гостей, старики решили пожертвовать даже своим единственным гусем; убегая от Бавкиды, птица бросилась к ногам Зевса, который не разрешил её резать. К удивлению хозяев, количество еды на столе стало само по себе увеличиваться. В ответ на их испуг Зевс открыл старикам, кто он и его спутник, и приказал следовать за собой на вершину горы, поднявшись на которую они увидели, что местность вокруг их хижины покрылась водой, скрывшей все дома, а хижина их превратилась в величественный храм. Зевс позволил Филемону и Бавкиде высказать любое желание, пообещав его исполнить, — старики пожелали до конца своих дней служить жрецом и жрицей в храме Зевса и умереть одновременно, чтобы ни одному из них не пришлось жить без другого. Громовержец исполнил их желание: после долгой жизни Филемон и Бавкида превратились в деревья, растущие из одного корня.

² *Камлот* — плотная тёмная шерстяная или хлопчатобумажная ткань.

ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на о, слог *въ*. Нет, они не были похожи на эти презренные и жалкие творения, так же как и все малороссийские старинные и коренные фамилии.

Нельзя было глядеть без участия на их взаимную любовь. Они никогда не говорили друг другу «ты», но всегда «вы»; вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна. «Это вы продавили стул, Афанасий Иванович?» — «Ничего, не сердитесь, Пульхерия Ивановна: это я». Они никогда не имели детей, и оттого вся привязанность их сосредоточивалась на них же самих. Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах¹, был после секунд-майором, но это уже было очень давно, уже прошло, уже сам Афанасий Иванович почти никогда не вспоминал об этом. Афанасий Иванович женился тридцати лет, когда был молодцом и носил шитый камзол; он даже увёз довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него; но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере никогда не говорил.

Все эти давние, необыкновенные происшествия заменились спокойною и уединённою жизнью, теми дремлющими и вместе какими-то гармоническими

¹ *Компанёец* — на Украине в XVII—XVIII веках: казак лёгкого конного полка, набравшегося из добровольцев и несшего главным образом полицейскую службу.

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна.
Художник П.П. Соколов. 1853 г.

грёзами, которые ощущаете вы, сидя на деревенском балконе, обращённом в сад, когда прекрасный дождь роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тем радуга крадётся из-за деревьев и в виде полуразрушенного свода светит матовыми семью цветами на небе. Или когда укачивает вас коляска, ныряющая между зелёными кустарниками, а степной перепел гремит и душистая трава вместе с хлебными колосьями и полевыми цветами лезет в дверцы коляски, приятно ударяя вас по рукам и лицу.

Он всегда слушал с приятною улыбкою гостей, приезжавших к нему, иногда и сам говорил, но больше расспрашивал. Он не принадлежал к числу тех стариков, которые надоедают вечными похвалами старому времени или порицаниями нового. Он, напротив, расспра-

шивая вас, показывал большое любопытство и участие к обстоятельствам вашей собственной жизни, удачам и неудачам, которыми обыкновенно интересуются все добрые старики, хотя оно несколько похоже на любопытство ребёнка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть её. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломой, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер, когда пылкая молодёжь, прозябнувши от преследования за какой-нибудь смуглянкой, вбегает в них, похлопывая в ладоши. Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяева давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество небольших картинок, которые как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их вовсе не рассматриваешь. Пол почти во всех комнатах был глиняный, но так чисто вымазанный и содержавшийся с такою опрятностию, с какою, верно, не содержится ни один паркет в богатом доме,

Домик Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны.
Художник П.П. Соколов. 1853 г.

лениво подметаемый невыспавшимся господином в ливрее.

Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками. Множество узелков и мешков с семенами, цветочными, огородными, арбузными, висело по стенам. Множество клубков с разноцветною шерстью, лоскутков старинных платьев, шитых за полстолетие, были уложены по углам в сундучках и между сундучками. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала всё, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится.

Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели: перержавевшие ли петли были тому виною или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет, — но замечательно то, что каждая дверь имела

свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: «Батюшки, я зябну!» Я знаю, что многим очень не нравится этот звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озарённой свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою тёмною ночью, глядящею из сада, сквозь растворённое окно, на стол, уставленный приборами, соловьём, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и Боже, какая длинная навевается мне тогда вереница воспоминаний!

Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были все с высокими выточенными спинками, в натуральном виде, без всякого лака и краски; они не были даже обиты материею и были несколько похожи на те стулья, на которые и доныне садятся архиереи. Трёхугольные столики по углам, четырёхугольные перед диваном и зеркалом в тоненьких золотых рамах, выточенных листьями, которых мухи усеяли чёрными точками, ковёр перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц, — вот всё почти убранство невзыскательного домика, где жили мои старики.

Девичья была набита молодыми и немолодыми девушками в полосатых исподницах, которым иногда Пульхерия Ивановна давала шить какие-нибудь безделушки и заставляла чистить ягоды, но которые большею частию бегали на кухню и спали. Пульхерия Ивановна почитала необходимостью держать их в доме

и строго смотрела за их нравственностью. Но, к чрезвычайному её удивлению, не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой-нибудь из её девушек стан не делался гораздо полнее обыкновенного; тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, включая разве только комнатного мальчика, который ходил в сером полуфраке, с босыми ногами, и если не ел, то уж, верно, спал. Пульхерия Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впредь этого не было. На стёклах окон звенело страшное множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями ос; но как только подавали свечи, вся эта ватага отправлялась на ночлег и покрывала чёрною тучею весь потолок.

Афанасий Иванович очень мало занимался хозяйством, хотя, впрочем, ездил иногда к косарям и жнецам и смотрел довольно пристально на их работу; всё бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне. Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспременном отпирании и запираании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений. Её дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котёл или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню ещё на чём. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике¹ водку на персиковые листья, на черёмуховый цвет, на золототысячник, на вишнёвые косточки, и к концу этого процесса совершенно не был в состоянии поворотить языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всею этой дрянью наварива-

¹ *Лёмбик* — сосуд для перегонки и очистки водки.

лось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх расчисленного на потребление любила готовить ещё на запас, если бы бóльшая половина этого не съедалась дворовыми девками, которые, забираясь в кладовую, так ужасно там объедались, что целый день стонали и жаловались на животы свои.

В хлебопашество и прочие хозяйственные статьи вне двора Пульхерия Ивановна мало имела возможности входить. Приказчик, соединившись с войтом¹, обкрадывали немилосердным образом. Они завели обыкновение входить в господские леса, как в свои собственные, наделывали множество саней и продавали их на ближней ярмарке; кроме того, все толстые дубы они продавали на сруб для мельниц соседним козакам. Один только раз Пульхерия Ивановна пожелала обревизировать² свои леса. Для этого были запряжены дрожки с огромными кожаными фартуками, от которых, как только кучер встряхивал вожжами и лошади, служившие ещё в милиции, трогались с своего места, воздух наполнялся странными звуками, так что вдруг были слышны и флейта, и бубны, и барабан; каждый гвоздик и железная скобка звенели до того, что возле самых мельниц было слышно, как пани выезжала со двора, хотя это расстояние было не менее двух вёрст. Пульхерия Ивановна не могла не заметить страшного опустошения в лесу и потери тех дубов, которые она ещё в детстве знавала столетними.

— Отчего это у тебя, Ничипор, — сказала она, обращаясь к своему приказчику, тут же находившемуся, — дубки сделались так редкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на голове не стали редки.

¹ *Войт* — сельский староста.

² *Обревизировать* — проверить.

— Отчего редки? — говаривал обыкновенно приказчик, — пропали! Так-таки совсем пропали: и громом побило, и черви проточили, — пропали, пани, пропали.

Пульхерия Ивановна совершенно удовлетворялась этим ответом и, приехавши домой, давала повеление удвоить только стражу в саду около шпанских вишен¹ и больших зимних дуль².

Эти достойные правители, приказчик и войт, нашли вовсе излишним привозить всю муку в барские амбары, а что с бар будет довольно и половины; наконец, и эту половину привозили они заплесневшую или подмоченную, которая была обракована на ярмарке. Но сколько ни обкрадывали приказчик и войт, как ни ужасно жрали все в дворе, начиная от ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество слив и яблок и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть с него целый дождь фруктов, сколько ни клевали их воробьи и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, что всё обращалось ко всемирному источнику, то есть к шинку³, сколько ни крали гости, флегматические кучера и лакеи, — но благословенная земля производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно, что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве.

Оба старичка, по старинному обычаю старосветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и как только двери заводили свой разноголосый концерт, они уже

¹ *Шпанская вишня* — сорт вишни.

² *Зимняя дуля* — сорт груши.

³ *Шинók* — питейное заведение.

сидели за столиком и пили кофе. Напившись кофею, Афанасий Иванович выходил в сени и, стряхнувши платком, говорил: «Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца!» На дворе ему обыкновенно попадался приказчик. Он, по обыкновению, вступал с ним в разговор, расспрашивал о работах с величайшею подробностью и такие сообщал ему замечания и приказания, которые удивили бы всякого необыкновенным познанием хозяйства, и какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркого хозяина. Но приказчик его был обстрелянная птица: он знал, как нужно отвечать, а ещё более, как нужно хозяйничать.

После этого Афанасий Иванович возвращался в покой и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне:

— А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? Разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков солёных?

— Пожалуй, хоть и рыжиков или пирожков, — отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки, заедал грибами, разными сушёными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшочков с замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни. За обедом обыкновенно шёл разговор о предметах, самых близких к обеду.

— Мне кажется, как будто эта каша, — говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, — немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?

— Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелою, или вот возьмите этого соуса с грибами и подлейте к ней.

— Пожалуй, — говорил Афанасий Иванович, подставляя свою тарелку, — попробуем, как оно будет.

После обеда Афанасий Иванович шёл отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила:

— Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз.

— Да вы не верьте, Пульхерия Ивановна, что он красный в середине, — говорил Афанасий Иванович, принимая порядочный ломоть, — бывает, что и красный, да нехороший.

Но арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал ещё несколько груш и отправлялся погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Пришедши домой, Пульхерия Ивановна отправлялась по своим делам, а он садился под навесом, обращённым к двору, и глядел, как кладовая беспрестанно показывала и закрывала свою внутренность и девки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякого дрязгу в деревянных ящиках, решётах, ночевках¹ и в прочих фруктохранилищах. Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной или сам отправлялся к ней и говорил:

— Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?

— Чего же бы такого? — говорила Пульхерия Ивановна, — разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?

— И то добре, — отвечал Афанасий Иванович.

— Или, может быть, вы съели бы киселику?

¹ *Ночёвки* — маленькие корыта.

— И то хорошо, — отвечал Афанасий Иванович. После чего всё это немедленно было приносимо и, как водится, съедаемо.

Перед ужином Афанасий Иванович ещё кое-чего закусывал. В половине десятого садились ужинать. После ужина тотчас отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась в этом деятельном и вместе спокойном уголке. Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, была так жарка, что редкий был бы в состоянии остаться в ней несколько часов. Но Афанасий Иванович ещё сверх того, чтобы было теплее, спал на лежанке, хотя сильный жар часто заставлял его несколько раз вставать среди ночи и прохаживаться по комнате. Иногда Афанасий Иванович, ходя по комнате, стонал. Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала:

— Чего вы стонете, Афанасий Иванович?

— Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так, как будто немного живот болит, — говорил Афанасий Иванович.

— А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?

— Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! Впрочем, чего ж бы такого съесть?

— Кислого молочка или жиденького узвару¹ с сухёными грушами.

— Пожалуй, разве так только, попробовать, — говорил Афанасий Иванович.

Сонная девка отправлялась рыться по шкапам, и Афанасий Иванович съедал тарелочку; после чего он обыкновенно говорил:

— Теперь так как будто сделалось легче.

Иногда, если было ясное время и в комнатах довольно тепло натоплено, Афанасий Иванович, развеселившись, любил пошутить над Пульхериею Ивановною и поговорить о чём-нибудь постороннем.

¹ *Узвар* — компот.

— А что, Пульхерия Ивановна, — говорил он, — если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?

— Вот это Боже сохрани! — говорила Пульхерия Ивановна, крестясь.

— Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда?

— Бог знает что вы говорите, Афанасий Иванович! как можно, чтобы дом мог сгореть: Бог этого не попустит.

— Ну, а если бы сгорел?

— Ну, тогда бы мы перешли в кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимает ключница.

— А если бы и кухня сгорела?

— Вот ещё! Бог сохранит от такого попущения, чтобы вдруг и дом и кухня сгорели! Ну, тогда в кладовую, покамест выстроился бы новый дом.

— А если бы и кладовая сгорела?

— Бог знает что вы говорите! Я и слушать вас не хочу! Грех это говорить, и Бог наказывает за такие речи.

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что подшутил над Пульхериею Ивановною, улыбался, сидя на своём стуле.

Но интереснее всего казались для меня старички в то время, когда бывали у них гости. Тогда всё в их доме принимало другой вид. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Всё, что у них ни было лучшего, всё это выносилось. Они наперерыв старались угостить вас всем, что только производило их хозяйство. Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствие чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ. Это радушие вовсе не

то, с каким угощает вас чиновник казённой палаты, вышедший в люди вашими стараниями, называющий вас благодетелем и ползающий у ног ваших. Гость никаким образом не был отпускаем того же дня: он должен был непременно переночевать.

— Как можно такую позднюю порою отправляться в такую дальнюю дорогу! — всегда говорила Пульхерия Ивановна (гость обыкновенно жил в трёх или в четырёх верстах от них).

— Конечно, — говорил Афанасий Иванович, — неравно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек.

— Пусть Бог милует от разбойников! — говорила Пульхерия Ивановна. — И к чему рассказывать эдакое на ночь. Разбойники не разбойники, а время тёмное, не годится совсем ехать. Да и ваш кучер, я знаю вашего кучера, он такой тендитный¹ да маленький, его всякая кобыла побьёт; да притом теперь он уже, верно, наклюкался и спит где-нибудь.

И гость должен был непременно остаться; но, впрочем, вечер в низенькой тёплой комнате, радушный, греющий и усыпляющий рассказ, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски изготовленного, бывает для него наградой. Я вижу как теперь, как Афанасий Иванович, согнувшись, сидит на стуле с всегдашнею своею улыбкой и слушает со вниманием и даже наслаждением гостя! Часто речь заходила и об политике. Гость, тоже весьма редко выезжавший из своей деревни, часто с значительным видом и таинственным выражением лица выводил свои догадки и рассказывал, что француз тайно согласился с англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта, или просто рассказывал о предстоящей войне, и тогда Афанасий

¹ *Тендитный* — слабый, нежный, хрупкий.

Иванович часто говорил, как будто не глядя на Пульхерию Ивановну:

— Я сам думаю пойти на войну; почему ж я не могу идти на войну?

— Вот уже и пошёл! — прерывала Пульхерия Ивановна. — Вы не верьте ему, — говорила она, обращаясь к гостю. — Где уже ему, старому, идти на войну! Его первый солдат застрелит! Ей-богу, застрелит! Вот так-таки прицелится и застрелит.

— Что ж, — говорил Афанасий Иванович, — и я его застрелю.

— Вот слушайте только, что он говорит! — подхватывала Пульхерия Ивановна. — Куда ему идти на войну! И пистолы его давно уже заржавели и лежат в коморе¹. Если б вы их видели: там такие, что, прежде ещё нежели выстрелят, разорвёт их порохом. И руки себе поотобьёт, и лицо искалечит, и навеки несчастным останется!

— Что ж, — говорил Афанасий Иванович, — я куплю себе новое вооружение. Я возьму саблю или козацкую пику.

— Это всё выдумки. Так вот вдруг придёт в голову, и начнёт рассказывать, — подхватывала Пульхерия Ивановна с досадою. — Я и знаю, что он шутит, а всё-таки неприятно слушать. Вот эдакое он всегда говорит, иной раз слушаешь, слушаешь, да и страшно станет.

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что несколько напугал Пульхерию Ивановну, смеялся, сидя согнувшись на своём стуле.

Пульхерия Ивановна для меня была занимательнее всего тогда, когда подводила гостя к закуске.

— Вот это, — говорила она, снимая пробку с графина, — водка, настоящая на деревий² и шалфей. Если

¹ *Комóра* — кладовая.

² *Деревий* — многолетнее лекарственное растение.

у кого болят лопатки или поясница, то очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишаи делаются, то очень помогает. А вот эта — перегнанная на персиковые косточки; вот возьмите рюмку, какой прекрасный запах. Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола и набежит на лбу гугля¹, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом — и всё как рукой снимет, в ту же минуту всё пройдёт, как будто вовсе не бывало.

После этого такой перечёт следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявших тарелок.

— Вот это грибки с чебрецом! это с гвоздиками и волошскими орехами! Солить их выучила меня туркенья, в то время, когда ещё турки были у нас в плену. Такая была добрая туркенья, и незаметно совсем, чтобы турецкую веру исповедовала. Так совсем и ходит, почти как у нас; только свинины не ела: говорит, что у них как-то там в законе запрещено. Вот это грибки с смородинным листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки: я их ещё в первый раз отваривала в уксусе; не знаю, каковы-то они; я узнала секрет от отца Ивана. В маленькой кадлушке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и положить ещё что бывает на нечуй-витере² цвет, так этот цвет взять и хвостиками разостлать вверх. А вот это пирожки! это пирожки с сыром! это с урдою³! а вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою и гречневою кашею.

— Да, — прибавлял Афанасий Иванович, — я их очень люблю; они мягкие и немножко кисленькие.

¹ *Гүгя* — шишка.

² *Нечуй-витер* — растение.

³ *Урда* — выжимки из маковых зёрен.

Вообще Пульхерия Ивановна была чрезвычайно в духе, когда бывали у них гости. Добрая старушка! Она вся принадлежала гостям. Я любил бывать у них, и хотя объедался страшным образом, как и все гостившие у них, хотя мне это было очень вредно, однако ж я всегда бывал рад к ним ехать. Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, помогающего пищеварению, потому что если бы здесь вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели очутился бы лежащим на столе.

Добрые старички! Но повествование моё приближается к весьма печальному событию, изменившему навсегда жизнь этого мирного уголка. Событие это покажется тем более разительным, что произошло от самого маловажного случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины рождали великие события, и наоборот — великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец всё это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, и ссора объемлет наконец города, потом сёла и деревни, а там и целое государство. Но оставим эти рассуждения: они не идут сюда. Притом я не люблю рассуждений, когда они остаются только рассуждениями.

У Пульхерии Ивановны была серенькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубком, у её ног. Пульхерия Ивановна иногда её гладила и щекотала пальцем по её шейке, которую балованная кошечка вытягивала как можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерия Ивановна слишком любила её, но

просто привязалась к ней, привыкши её всегда видеть. Афанасий Иванович, однако ж, часто подшучивал над такую привязанностью:

— Я не знаю, Пульхерия Ивановна, что вы такого находите в кошке. На что она? Если бы вы имели собаку, тогда бы другое дело: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?

— Уж молчите, Афанасий Иванович, — говорила Пульхерия Ивановна, — вы любите только говорить, и больше ничего. Собака нечистоплотна, собака нагадит, собака перебьёт всё, а кошка — тихое творение, она никому не сделает зла.

Впрочем, Афанасию Ивановичу было всё равно, что кошки, что собаки; он для того только говорил так, чтобы немножко подшутить над Пульхерией Ивановной.

За садом находился у них большой лес, который был совершенно пощажён предприимчивым приказчиком, — может быть, оттого, что стук топора доходил бы до самых ушей Пульхерии Ивановны. Он был глух, запущен, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лапы голубей. В этом лесу обитали дикие коты. Лесных диких котов не должно смешивать с теми удалцами, которые бегают по крышам домов. Находясь в городах, они, несмотря на крутой нрав свой, гораздо более цивилизованы, нежели обитатели лесов. Это, напротив того, большею частию народ мрачный и дикий; они всегда ходят тощие, худые, мяукают грубым, необработанным голосом. Они подрываются иногда подземным ходом под самые амбары и крадут сало, являются даже в самой кухне, прыгнувши внезапно в растворённое окно, когда заметят, что повар пошёл в бурьян. Вообще никакие благородные чувства им неизвестны; они живут хищничеством и душат маленьких воробьёв

в самых их гнёздах. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру под амбаром с кроткою кошечкою Пульхерии Ивановны и наконец подманили её, как отряд солдат подманивает глупую крестьянку. Пульхерия Ивановна заметила пропажу кошки, послала искать её, но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерия Ивановна пожалела, наконец вовсе о ней позабыла. В один день, когда она ревизировала свой огород и возвращалась с нарванными своею рукою зелёными свежими огурцами для Афанасия Ивановича, слух её был поражён самым жалким мяуканьем. Она, как будто по инстинкту, произнесла: «Кис, кис!» — и вдруг из бурьяна вышла её серенькая кошка, худая, тощая; заметно было, что она несколько уже дней не брала в рот никакой пищи. Пульхерия Ивановна продолжала звать её, но кошка стояла пред нею, мяукала и не смела близко подойти; видно было, что она очень одичала с того времени. Пульхерия Ивановна пошла вперёд, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самого забора. Наконец, увидевши прежние, знакомые места, вошла и в комнату. Пульхерия Ивановна тотчас приказала подать ей молока и мяса и, сидя перед нею, наслаждалась жадностью бедной своей фаворитки, с какою она глотала кусок за куском и хлебала молоко. Серенькая беглянка почти в глазах её растолстела и ела уже не так жадно. Пульхерия Ивановна протянула руку, чтобы погладить её, но неблагодарная, видно, уже слишком свыклась с хищными котами или набралась романических правил, что бедность при любви лучше палат, а коты были голы как соколы; как бы то ни было, она выпрыгнула в окошко, и никто из дворовых не мог поймать её.

Задумалась старушка. «Это смерть моя приходила за мною!» — сказала она сама в себе, и ничто не могло её рассеять. Весь день она была скучна. Напрасно Афа-

насий Иванович шутил и хотел узнать, отчего она так вдруг загрустила: Пульхерия Ивановна была безответна или отвечала совершенно не так, чтобы можно было удовлетворить Афанасия Ивановича. На другой день она заметно похудела.

— Что это с вами, Пульхерия Ивановна? Уж не больны ли вы?

— Нет, я не больна, Афанасий Иванович! Я хочу вам объявить одно особенное происшествие: я знаю, что я этим летом умру; смерть моя уже приходила за мною!

Уста Афанасия Ивановича как-то болезненно искривились. Он хотел, однако ж, победить в душе своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказал:

— Бог знает что вы говорите, Пульхерия Ивановна! Вы, верно, вместо декохта¹, что часто пьёте, выпили персиковой.

— Нет, Афанасий Иванович, я не пила персиковой, — сказала Пульхерия Ивановна.

И Афанасию Ивановичу сделалось жалко, что он так пошутил над Пульхерией Ивановной, и он смотрел на неё, и слеза повисла на его реснице.

— Я прошу вас, Афанасий Иванович, чтобы вы исполнили мою волю, — сказала Пульхерия Ивановна. — Когда я умру, то похороните меня возле церковной ограды. Платье наденьте на меня серенькое — то, что с небольшими цветочками по коричневому полю. Атласного платья, что с малиновыми полосками, не надевайте на меня: мёртвой уже не нужно платье. На что оно ей? А вам оно пригодится: из него сошьёте себе парадный халат на случай, когда приедут гости, то чтобы можно было вам прилично показаться и принять их.

— Бог знает что вы говорите, Пульхерия Ивановна! — говорил Афанасий Иванович. — Когда-то ещё будет смерть, а вы уже стращаете такими словами.

¹ *Декóхт* — отвар из лекарственных трав.

— Нет, Афанасий Иванович, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однако ж, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скоро увидимся на том свете.

Но Афанасий Иванович рыдал, как ребёнок.

— Грех плакать, Афанасий Иванович! Не грешите и Бога не гневите своею печалью. Я не жалею о том, что умираю. Об одном только жалею я (тяжёлый вздох прервал на минуту речь её): я жалею о том, что не знаю, на кого оставить вас, кто присмотрит за вами, когда я умру. Вы как дитя маленькое: нужно, чтобы любил вас тот, кто будет ухаживать за вами.

При этом на лице её выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, мог ли бы кто-нибудь в то время глядеть на неё равнодушно.

— Смотри мне, Явдоха, — говорила она, обращаясь к ключнице, которую нарочно велела позвать, — когда я умру, чтобы ты глядела за паном, чтобы берегла его, как глаза своего, как своё родное дитя. Гляди, чтобы на кухне готовилось то, что он любит. Чтобы бельё и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то, пожалуй, он иногда выйдет в старом халате, потому что и теперь часто позабывает он, когда праздничный день, а когда будничный. Не своди с него глаз, Явдоха, я буду молиться за тебя на том свете, и Бог наградит тебя. Не забывай же, Явдоха; ты уже стара, тебе недолго жить, не набирай греха на душу. Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счастья на свете. Я сама буду просить Бога, чтобы не давал тебе благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дети твои будут несчастны, и весь род ваш не будет иметь ни в чём благословения Божия.

Бедная старушка! Она в то время не думала ни о той великой минуте, которая её ожидает, ни о душе своей, ни о будущей своей жизни; она думала только о бедном своём спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сырым и бесприютным. Она с необыкновенною расторопностью распорядила всё таким образом, чтобы после неё Афанасий Иванович не заметил её отсутствия. Уверенность её в близкой своей кончине так была сильна и состояние души её так было к этому настроено, что действительно чрез несколько дней она слегла в постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Афанасий Иванович весь превратился во внимательность и не отходил от её постели. «Может быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерия Ивановна?» — говорил он, с беспокойством смотря в глаза ей. Но Пульхерия Ивановна ничего не говорила. Наконец, после долгого молчания, как будто хотела она что-то сказать, пошевелила губами — и дыхание её улетело.

Афанасий Иванович был совершенно поражён. Это так казалось ему дико, что он даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на неё, как бы не понимая значения труп.

Покойницу положили на стол, одели в то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестом, дали в руки восковую свечу, — он на всё это глядел бесчувственно. Множество народа всякого звания наполнило двор, множество гостей приехало на похороны, длинные столы расставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали их кучами; гости говорили, плакали, глядели на покойницу, рассуждали о её качествах, смотрели на него, — но он сам на всё это глядел странно. Покойницу понесли наконец, народ повалил следом, и он пошёл за нею; священники были в полном облачении, солнце светило, грудные ребёнки плакали на руках матерей, жаворонки пели, дети в ру-

башонках бегали и резвились по дороге. Наконец гроб поставили над ямой, ему велели подойти и поцеловать в последний раз покойницу; он подошёл, поцеловал, на глазах его показались слёзы, — но какие-то бесчувственные слёзы. Гроб опустили, священник взял заступ и первый бросил горсть земли, густой протяжный хор дьячка и двух пономарей пропел вечную память под чистым, безоблачным небом, работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сровняла яму, — в это время он пробрался вперёд; все расступились, дали ему место, желая знать его намерение. Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: «Так вот это вы уже и погребли её! зачем?!» Он остановился и не закончил своей речи.

Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен, — он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слёзы, как река, лились из его тусклых очей.

Пять лет прошло с того времени. Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелеет в неровной битве с ним? Я знал одного человека в цвете юных ещё сил, исполненного истинного благородства и достоинств, я знал его влюблённым нежно, страстно, бешено, дерзко, скромно, и при мне, при моих глазах почти, предмет его страсти — нежная, прекрасная, как ангел, — была поражена ненасытной смертью. Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной, палящей тоски, такого пожирающего отчаяния, какие волновали несчастного любовника. Я никогда не думал, чтобы мог человек создать для себя такой ад, в котором ни тени, ни образа и ничего, что бы сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать с глаз; от него спрятали все орудия, которыми бы он мог умертвить себя. Две недели спустя он вдруг победил себя:

начал смеяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что он употребил её, это было — купить пистолет. В один день внезапно раздавшийся выстрел перепугал ужасно его родных. Они вбежали в комнату и увидели его распростёртого, с раздробленным черепом. Врач, случившийся тогда, об искусстве которого гремела всеобщая молва, увидел в нём признаки существования, нашёл рану не совсем смертельною, и он, к изумлению всех, был вылечен. Присмотр за ним увеличили ещё более. Даже за столом не клали возле него ножа и старались удалить всё, чем бы мог он себя ударить; но он в скором времени нашёл новый случай и бросился под колёса проезжавшего экипажа. Ему растрошило¹ руку и ногу; но он опять был вылечен. Год после этого я видел его в одном многолюдном зале: он сидел за столом, весело говорил: «петит-уверт», закрывши одну карту, и за ним стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истечении сказанных пяти лет после смерти Пульхерии Ивановны я, будучи в тех местах, заехал в хуторок Афанасия Ивановича навестить моего старинного соседа, у которого когда-то приятно проводил день и всегда обедался лучшими изделиями радушной хозяйки. Когда я подъехал ко двору, дом мне показался вдвое старше, крестьянские избы совсем легли набок — без сомнения, так же, как и владельцы их; частокол и плетень в дворе были совсем разрушены, и я видел сам, как кухарка выдёргивала из него палки для затопки печи, тогда как ей нужно было сделать только два шага лишних, чтобы достать тут же наваленного хвороста. Я с грустью подъехал к крыльцу; те же самые барбосы и бровки, уже слепые или с перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверх свои волнистые, обвешанные репейниками хвосты.

¹ *Растро́шить* — разбить на куски, раздробить.

Навстречу вышел старик. Так это он! я тотчас же узнал его; но он согнулся уже вдвое против прежнего. Он узнал меня и приветствовал с тою же знакомою мне улыбкою. Я вошёл за ним в комнаты; казалось, всё было в них по-прежнему; но я заметил во всём какой-то странный беспорядок, какое-то ощутительное отсутствие чего-то; словом, я ощутил в себе те странные чувства, которые овладевают нами, когда мы вступаем в первый раз в жилище вдовца, которого прежде знали нераздельным с подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бывают похожи на то, когда видим перед собою без ноги человека, которого всегда знали здоровым. Во всём видно было отсутствие заботливой Пульхерии Ивановны: за столом подали один нож без черенка; блюда уже не были приготовлены с таким искусством. О хозяйстве я не хотел и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственные заведения.

Когда мы сели за стол, девка завязала Афанасия Ивановича салфеткою, — и очень хорошо сделала, потому что без того он бы весь халат свой запачкал соусом. Я старался его чем-нибудь занять и рассказывал ему разные новости; он слушал с тою же улыбкою, но по временам взгляд его был совершенно бесчувствен, и мысли в нём не бродили, но исчезали. Часто поднимал он ложку с кашею и, вместо того чтобы подносить ко рту, подносил к носу; вилку свою, вместо того чтобы воткнуть в кусок цыплёнка, он тыкал в графин, и тогда девка, взявши его за руку, наводила на цыплёнка. Мы иногда ожидали по несколько минут следующего блюда. Афанасий Иванович уже сам замечал это и говорил: «Что это так долго не несут кушанья?» Но я видел сквозь щель в дверях, что мальчик, разносивший нам блюда, вовсе не думал о том и спал, свесивши голову на скамью.

«Вот это то кушанье, — сказал Афанасий Иванович, когда подали нам мнишки¹ со сметаной, — это то кушанье, — продолжал он, и я заметил, что голос его начал дрожать и слеза готовилась выглянуть из его свинцовых глаз, но он собирал все усилия, желая удержать её. — Это то кушанье, которое по... по... покой... покойни...» — и вдруг брызнул слезами. Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетела и разбилась, соус залил его всего; он сидел бесчувственно, бесчувственно держал ложку, и слёзы, как ручей, как немолчно текущий фонтан, лились, лились ливмья на застилавшую его салфетку.

«Боже! — думал я, глядя на него. — Пять лет всеистребляющего времени — старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушёных рыбок и груш, из добродушных рассказов, — и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихорь наших желаний и кипящих страстей есть только следствие нашего яркого возраста и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны?» Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки. Несколько раз силился он выговорить имя покойницы, но на половине слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плач дитяти поражал меня в самое сердце. Нет, это не те слёзы, на которые обыкновенно так щедры старички, представляющие вам жалкое своё положение и несчастья; это были также не те слёзы, которые они роняют за стаканом пуншу; нет! это были слёзы, которые тек-

¹ *Мнишки* — сырники.

ли не спрашиваясь, сами собою, накапливаясь от едкости боли уже овладевшего сердца.

Он не долго после того жил. Я недавно услышал об его смерти. Странно, однако же, то, что обстоятельства кончины его имели какое-то сходство с кончиною Пульхерии Ивановны. В один день Афанасий Иванович решился немного пройтись по саду. Когда он медленно шёл по дорожке с обыкновенною своею беспечностию, вовсе не имея никакой мысли, с ним случилось странное происшествие. Он вдруг услышал, что позади его произнёс кто-то довольно явственным голосом: «Афанасий Иванович!» Он оборотился, но никого совершенно не было, посмотрел во все стороны, заглянул в кусты — нигде никого. День был тих, и солнце сияло. Он на минуту задумался: лицо его как-то оживилось, и он наконец произнёс: «Это Пульхерия Ивановна зовёт меня!»

Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдины объясняют тем, что душа стосковалась за человеком и призывает его, и после которого следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил моё имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мёртвая, даже кузнечик в это время переставал кричать; ни души в саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался её, как этой ужасной тишины среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада, и тогда только успокоивался, когда попадался мне на-

встречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню.

Он весь покорился своему душевному убеждению, что Пульхерия Ивановна зовёт его; он покорился с волею послушного ребёнка, сохнул, кашлял, таял, как свечка, и наконец угас так, как она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бедное её пламя. «Положите меня возле Пульхерии Ивановны», — вот всё, что произнёс он перед своею кончиною.

Желание его исполнили и похоронили возле церкви, близ могилы Пульхерии Ивановны. Гостей было меньше на похоронах, но простого народа и нищих было такое же множество. Домик барский уже сделался вовсе пуст. Предприимчивый приказчик вместе с войтом перетасили в свои избы все оставшиеся старинные вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро приехал, неизвестно откуда, какой-то дальний родственник, наследник имения, служивший прежде поручиком, не помню в каком полку, страшный реформатор. Он увидел тотчас величайшее расстройство и упущение в хозяйственных делах; всё это решился он непременно искоренить, исправить и ввести во всё порядок. Накупил шесть прекрасных английских серпов, приколотил к каждой избе особенный номер и, наконец, так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку. Мудрая опека (из одного бывшего заседателя и какого-то штабс-капитана в полинялом мундире) перевела в непродолжительное время всех кур и все яйца. Избы, почти совсем лежавшие на земле, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частию числиться в бегах. Сам же настоящий владелец, который, впрочем, жил довольно мирно с своею опекою и пил вместе с нею пунш, приезжал очень редко в свою деревню и проживал недолго. Он до сих пор ездит по всем ярмаркам в Малороссии; тщательно ос-

ведомляется о ценах на разные большие произведения, продающиеся оптом, как то: муку, пеньку, мёд и прочее, но покупает только небольшие безделушки, как то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще всё то, что не превышает всем оптом своим цены одного рубля.

1834

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

С момента выхода сборника «Миргород» и до наших дней не утихают споры критиков, литературоведов, читателей вокруг повести «Старосветские помещики». Образы главных героев, пафос произведения вызывают противоположные оценки. Одни считают повесть произведением, в котором выражены идиллические представления о жизни обычных людей, живущих в глубокой провинции; другие говорят о том, что в повести Гоголя показана пошлость старосветских обитателей, забывших о высоком предназначении человека.

Двойственный смысл произведения уловили современники писателя. А.С. Пушкин охарактеризовал повесть как «шутливую, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слёзы грусти и умиления». Известный критик XIX века В.Г. Белинский удивлялся: «Возьмите его “Старосветских помещиков”; что в них? Две пародии на человечество в продолжение нескольких десятков лет пьют и едят, едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарование? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной, и между тем принимаете такое участие в персонажах повести, смеётесь над ними, но без злости и потом рыдаете с Филемоном о его Бавкиде, сострадаете его глубокой, неземной горести...» Вот суждение другого

критика того времени — Н.А. Добролюбова: «В “Старосветских помещиках” вы видите людей пустых, ничтожных и жалких, но по крайней мере добрых и радужных».

И.Ф. Анненский, поэт конца XIX века, педагог, директор Царскосельской гимназии, в которой учился будущий поэт Николай Гумилёв, считал «Старосветских помещиков» выразителями русского национального духа, героев — людьми душевной чистоты, естественности, сумевших сохранить до конца жизни любовь и преданность друг другу.

Критик первой половины XX века К.В. Мочульский писал: «Но как непрочно частоколы и плетни, ограждающие идиллический, любовный мирок старичков! Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна живут в невинности и блаженстве. И вот “злой дух” проникает в их рай под видом тощей, одичавшей кошки; входит смерть и страдание»¹. Известный литературовед Г.А. Гуковский отмечал: «...образы Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны овеяны глубокой и нежной поэзией, красотой человечности. В них есть нечто столь чистое и возвышенное, что трудно отделаться от впечатления, что они несут в себе глубокую правду человечности, освещающую и освящающую и всё, их окружающее; ибо они никому не делают зла, ибо они любовно и бережно относятся к людям, даже к тем, которые обкрадывают их, ибо они как бы слиты с щедрой и прекрасной природой, близкой им, — а это всё, очевидно, признаётся Гоголем ценным, благородным».

¹ Кстати, убежденность Пульхерии Ивановны в близкой смерти из-за появления, а затем исчезновения кошки объясняется существовавшим у славянских народов поверьем. А.Н. Афанасьев писал: «Чехи и малорусы рассказывают, что Смерть, принимая вид кошки, царапается в окно, и тот, кто увидит её и впустил в избу, должен умереть в самое короткое время».

Как видим, оценки противоречивы. Где же истина? Обратимся к суждениям самого автора — вспомним строки из повести: «По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал... Нет, они не были похожи на эти презренные и жалкие творения, так же как и все малороссийские старинные и коренные фамилии». Однако Гоголь говорил в связи с оценкой его творчества Пушкиным: «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что ещё ни у одного писателя не было этого дара выставить так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем». Но эти слова Гоголя — о собственном творчестве в целом. Они справедливы для многих его произведений — и для повести «Как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» из второй части «Миргорода», и для комедии «Ревизор», и для поэмы «Мёртвые души»... Так есть ли основание говорить о пошлости старосветских помещиков?

Для ответа на вопрос разберёмся с самим понятием «пошлость». Его история связана с глаголом «пойти», и до XVII века слово означало «принадлежность старине», то есть «пошлый» — это старинный, исконный. Во времена Петра I отношение к прошлому стало меняться, и слово «пошлость» приобрело несколько иной

смысл, негативный. «Пошлый» стал синонимом слов «маловажный», «простоватый», «низкий», «обычный».

Современник Пушкина и Гоголя, В.И. Даль в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» определял значение понятия пошлость так: «...избитый, общеизвестный и надокучливый, вышедший из обычая, неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным, вульгарным, тривиальным».

Вопросы и задания

1. Повесть начинается своеобразным признанием Н.В. Гоголя в любви к отчему краю. Какие слова передают чувства писателя?
2. Из каких деталей складывается в представлении читателя образ отдалённых деревень? На что Гоголь особо обращает внимание читателя?
3. Подготовьте подробную характеристику образов главных героев по следующему плану.

План

1. Взаимоотношения Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны.
2. Детали быта и обстановки в доме. Что они добавляют к образу старосветских помещиков?
3. Мотив еды — один из основных в повести. Снижает ли он образ героев? Или художественная роль этих подробностей в другом? В чём, по вашему мнению?
4. Отношение к гостям. Что важно для героев повести?
5. Печальное событие. О чём беспокоится перед смертью Пульхерия Ивановна? Как переживает её уход Афанасий Иванович? Что меняется в его жизни? Как по-новому раскрываются герои в связи с трагическими обстоятельствами?
6. Сравнение помещиков с героями античного мифа Филемоном и Бавкидой (бездетность, гостеприимство, многолетняя любовь и воссоединение после смерти).

4. Можно ли считать характеры героев, их образ жизни и отношение к миру соответствующими тому значению слова «пошлость», которое приводится в словаре В.И. Даля?
5. Как Гоголь сам относится к героям повести — идеализирует их или развенчивает?

Приём сатирического преувеличения чувств, переживаний, быта, пейзажа, — один из ведущих в сатирической палитре Гоголя. Вот примеры из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнейшая! А какие смушки! Фу-ты, пропасть, какие смушки! Сизые с морозом»; «Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберёт семена в особую бумажку и начнёт кушать»; «Чудный город Миргород! <...> Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте её».

Так, может быть, и признание в любви, с которой начинается повесть «Старосветские помещики», и описание быта героев, их отношений, гостеприимства, страсти к еде — тоже элементы сатирического изображения?

6. Какое значение для понимания идеи произведения имеет финал повести — описание разорённого имения?
7. Сделайте вывод, чем является повесть Гоголя — «пародией на человечество» или «трогательной идиллией», разоблачением пошлости или поэтизацией уходящего быта. Аргументируйте свою позицию.

Авторами иллюстраций к повести Гоголя были художники П.П. Соколов, П.М. Боклевский, А.М. Каневский. Найдите рисунки и прокомментируйте их (по одной иллюстрации каждого художника).

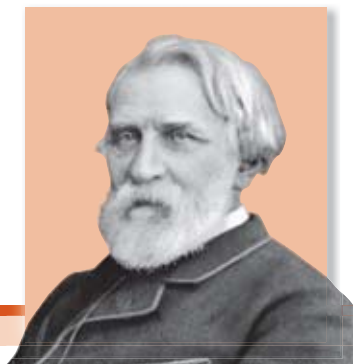
В 1974 году в эфире прозвучал радиоспектакль «Старосветские помещики».

Повесть неоднократно экранизировалась: в 1979 году был поставлен телеспектакль «Старосветские помещики»; в 1983 году вышел фильм «Миргород и его обитатели» (в основе — сюжеты нескольких гоголевских произведений); в 2008 году был показан фильм «Марево» (по мотивам «Старосветских помещиков» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). В том же году киновидеостудия «Анимос» выпустила мультипликационный фильм «Он и она» (по повести «Старосветские помещики»).

По «Старосветским помещикам» поставлены спектакли в Санкт-Петербургском театре юного зрителя имени А.А. Брянцева (режиссёр Г. Васильев), Московском Художественном театре имени А.П. Чехова (режиссёр М. Карбаускис), Омском государственном камерном театре «Пятый театр» (режиссёр М. Глуховская).

Напишите сочинение на тему «Любовь в повести Н.В. Гоголя “Старосветские помещики”».

**ИВАН
СЕРГЕЕВИЧ
ТУРГЕНЕВ
1818—1883**

Тургенев вошёл в литературу в 1840-е годы. Он обратил на себя внимание как один из молодых поэтов, выражавших настроения и мысли поколения, остро переживавших гибель Пушкина, а затем Лермонтова. Читатели полюбили стихотворения и поэмы Тургенева, находили в них близкие себе чувства, актуальные, современные темы и вопросы...

Однако деятельность Тургенева как писателя-прозаика вскоре заставила читателей забыть его поэтические опыты, и сам Тургенев не придавал большого значения своей лирике, считая себя прозаиком по природе своего дарования...

Первым произведением, в котором Тургенев в полной мере выразил себя как художник и как личность, явились «Записки охотника» (1847—1852).

Свойства таинственности Тургенев придавал не только поэтическому, странническому характеру человека из народа, но и крестьянству в целом. Он выразил в своём изображении народа ощущение огромной содержательности и таинственности духовного мира простого человека, в народной среде он видит разнообразие характеров и «неожиданность» их проявлений. Поэт-охотник, скитающийся по родным полям, на каждом шагу делает удивительные открытия,

любое его столкновение с мужиком оставляет в нём вопрос, ощущение тайны, не до конца понятых им возможностей и побуждений простых людей, которых он узнаёт.

В «Записках охотника» постоянно звучат авторитетные мнения крестьян о том или ином помещике, о бурмистре, о нравственной сути поведения людей, о русской жизни и о быте других народов. Автор ссылается на мнение крестьян как на решающий аргумент в пользу какой-либо точки зрения и, желая придать своей оценке бо́льшую весомость, подкрепляет свой взгляд услышанным из уст мужиков приговором.

Народным героям Тургенева присущи высокие нравственные черты. Они — мыслящие, тонко чувствующие личности, обречённые быть «собственностью» того или другого — большей частью ничтожного, тупого и пошлого — барина.

В «Записках охотника» Тургенева в полной мере обнаружилась его способность через типы выражать основные проблемы своего времени.

По Ю.М. Лотману

Вопросы и задания

Какие качества русского крестьянина, по мнению учёного-литературоведа Ю.М. Лотмана, отражены в «Записках охотника»? Подберите и запишите для ответа на вопрос ключевые слова и словосочетания.

Возвращаясь к теме

Какие произведения И.С. Тургенева вы читали? О чём эти произведения? Какие идеи отражены в них?

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому ещё было вёрст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колёс. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжей по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозинками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперёд с трудом. Дрожки прыгали по твёрдым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колёс; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлёпали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принуждён был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! Вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдёт, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошёл к голове лошади, взял её за узду и сдёрнул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжело шлёпала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и при свете молнии увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесённого плетнём. Из одного окошечка тускло светил огонёк. Лесник довёл лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, слышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покромкой, с фонарём в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружьё, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребёнок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошёл к столу и зажёл светильню.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Чёрная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка упёрся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу Бирюк¹.

— А, ты Бирюк?

¹ Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый. (Примеч. И.С. Тургенева.)

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись как огня. По их словам, не бывало ещё на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силён, дескать, и ловок, как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идёт. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не даётся».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуска не даёшь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнёс он с жестокой улыбкой.

Девочка потупилась; ребёнок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке.

— На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребёнка. Он подошёл к двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, барин, — начал он, — нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне ещё печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; её голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, ещё более понутив своё печальное личико.

Лесник вошёл и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчания, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружьё и осмотрел полку.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалют... У Кобыльего Верху¹ дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении ещё толпились тяжёлые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где тёмно-синее небо, звёздочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождём и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь какую ночьку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А этак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдёмте».

¹ «Верхом» называется в Орловской губернии овраг. (Примеч. И.С. Тургенева.)

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушиваться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновение — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался.

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались наконец из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружьё кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки; топор осторожно стучал по сучьям, колёса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Врё-ёшь, врё-ёшь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдёшь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошёл. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрёпанной бородой. Дрянная лошадёнка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс: «Ну, поворачивайся,

ворона!» — промолвил он сурово. «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик. «Зачем ему пропадать!» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шёл позади... Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошадёнку посреди двора, ввёл мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эк его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придётся. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да вишь, засов...

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие жёлтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а, Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик, — приказчик... разорены, во как... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подёргивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторял он с унылым отчаянием, — отпусти, ей-богу, отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как приходится.

— А ты всё-таки воровать не ходи.

— Лошадёнку, — продолжал мужик, — лошадёнку-то, хоть её-то... один живот и есть... отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик всё не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищулив глаза и опустив углы губ, — на, душегубец окаянный: пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошёл, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

— Ах ты... да я тебя!..

— А мне что? Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что

так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети — околевай всё... А до тебя, погоди, доберёмся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

— Полно, полно, Фома, — закричал я, — оставь его... Бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Всё едино — околевать-то. Душегубец ты, зверь, погуби на тебя нету... Да стой, недолго тебе царствовать! затаен тебе глотку, стой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдёрнул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к чёрту с своей лошадьё, — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня!..

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

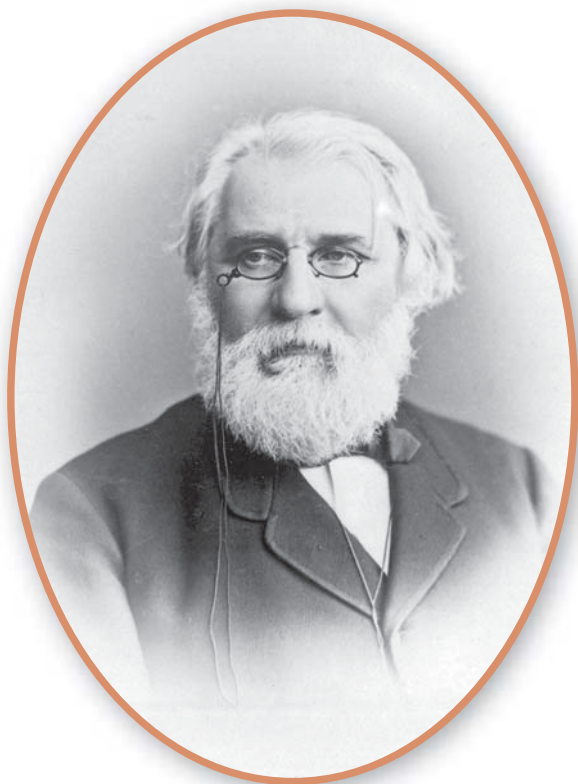
— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец, — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он, — знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колёса мужицкой телеги.

— Вишь, поплёлся! — пробормотал он, — да я его!..

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

И.С. Тургенев.
Фотография К.И. Бергамаско. 1881 г.

Вопросы и задания

1. Какова основная тема рассказа «Бирюк»?
2. Как сам лесник относится к своему прозвищу? Передаёт ли прозвище сущность характера Фомы?
3. Испытывает ли лесник чувство удовлетворения от своей службы? Свои рассуждения подтвердите цитатами из рассказа.
4. Что в большей степени повлияло на окончательное решение лесника?
5. Для чего И.С. Тургенев особо подчёркивает крайнюю бедность, нищету в избе лесника?

6. Найдите те места в рассказе, где говорится об отношении крестьян к леснику. Справедливо ли такое отношение? Аргументируйте свои выводы.
7. Как вы думаете, в чём основной конфликт рассказа?

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая ропот колёс непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

Вопросы и задания

?

1. О чём стихотворение И.С. Тургенева? Сформулируйте его основную тему.
2. В стихотворении использован целый ряд художественных приёмов, придающих тексту особую выразительность и точность поэтического звучания. Какие это приёмы? Определите их и запишите слева — название приёма, справа — пример из текста.
- 3*. Стихотворение И.С. Тургенева положено на музыку. Каков жанр этого музыкального сочинения?

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

В последние годы жизни И.С. Тургенев создаёт цикл «Стихотворения в прозе», который стал своеобразным итогом творческого пути писателя.

Стихотворение в прозе — небольшое лирическое произведение в прозаической форме.

От лирического стихотворения оно отличается отсутствием ритма и рифмы. Общее то, что и лирическим стихотворениям, и стихотворениям в прозе присущи членение на небольшие абзацы (в обычных стихах — строфы), обращение к чувствам, переживаниям лирического героя. В них в большей мере, чем в эпосе¹, выражается личное переживание или впечатление, изображается характер в отдельном его проявлении.

ДВА БОГАЧА

Когда при мне превозносят богача Ротшильда², который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разорённый домишко.

¹ *Эпос* — литературный род (наряду с лирикой и драмой), представляет собой рассказ о действии, героях и событиях. Повествование стремится к объективности и характеризуется как внешнее по отношению к автору.

² *Майер Амшель Бауэр (Ротшильд)* (1744—1812) — банкир, основатель международной династии предпринимателей. Имя Ротшильда стало нарицательным и обозначает очень богатых людей.

— Возьмём мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на неё пойдут, — не на что будет соли добыть, похлёбку посолить...

— А мы её... и не солёную, — ответил мужик, её муж. Далеко Ротшильду до этого мужика!

1878

Вопросы и задания

1. Как называется помощь бедным и обездоленным людям? Приведите несколько синонимов.
- 2*. Какой художественный приём использует И.С. Тургенев в этом стихотворении в прозе?
3. О каких качествах крестьянина говорит писатель?
4. Почему «далеко Ротшильду до этого мужика»?
5. Какие признаки жанра стихотворения в прозе присутствуют в этом произведении?

И.С. Тургенев любил природу, тонко её чувствовал, был терпелив и наблюдателен при общении с ней. Эти качества проявляются во многих его произведениях. В центре ряда стихотворений в прозе — образы природы, что отражено уже в названиях: «Собака», «Воробей», «Черепаша», «Роза», «Насекомое», «Голуби», «Природа».

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки. Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

1878

Вопросы и задания

1. Какие качества личности автора проявляются в стихотворении в прозе «Воробей»?

2. Как вы поняли последние строки произведения? О какой любви говорит здесь писатель?

3. Проследите, насколько точно и полно отражается в стихотворении поведение собаки, птенца и старого воробья. Для этого выпишите ключевые слова и сочетания слов, характеризующие каждый из образов. Сформулируйте вывод.

Образец записи

Старый воробей: камнем упал; взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти; ринулся спасать; заслонил собою своё детище; всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип; замирал; жертвовал собою; не мог усидеть; сила, сильнее его воли...

4. Прочитайте замечательное стихотворение в прозе «Русский язык». Выучите его наизусть. Обратитесь к электронным материалам и послушайте запись выразительного чтения этого стихотворения в прозе.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

1882

Русский язык.

Во дни сокровищ, во дни пылких раздумий
о судьбах моей родины — ты один мне му-
дрость и опора. О великий, могучий, славный и
свободный русский язык! — Не будь тебя — как
не влезть в оковы, при виде всех, что совер-
шается дома? — Но когда вспомню, что ты так
маленький — даешь великому народу!

Июль. 1882.

Автограф¹ И.С. Тургенева. 1882 г.

Советуем прочитать

Материалы к теме «И.С. Тургенев в изобразительном искусстве» вы сможете найти в книге «Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Искусство. Время» (авт.-сост. Ю.П. Пищулин. М., 1988).

¹ Автограф — собственноручный авторский рукописный текст.

СОДЕРЖАНИЕ

О литературе, писателе и читателе	3
--	----------

ИЗ МИФОЛОГИИ

Из греческой мифологии	15
Одиссей на острове циклопов. Полифем	22
Гомер. Одиссея. Песнь девятая (Фрагмент)	28

ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Предания и легенды	33
Солдат и смерть.....	36
Из эпоса народов России	48
Как Бадыноко победил одноглазого великана	48
Сказки	55
Сказка о молодильных яблоках и живой воде	56

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сказание о белгородских колодцах	81
Повесть о разорении Рязани Батыем.....	84
«Поучение» Владимира Мономаха (Фрагмент)...	95

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Михаил Васильевич Ломоносов	105
Стихи, сочинённые на дороге в Петергоф.....	112

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Василий Андреевич Жуковский	119
Светлана	128
Александр Сергеевич Пушкин	140
Зимнее утро	146
Зимний вечер	147
Дубровский	160
Михаил Юрьевич Лермонтов	256
Тучи	261
Парус	264
«На севере диком стоит одиноко...»	268
Утёс	270
Листок	272
Николай Васильевич Гоголь	277
Старосветские помещики	280
Иван Сергеевич Тургенев	316
Бирюк	318
В дороге	328
Два богача	329
Воробей	330
Русский язык	332

Учебное издание

ФГОС

Инновационная школа

Меркин Геннадий Самуилович

ЛИТЕРАТУРА

**Учебник для 6 класса
общеобразовательных организаций**

В двух частях

Часть I

В оформлении переплёта использованы:
иллюстрация к поэме Н.А. Некрасова «Русские женщины»
«Прощальный вечер М.Н. Волконской». Художник Д.Н. Кардовский;
Веер. Германия. Конец XVIII — первая половина XIX в.

Художественное оформление, макет — *Н.Г. Ордынский*

Руководитель Филологического центра *Е.А. Роженцева*
Редакторы *Е.Ю. Петухова, И.Л. Тимашева, Н.В. Умрюхина*
Художественный редактор *Н.Г. Ордынский*
Корректор *Л.Н. Федосеева*
Вёрстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 22.07.19. Формат 60 × 90/16 .
Гарнитура шрифта основного набора «Петербург».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21 + 0,5 (вкл.).
Доп. тираж 10 000 экз. Изд. № 02031_19. Заказ .

ООО «Русское слово — учебник».
115035, Москва, Овчинниковская наб., д. 20, стр. 2.
Тел.: (495) 969-24-54, (499) 689-02-65
(отдел реализации и интернет-магазин).

Вы можете приобрести книги в интернет-магазине:
www.russkoe-slovo.ru
e-mail: zakaz@russlo.ru

ISBN 978-5-533-00838-9

9 | 785533 | 008389